

К. И Т. ЕНКО

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВОЖДЕЙ

ЛЕНИН СТАЛИН
ТРОЦКИЙ

Енко К & Т

Частная жизнь вождей - Ленин, Сталин, Троцкий

К. и Т. Енко

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВОЖДЕЙ - ЛЕНИН, СТАЛИН, ТРОЦКИЙ

Объективное издание о частной жизни трех самых знаменитых политиков XX века России. В книге увлекательно рассказано об интересных и малоизвестных событиях частной жизни Ленина, Сталина, Троцкого. Это повествование тем занимательно, что оно через любовь показывает ту сторону правды об этих людях, которая, как правило, скрывается, но именно она рассказывает о них больше, чем самый глубокий анализ их поведения в других сферах жизни.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во все времена любовь играла не последнюю роль во многих мировых событиях и часто оказывала немаловажное влияние на судьбы народов и целых государств. Появилось даже такое выражение, как "сила слабых и слабость сильных", отражающее большое влияние любви женщины на мужчин, власть имущих. В этом определении заключено олицетворение любви женщины, торжествующей над силой и могуществом мужчин - героев истории.

Но это было в прошлом, вплоть до XIX в. включительно. В XX в. подобное влияние любви резко уменьшается. Большие политики стали негативно относиться к влиянию на их решения со стороны своих жен и любовниц. К этим политикам XX в. можно отнести Ленина В. И., Сталина И. В., Троцкого Л. Д.

Все трое политиков - всемирно известные люди. Двое из них - Ленин и Сталин по статистике ООН о мировых гениях, также признаны гениями человечества, но не на первых местах. Ленин стоит на 37 месте, Сталин - на 98.

У этих людей были жены и любовницы, правда развратниками они не являлись. Политический деятель, умеренно занимающийся сексом, больше добивается успехов на своем пути, чем политик-развратник. Примером этому может служить Франсиско Франко, генералиссимус Испании. У него была одна жена (выше его ростом, из дворянской семьи), и не было любовниц. Адольф Гитлер очень уважал Ф. Франко, никогда не позволял себе над ним подшучивать во время его визитов в Берлин, как это он делал с другими лидерами фашистов из других стран. По "гостевому" обычаю во время визитов Франко в Берлин ему "подсовывали" в постель хорошеньких немок, но он ими никогда не пользовался в отличие от других высокопоставленных гостей.

Франко сумел защитить Испанию от коммунистов во время гражданской войны, не допустил втягивание Испании во Вторую мировую войну, умер естественной смертью (от старости) и оставил после себя процветающую страну.

В наше время американцы создали теорию о том, что излишний секс вредит не только политику, но и бизнесмену - тот, кто слишком увлекается сексом может быстро разориться.

Всемирно известный психоаналитик З. Фрейд как-то сказал: "Сексуальная жизнь цивилизованного человека серьезно искалечена". Эти слова можно полностью отнести к интимной жизни Ленина, у которого не сложились нормальные сексуальные отношения с женой Н. Крупской, а связь с любовницей И. Арманд

оборвалась на "самом интересном месте" из-за её ухода в мир иной.

Слова другого всемирно известного человека - художника Винсента Ван Гога можно отнести к интимной жизни всех трех персонажей книги, которые всю жизнь занимались политикой:

"Рисование (в нашем случае - политика) и секс не совместимы. Секс расслабляет мозги... Если мы хотим проявить себя в своей работе как настоящие мужчины, мы должны ограничивать себя и не заниматься сексом слишком много".

У Ленина была одна жена - Н. Крупская и одна любовница Инесса Арманд. В одном из писем к своей подруге Н. Крупская, когда они с Лениным находились в городе Кракове, писала: "Все хорошо, но плохо то, что Ленин любит заглядывать в чужие кастлюли", имея в виду увлечения Лениным другими женщинами.

Ленин был очень привязан к красивой, раскованной, любвеобильной Инессе Арманд, матери пятерых детей.

Смерть Инессы Арманд в 1920 году от холеры ускорила кончину Ленина: он, любя её, не смог этого пережить.

Сталин не был сексуально озабоченным человеком, не занимался развратом, хотя возможности для этого у него были неограниченными. Он был два раза женат. Первая жена С.Сванидзе рано умерла, в 1907 г., оставив ему сына Якова. Второй женой Сталина стала Н.С.Алилуева.

Она родила от Сталина двоих детей: сына Василия в 1921 году и дочь Светлану в 1926 году.

После смерти своей второй жены Сталин официально не женился и ни в одну женщину по-настоящему не влюблялся, но все же находил время общаться с женщинами. У него были короткие и не слишком частые связи с отдельными женщинами, но никто из них не мог повлиять на его поведение, на его

образ жизни. В то же время в обслуге Сталина всегда находилась молодая женщина (не девушка), подготовленная КГБ для того, чтобы Сталин удовлетворял свои "физиологические потребности". Сталин этими возможностями пользовался.

У Троцкого были две жены и две любовницы. Первая жена Александра Соколовская, девушка "с нежными глазами и железным умом" была старше Троцкого и родила ему двух дочерей. Вторая жена - Наталья Седова была моложе Троцкого и родила ему двух сыновей.

Первая любовница Троцкого - английский скульптор К. Шеридан. Она вступила в любовную связь с Троцким в Москве в 1920 году.

Вторая любовница Троцкого - мексиканская художница Фрида Кало, жена всемирно известного мексиканского художника Диего Риверы.

Ознакомление с интимной жизнью Ленина, Сталина, Троцкого, как и других подобных личностей, приводит нас к выводу, что историю можно изучать не только по учебникам истории.

1. ЛЕНИН В.И.

ПОЭЗИЯ ОТНОШЕНИЙ И МОЛОДАЯ СТРАСТЬ

В. И. Ленин любил женщин, как и все нормальные мужчины. Однако на его любовь наложили свой глубокий отпечаток его революционная деятельность и его большое трудолюбие во имя революции, ведь Ленин (Ульянов) Владимир Ильич в советское время считался величайшим теоретиком и вождем мирового пролетариата и всего трудящегося человечества, творцом ленинизма марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, основателем большевистской партии и первого в истории социалистического государства диктатуры пролетариата.

По словам единственной жены Ленина, Надежды Крупской, когда они с Лениным поженились во время

ссылки в сибирском селе Шушенском и стали молодоженами, в их отношениях "была поэзия, молодая страсть".

Один из курсантов Кремлевских курсов Ваня Троицкий, дежуривший на посту у квартиры Ленина в Кремле в 1919 г., рассказал такой случай:

- Однажды, когда я поздно дежурил на посту у квартиры Ленина в Кремле, Владимир Ильич попросил меня, как только я услышу внизу на лестнице шаги Надежды Константиновны, задержавшейся на каком-то заседании, постучать в дверь и позвать его.

Я вслушивался в ночную тишину. Все было тихо. Но вдруг растворилась дверь квартиры и быстро вышел Владимир Ильич.

- Никого нет, - сказал я.

Владимир Ильич сделал мне знак молчать:

- Идет, - прошептал он заговорщически и сбежал вниз по лестнице, чтобы встретить Надежду Константиновну. Она шла, ступая совсем тихо, но он все же услышал.., значит любит, - подумал я, - любит не только мировую революцию, но и Надежду Константиновну".

Почти четверть века Ленин и Крупская жили как муж и жена. И можно с уверенностью сказать, что любовь между ними была. Раньше, в советское время, писали об их любви, как о "любви озаренной романтикой поднимающейся рабочей революции, счастьем совместной борьбы, взаимным пониманием по одному слову. Вздоху, молчанию". Конечно, любовь бывает самая разная, бывает и такая, о которой говорится в приведенной цитате.

Но такая любовь больше относится к Н. Крупской, чем к В. Ленину. Крупская, больше чем Ленин, могла переживать страсти, одухотворенность, глубокие душевные порывы, даже экстаз, но не религиозный, а экстаз при виде действий революционных масс. Об этом

видно из одного её письма, написанного ею в ноябре 1917 года: "... теперь, когда живешь с массой, часто переживаешь такое чувство, точно присутствуешь при тайне одухотворения, очеловечения жизни масс. И мне ужасно жаль, что нет художника настоящего, который мог бы в художественном произведении отразить этот процесс".

Не таков Ленин. Он был большим эгоистом, самолюбивым и крайне жестоким человеком. Несмотря на его огромное трудолюбие, мы можем сказать, что он был ещё и ленивым. Он не исполнял монотонной и скучной работы, всегда занимался творческой работой, а не "обязаловкой", как это делало подавляющее большинство советских людей, работавших на социалистическое государство.

Лень его выражалась и в том, что он, как и другие большие политики, Сталин и Троцкий, не любил быта. Быт - это не творческая работа. Крупская говорила про Ленина: "Он уверен, что булки растут на деревьях".

Джордж Реймент, дававший в Лондоне Ленину и Крупской уроки усовершенствования английского языка, вспоминает, каков был быт семьи Ленина: "Больше всего эта семья меня поразила какой-то жуткой неприспособленностью к бытовым проблемам. В их квартире было постоянно не убрано, словно хозяева собираются вот-вот куда-то переехать. Я ни разу не видел, чтобы Крупская занималась по хозяйству". И по признанию того же англичанина: "Крупская - ужасно некрасивая, сутулая, выглядевшая много старше своих лет женщина, впрочем, не без насмешливой хитринки в глазах, сначала тоже пыталась усовершенствовать свою разговорную английскую речь, но, убедившись, что эта работа для неё слишком изнурительна, вскоре бросила".

Запущенный быт - это тоже проявление лени. С чувством лени знаком каждый человек. Лень оказывает

большое влияние на поведение и деятельность каждого человека. Лень проявляется по-разному. Одни отлынивают от работы, но, начав её, продолжают с интересом и даже с удовольствием. Другие проявляют "трудолюбие лодыря": спешат взяться за порученное дело, лишь бы поскорее избавиться от него. Иные с азартом принимаются за все новое, но затем остывают и ничего не доводят до конца.

Ленин не захотел уделять много времени поискам своей второй половины, делал он это между занятиями своими революционными делами. В этом и проявлялась также его лень. И таким был Ленин во всем. Это случай, когда инстинкт лени определяет всю жизнь человека. Ведь Ленин ничего не создал, он всю свою жизнь только разрушал, уничтожая при этом людей. Так у него и получилось, что он по-настоящему не создал свою семью.

Мать Ленина, Мария Александровна Бланк, по одной версии была еврейкой от отца еврея, принявшего православие, по другой - как утверждает Крупская - она немка.

Всю жизнь, пока Мария Бланк была жива, она заботилась о сыне, пересылала ему деньги, устраивала в университеты, сначала в Казанский, потом в Петербургский. После неё такие же обязанности взяла на себя мать Надежды Крупской - Елизавета Васильевна.

Во второй половине 1883 года Володя Ульянов оказался в Питере, поступив стараниями матери в Петербургский университет, а она сама обосновалась в Москве.

"Устроившись в Москве, мать с Аней (старшей дочерью) поехали к сыну в гости. Мария Александровна не без горечи отметила, что Володе совершенно безразлично, в каком состоянии его одежда, что пальто износилось, что рубашка Бог знает, когда в последний

раз стирана, что носки уже невозможно одевать. Этим он напоминал своего отца, но за ним хоть было кому присматривать, а тут...

"Найти бы ему какую-нибудь девушку", - грустно подумала мать, но это было очень непросто. Кто захочет идти замуж за человека, у которого в голове одни книги, который-то и поговорить ни о чем другом не умеет, как только о борьбе, о свержении царя, а тому, кто не сочувствует пролетариату, руку не подаст. Да и дома по хозяйству толком ничего сделать не может, гвоздя забить не умеет, жить может среди грязи, лишь бы только ему не мешали читать да писать свои статьи.

А ведь хотелось бы, чтобы жена у чего была образованная. Но и хозяйством могла заниматься... У молодых ведь одно на уме, а какой из Володи любовник, он и в первую брачную ночь может с книгой в кровать залезть.

Хотя хорошо было бы, если бы какая-нибудь девушка немного отвлекала бы его от своей работы.

Да где же её найти?" (См. Б. Орса-Койдановская. Интимная жизнь Ленина. 1994. Минск, стр. 62-63).

Такая девушка вскоре нашлась. Ею оказалась Надя Крупская.

Но сначала Ленин попытался проявить самостоятельность. Ему нравилась красивая девушка из Казани Елена Ленин. Она обещала поехать с ним в ссылку, в Сибирь, но обещания своего не сдержала. Но память о ней он оставил для себе на всю жизнь: взял её фамилию в качестве главного партийного псевдонима - Ленин.

Эта красивая девушка не захотела говорить с Володиёй Ульяновым только о "борьбе пролетариата и свержении царя".

Крупская вошла в жизнь Ленина вместе с революционной борьбой.

Надежда Константиновна Крупская, будущая жена Ленина, родилась в семье чиновника средней руки в 1869 году (на год старше Ленина). Она единственная дочь Елизаветы Васильевны и Константина Игнатьевича Крупских. Окончила одну из лучших школ России - гимназию княгини Оболенской. В 1883 году 14-летняя Надя осталась без отца - он умер.

В 1887 году Надя окончила восьмой педагогический класс и получила диплом домашней наставницы, что дало ей возможность вести платную педагогическую работу: готовить к экзаменам учениц гимназии.

Одна из гимназических подруг Нади вспоминает о девичьих годах юной Крупской:

"В её девичьей жизни не было любовной игры, не было перекрестных намеков, взглядов, улыбок, а уж тем более не было поцелуйного искушения. Надя не каталась на коньках, не танцевала, не ездила на лодке, разговаривала только со школьными подругами да с пожилыми знакомыми матери".

За Надей никто не ухаживал.

Весной 1890 года, за четыре года до встречи с Лениным, Надя прочитала "Капитал" Маркса и пришла от ознакомления с этим трудом в восторг:

"Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение - вот выход".

В феврале 1894 года Наде исполнилось 25 лет. В это время она вела преподавательскую работу, занималась в социал-демократических кружках.

Надя также преподавала в воскресной школе за Невской заставой, а Владимир Ульянов там руководил кружками. Здесь они и познакомились. В это время Надя была худенькой девушкой с тяжелой светлой косой, у неё были тонкие руки, заметная складка у чуть припухших губ. По словам Нади, её первая встреча с Лениным состоялась так:

"Увидела я Владимира Ильича на масленице. На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином (Лениным). Ради конспирации были устроены блины".

Через какое-то время знакомство закрепилось. Н. Крупская рассказывала:

"Зимой 1894/95 г. я познакомилась с Владимиром Ильичом уже довольно близко. Он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, я там же четвертый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе... Я жила в то время на Старо-Невском, в доме с проходным двором, и Владимир Ильич по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры".

В это время Ленин встречался с двумя девушками: Н. Крупской и Зинаидой Невзоровой. Зина была красивой, изящной девушкой, и Ленину она нравилась.

Летом 1885 года Ленин побывал за границей - в Берлине, Швейцарии. После возвращения в Россию его арестовали и за революционную деятельность послали в ссылку на три года в Восточную Сибирь.

Многие ссыльные заводили жен и затем увозили их в ссылку. Так поступил и Ленин. Он направил Н. Крупской письмо с предложением стать его женой, в это время находившейся в тюрьме. Крупская ответила согласием и стала проситься в ссылку туда, куда сослали Ленина - в Восточную Сибирь, в село Шушенское. Она получила разрешение ехать вместе с матерью - сама она бытом, как и Ленин, не занималась.

В ответном письме Ленину Н. Крупская написала:

"Ну что ж, женой так женой".

В ссылке Ленин жил за казенный счет и получал ещё деньги из дома. Может показаться, что он жил как

на курорте. Многие ссыльные в других, тяжелых условиях, просто Ленин сам смог организовать так свою жизнь.

Свидетельствует его товарищ по ссылке Г. М. Кржижановский:

"Кажется, на первом же году ссылки мне удалось под каким-то предлогом получить разрешение на пребывание в течение нескольких недель в селе Шушенском... В ту пору Владимир Ильич жил в полном одиночестве.. По утрам Владимир Ильич обыкновенно чувствовал необычайный прилив жизненных сил и энергии, весьма не прочь был побороться и повозиться...

Владимир Ильич был большим поклонником морозного чистого воздуха, быстрой ходьбы, бега на коньках, шахмат и охоты".

Чтобы попасть в благодатный Минусинский край, Ленину пришлось прибегнуть к обману. Вспоминает врач В. М. Крутовский:

"Я научил Владимира Ильича подать губернатору прошение о болезни и об освидетельствовании состояния его здоровья. Сам же взял на себя хлопоты провести это дело в благоприятном смысле. Мне это было легко сделать, так как губернатор был со мной знаком, а я состоял членом врачебного отделения, которое должно было произвести освидетельствование, причем остальные члены были моими хорошими товарищами.

Владимир Ильич так и поступил. Губернатор приказал врачебному отделению освидетельствовать Ленина. Мы "нашли" туберкулезный процесс в легких и сочли необходимым назначить местом ссылки южную часть губернии, то есть Минусинский уезд. Так и вышло."

Поздним вечером 6 мая 1897 года ямщики доставили ссыльных в Минусинск. Для запыленных и

уоставших пассажиров была вытоплена баня. После бани все расположились на отдых.

На другой день, в среду 7 мая к 9 часам утра Ленин и другие ссыльные направились по Новоприсутственной улице в полицейское правление. Они предъявили исправнику проходные свидетельства. Исправник ознакомил их с уставом о ссыльных и предложил на следующий же день выехать из Минусинска Владимиру Ильичу в село Шушенское в распоряжение полицейского заседателя Икингина, а Кржижановскому и Старкову - в село Тесь-на-Тубе, под гласный надзор полицейского заседателя 2-го участка Дуреева.

Из прошения минусинскому окружному исправнику:

"Будучи назначен на жительство в село Шушенское и не имея возможности иметь там какой-либо заработок, я имею честь просить о назначении мне установленного законом пособия на содержание, одежду и квартиру.

г. Минусинск, 7 мая 1897 года.

Владимир Ульянов".

Место ссылки Ленину нравилось, вот как он описывал его в письмах родным и близким:

"Назначением своим... я очень доволен, ибо Минусинск и его округ лучшие в этой местности и по превосходному климату и по дешевизне жизни. Расстояние от Красноярска не очень большое...

Я назначен в село Шушенское... Это большое село (более 1, 5 тысяч жителей) с волостным правлением, квартирой земского заседателя (чин, соответствующий нашему становому, но с более обширными полномочиями), школой и т.д. Лежит оно на правом берегу Енисея, в 56 верстах к югу от Минусинска. Так как есть волостное правление, то почта будет ходить, значит, довольно правильно: как я слышал, два раза в неделю. Ехать туда придется на пароходе до

Минусинска (дальше вверх по Енисею пароходы не ходят, а затем на лошадях."

Ленин чувствовал себя в сибирской ссылке прекрасно. Из воспоминаний Г. М. Кржижановского: "Когда в период сибирской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичем я рассказал ему об определении здорового человека, данном известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

- Вот именно так, - говорил он, - если здоровый человек хочет есть, так уж хочет по-настоящему; хочет спать - так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит, - так уж тоже по-настоящему...

Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека."

Но Ленину в ссылке нужна была верная подруга, жена. 1898 году ему уже было 28 лет, и по отзыву Кржижановского это был здоровый, нормальный мужик. По свидетельству очевидцев, Ленин в это время выглядел солиднее чем на 28 лет, так как "уже в то время голова его имела мало волос, особенно спереди".

8 января 1898 года Владимир Ильич послал телеграмму директору департамента полиции:

"Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское.

Административно-ссылный
Ульянов".

Из прошения Н. К. Крупской министру внутренних дел:

"Выходя замуж за Владимира Ильича Ульянова, находящегося в Енисейской губернии, Минусинском округе, селе Шушенском, я обращаюсь к вашему

высокопревосходительству с покорнейшею просьбою назначить мне местом высылки, если таковая последует мне в виде наказания, местожительство моего жениха.

Избирая Сибирь местом ссылки, я прошу также о сокращении срока её до 2-х лет ввиду того, что через 2 года кончается срок ссылки моего жениха, а также ввиду того, что со мною едет мать.

1898 года, января 9-го дня.

Надежда Крупская".

Из отношения петербургского градоначальника енисейскому губернатору:

"По ходатайству Н. К. Крупской министерство внутренних дел признало возможным разрешить отбыть определенный ей срок гласного надзора полиции взамен Уфимской губернии в Минусинском округе Енисейской губернии, где водворен её жених административно-ссылный Владимир Ульянов с предварением её, что если она по прибытии в ссылку не вступит в брак с упомянутым Ульяновым, то будет переведена в Уфу.

Вечером 6 мая 1898 года Н. Крупская прибыла в Минусинск. За ней тотчас же был учрежден гласный надзор. 7 мая Крупская была отправлена по назначению в с. Шушенское".

Из воспоминаний Н. К. Крупской: "В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, мы (Н. К. Крупская и её мать Елизавета Васильевна) приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу. В Сибири - в Минусинском округе - крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали. Наконец вернулся с

охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате свет... Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я ему навстречу из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь."

В. И. Ленин о приезде Н. Крупской:

"Приехали ко мне наконец, дорогая мамочка, и гости. Приехали они седьмого мая вечером, и как раз ухитрился я именно в этот день уехать на охоту, так что они меня не застали дома. Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно - придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: "Эк Вас разнесло!" - отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!..".

Н. К. Крупская о Ленине:

"...Добрались мы до Шушенского, и я исполняю свое обещание - написать, как выглядит Володя. По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере. Одна здешняя обитательница полька говорит: "Пан Ульянов всегда весел". Увлекается он страшно охотой, да и все тут вообще завязанные охотники..."

Из прошения Владимира Ильича начальнику Енисейской губернии:

"7 мая сего 1898 года в село Шушенское приехала моя невеста административно-ссыльная Надежда Крупская. Первоначальным местом ссылки ей была назначена Уфимская губерния, но господин министр внутренних дел разрешил ей проживать в селе Шушенском под условием выхода замуж за меня.

Немедленно по приезде моей невесты, 10 мая 1898 года, я подал прошение г-ну Минусинскому окружному исправнику о высылке мне свидетельства на вступление в брак. Так как ответа на это прошение не было, то я в бытность мою в городе Минусинске, в 20 числах мая, лично явился к г-ну исправнику и повторил

свою просьбу. Г-н исправник ответил мне, что не может выдать мне свидетельство, так как у него нет моего статейного списка и что по получении моего статейного списка просимое свидетельство будет выслано. Несмотря на это, свидетельство не получено мною и теперь, хотя со времени подачи прошения прошло более полутора месяца. Это непонятное промедление получает для меня особенное значение ввиду того, что моей невесте отказывают в выдаче пособия до тех пор, пока она не выйдет за меня замуж (таков именно ответ, полученный ею сегодня, 30 июня, на прошение о выдаче пособия). Таким образом получается крайне странное противоречие: с одной стороны, высшая администрация разрешает по моему ходатайству перевод моей невесты в село Шушенское и ставит условием этого разрешения немедленный выход её замуж; с другой стороны, я никак не могу добиться от местных властей выдачи мне документа, без которого вступление в брак не может состояться; и в результате всего виновной оказывается моя невеста, которая остается без всяких средств к существованию.

На основании изложенного имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение:

1) о разыскании моего статейного списка или документа о личности, или наведении справки в надлежащем присутственном месте;

2) о высылке мне требуемого законом свидетельства или документа на вступление в брак.

Административно-ссылный по политическому делу,
помощник присяжного поверенного

Владимир Ульянов

Село Шушенское, 30 июня 1898 года."

Н. Крупская: "Когда я жила в Шушенском, месяца через два пришла официальная бумажка с предложением повенчаться или ехать в Уфу. Мы

посмеялись и повенчались. Были мы мужем и женой и хотели жить и работать вместе."

После венчания Крупская и Ленин составили уговор: никогда ни о чем друг друга не расспрашивать - без величайшего доверия они не мыслили себе совместной жизни. И ещё об одном договорились они: никогда не скрывать, если их отношения друг к другу изменятся.

Из воспоминаний Г. М. Кржижановского:

"..В молодости она (Н. К. Крупская) необыкновенно была хороша, что-то во внешности её было приковывающее, одухотворенное что-то. И русское очень. Коса ниже пояса: бывало, ахали в Шушенском...".

"Надежду Константиновну, - рассказывала местная крестьянка А. С. Середкина, - вспоминаю молодой женщиной, тоненькой, с красивой длинной русой косой, с ясными ласковыми глазами, такой приветливой и скромной; всегда при встрече с нами улыбалась, улыбка у неё была хорошая".

Как жили молодожены, об этом они говорят сами. Н. К. Крупская: "Мы ведь молодожены были, - и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти. Мещанства мы терпеть не могли, мама также, и обывательщины не было в нашей жизни. Мы встретились с Ильичом уже как сложившиеся революционные марксисты, - и это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу".

Но в то же время Крупская и Ленин с молодых лет, презрительно относились к буржуазному быту, ненавидели мещанство, сплетни, обывательщину. Они считали, что не может быть семейной жизни вне общественных интересов. Жизнь, пропитанная неискренностью, приспособленчеством, "была им отвратительна".

Хотелось бы отметить некоторые особенности супружеской жизни Ленина и Крупской. Когда она

приехала в село Шушенское, Ленин был на охоте. По этому поводу авторы некоторых книг о Ленине придумывают различные причины. Так, Б. Орса-Койдановская делает заключение:

"Можно представить себе состояние женщины, которая стремилась к нему через всю страну, а он даже не соизволил встретить ее! Как же так?"

Да очень просто, если допустить, что Ленин рассчитывал, что к нему едет фиктивная жена." (См. цит. произв. "Интимная жизнь Ленина", с. 93).

Дело не в том, что Ленин ждал "фиктивную жену". Н. Крупская не была для него таковой. Просто Ленин в этом случае проявил присущую ему деликатность: Крупская ещё не была его женой, они никогда до этой встречи, да и после нее, не целовались и не обнимались на людях. Поэтому Ленин решил, что лучше будет, если Надежда приедет в его отсутствие, демонстрировать свои отношения с Крупской на людях он не хотел, да и она к этому, видимо, не стремилась.

Другой особенностью их супружеской жизни было то, что у них никогда не было общей спальни кровати, кровати всегда были две, детей у них тоже не было, может быть, этому препятствовала базедова болезнь, которая началась у Крупской во время ссылки.

Деликатность Ленина была не природной чертой его характера, а приобретенной. Ленин вращался в кругу русской интеллигенции, где отношения друг к другу были деликатные, вежливые, предупредительные. Но эта деликатность сыграла однажды, уже в советское время, плохую шутку с Лениным, когда тот совершил политическую ошибку. О ней мы расскажем ниже, тем более она имеет прямое отношение к Н. Крупской, его жене.

Н. Крупская о жизни в ссылке:

"Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое жалование -

восьмирублевое пособие - имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья... Правда, обед и ужин был простоват - одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока не съест; покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготовляли, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь...

Зажили семейно. Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству... Мы с мамой воевали с русской печкой. Вначале случилось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство".

Так как у Зыряновых, где с начала ссылки жил Ленин, мужики часто напивались пьяными, и семье Ленина жить там было во многих отношениях неудобно, они перебрались 10 июля 1898 года на другую квартиру - полдома с огородом наняли за четыре рубля. В одноэтажном доме они занимали три комнаты. Первая служила столовой и приемной, в её углу стоял столик Надежды Константиновны, а напротив - другой стол, с книгами и газетами. Между столовой и спальней была маленькая комнатка - кабинет Владимира Ильича.

В ссылке Владимир Ильич носил русские косоворотки, которые очень любил, а поверх - серый пиджак. Работал Владимир Ильич чаще всего стоя возле сделанной по его заказу в Шушенском конторки, на которой помещалась лампа...

В спальне было несколько деревянных стульев, стол, книжная полка и две деревянные кровати. Матрацы свои Ленин и Крупская сами набили соломой.

Из воспоминаний Н. Крупской.

Август 1898 года:

"В Шуше очень даже хорошо летом. Мы каждый день ходим по вечерам гулять, мама-то далеко не ходит, ну а мы иногда и подальше куда-нибудь отправляемся. Вечером тут совсем в воздухе сырости нет и гулять отлично. Комаров хотя много, и мы пошили себе сетки, но комары почему-то специально едят Володю, а в общем жить дают. Гулять с нами ходит знаменитая "охотничья" собака, которая все время, как сумасшедшая, гоняет птиц, чем всегда возмущает Володю. Володя на охоту это время не ходит (охотник он все же не особенно страстный), птицы что ли на гнездах сидят, и даже охотничьи сапоги снесены на погреб. Вместо охоты Володя попробовал было заняться рыбной ловлей, ездил как-то за Енисей на ночь налимов удить, но после последней поездки, когда не удалось поймать ни одной рыбешки, что-то больше нет разговору о налимах. А за Енисеем чудо как хорошо! Мы как-то ездили туда с массой всякого рода приключений, так очень хорошо было.

На нас последние дни было сделано "нашествие иноплеменников", частью из Минусы, частью из окрестностей, публика самая разнохарактерная. В нашей мирной жизни это произвело целую сумятицу, и мы к концу несколько очумели. Особенно доняли нас разные "хозяйственные" разговоры о лошадях, коровах, свиньях и т. д. Тут все увлекаются хозяйством, даже и мы было завели пол-лошади (один из здешних обывателей взял из волости под расписку лошадь, мы хотели покупать ей корм и за это могли бы пользоваться лошадью сколько угодно), но наши пол-лошади оказались таким изъезженным конем, который 3 версты везет 1/2 часа, пришлось отдать его обратно, и это наше хозяйственное предприятие потерпело фиаско. Зато усердно собираем грибы, рыжиков и груздей у нас куча. Володя сначала заявил, что не любит и не умеет грибов собирать, а теперь его из лесу

не вытащишь, приходит в настоящий "грибной раж"... Не думаю, чтобы наш "помещичий дом" был очень холоден, тут раньше писарь жил, так говорит - ничего, тепло. Во всяком случае мы примем все предосторожности: заказали войлоки, замажем тщательно окна, сделаем кругом дома завалинку и т. д. У нас в каждой комнате печь, так что, надо думать, очень холодно-то не будет".

Ноябрь 1898 года:

"Еще занятие - каток. Около нашего дома на речке по инициативе Володи и Оскара сооружен каток, помогали учитель (В. П. Стародубцев) и ещё кое-кто из обывателей. Володя катается отлично и даже закладывает руки в карманы своей серой куртки, как самый заправский спортсмен... я вовсе кататься не умею; для меня соорудили кресло, около которого я и стараюсь (впрочем, я только 2 раза каталась и делаю уже некоторые успехи), учитель ждет ещё коньков. Для местной публики мы представляем даровое зрелище: дивятся на Володю, потешаются надо мной и Оскаром и немилосердно грызут орехи и кидают шелуху на наш знаменитый каток. Собака Дженни очень неодобрительно относится к катку, она предпочитала бы носиться по поскотине, совать морду в снег и приносить Володе всякие редкости вроде старых лошадиных подков... Володей мама недовольна: он недавно самым добросовестным образом принял тетерку за гуся, ел и хвалил: хороший гусь, не жирный. Да, ещё есть развлечение. На рождество мы собираемся в город, и Володя к тому времени шахматы приготавливает, собирается сразиться не на живот, а на смерть с Лепешинским. Шахматы Володя режет из коры, обыкновенно по вечерам, когда уже окончательно "упишется". Иногда меня призывает на совет, какую голову соорудить королю или талию какую сделать королеве. У меня о шахматах представление самое

слабое, лошадь путаю со слоном, но советы даю храбро, и шахматы выходят удивительные...

Поздней осенью, пока не выпал ещё снег, но уже замерзли реки, далеко ходили по протоке - каждый камешек, каждая рыбешка видны подо льдом, точно волшебное царство какое-то. А зимой, когда замерзает ртуть в градусниках и реки промерзают до дна, вода идет сверх льда и быстро покрывается ледком, можно было катить на коньках версты по две по гнущейся под ногами наледи. Все это страшно любил Владимир Ильич".

Из воспоминаний ссыльного А. С. Шаповалова:

"Летом 1899 года, возвращаясь однажды из волости, я заметил одноколку, показавшуюся из-за угла. Седоки - мужчина и женщина - не могли быть крестьянами. Оба были одеты в городские костюмы. А молодая женщина с миловидным бледным лицом носила на голове даже городскую шляпу. "Не новые ли это ссыльные?" - явилась у меня мысль, но, всмотревшись внимательнее в них, я торопливо побежал навстречу одноколке. В седоке я, к своей радости, узнал Владимира Ильича, а в его спутнице - Надежду Константиновну.

Первой меня узнала Надежда Константиновна.

- Володя, - услышал я, - ведь это Александр Сидорыч.

У Надежды Константиновны было необыкновенно милое, симпатичное лицо, которое делалось ещё привлекательнее, когда она улыбалась.

- Здравствуйте, Александр Сидорыч. Как хорошо, что мы вас встретили. Куда это вы?

- Едемте ко мне, - сказал я. - Во-первых, это в двух шагах отсюда, во-вторых, у меня хозяйка - свой человек, и, наконец, Фридрих Вильгельмович и Егор Васильевич ушли ещё вчера с вечера на охоту и вернутся вечером.

Я жил в это время у крестьянки Ветвиновой, на той же площади, где находилась волость. Я ввел Владимира

Ильича и Надежду Константиновну в свою комнату, указал им воду для умывания, заказал чаю и "шаньги", а сам сбегал на квартиры товарищей Ленгника и Барамзина и оставил у каждого по записке с извещением о приезде Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Когда я вернулся в свою комнату, хозяйка уже вносила кипящий самовар и большое блюдо с только что испеченными горячими румяными "шаньгами". Владимир Ильич и Надежда Константиновна, умывшись с дороги, сидели перед столом и рассматривали мои книги и тетрадь, в которую я вносил свои заметки, выдержки из прочитанных книг, цитаты, цифровой материал и прочее. В той же тетради было переписано множество революционных гимнов и стихотворений наших русских поэтов.

...Мы направились к Егору Васильевичу Барамзину, у которого комната была больше и вообще удобнее для разговора. В то время и в ссылке нужно было остерегаться ушей жандармов.

Оживленный обмен мнений, начавшийся у Владимира Ильича с Ф. В. Ленгником и Е. В. Барамзиным, продолжался все три дня, до самого отъезда Владимира Ильича в село Шушенское.

Накануне отъезда Владимира Ильича мы все взобрались на Георгиевскую гору. Отсюда, когда смотришь на восток, открывается вид на реку Тубу с её рукавами и островами, и она кажется сверху светлой извилистой лентой между двумя грядами гор, нависшими над тубинской долиной. Когда посмотришь на юг, видишь огромное предгорье Саянского хребта. Горы, как огромные, внезапно застывшие волны, становясь чем дальше, тем выше, громоздятся одна за другой и уходят вдаль, где на горизонте видны иногда снеговые вершины самых высоких хребтов. Но это бывает сравнительно редко. Но Владимиру Ильичу повезло. Как будто для него, когда солнце склонялось к

закату, горизонт вдруг очистился, и перед нашими изумленными глазами проступили сквозь голубую мглу блестящие снеговые вершины этих далеких гор...".

Из воспоминаний Н. Крупской:

"С утра мы брались с Владимиром Ильичом за перевод Вебба, который достал мне Струве. После обеда часа два переписывали в две руки "Развитие капитализма". Потом другая всякая работешка была. Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна, мы побросали все дела и перевели её в срок - в две недели. Поработав, закатывались на прогулки. Владимир Ильич был страстным охотником, завел себе штаны из чертовой кожи и в какие только болота не залезал. Ну, дичи там было! Я приехала весной, удивлялась. Придет Проминский - он страстно любил охоту - и, радостно улыбаясь, говорит: "Видел - утки прилетели". Приходит Оскар и тоже об утках. Часами говорили, а на следующую весну я сама уже стала способна толковать о том, где, кто, когда видел утку. После зимних морозов буйно пробуждалась весной природа. Сильна становилась власть её. Закат. На громадной весенней луже в поле плавают дикие лебеди. Или - стоишь на опушке леса, бурлит реченка, токуют тетерева. Владимир Ильич идет в лес, просит поддержать Женьку. Держишь её, Женька дрожит от волнения, и чувствуешь, как тебя захватывает это бурное пробуждение природы. Владимир Ильич был страстным охотником, только горячился очень. Осенью идем по далеким просекам. Владимир Ильич говорит: "Знаешь, если заяц встретится, не буду стрелять, ремня не взял, неудобно будет нести". Выбегает заяц, Владимир Ильич палит.

Позднею осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деваться некуда, бегают, как овцы,

кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники".

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ

Срок ссылки подошел к концу. Настало время возвращаться.

Из письма Н. К. Крупской М. А. Ульяновой от 19 января 1900 года:

"Вещи отправляем 28-го, а 29-го двигаемся сами. Едем компанией: с Василием Васильевичем (Старковым) и Ольгой Александровной (Сильвиной).

В Уфе Володя хочет остановиться дня на два, чтобы узнать, как вырешится, оставят ли меня в Уфе или отправят в какой-нибудь Стерлитамак или Белебей. Теперь у нас только и разговору, что о дороге. Книги уложили в ящик и свесили, выходит около 15-ти пудов. Книги и часть вещей отправляем транспортом, впрочем, вещей у нас будет, кажется, не очень много. Ввиду морозов хотели заказать кошеву с верхом, но в городе достать нельзя, а тут заказывать сомнительно, такую еще, пожалуй, сделают, что не доедет до Ачинска. Теплой одежды много, авось не замерзнем, да и погода, кажется, собирается потеплеть. Оскар вчера видел где-то облачка, а сегодня утром было только 28 градусов. Хуже всего то, что мама все студится, вот теперь кашляет опять. Мы-то с Володей выходим каждый день, несмотря на морозы, и к воздуху привыкли, а мама не знаю как уж доедет. Хочется поскорее, чтобы прошло время до 29-го, ехать, так ехать. Положим, отъезд так уж близко, что мама сегодня собиралась было стряпать в дорогу пельмени. Нам советуют брать в дорогу непременно пельмени, остальное все замерзнет. Вот мама и собирается настряпать уйму этого снадобья, без жиру и луку".

Из воспоминаний М. А. Сильвина:

"29 января 1900 года Ольга Александровна (Сильвина) выехала из Минусинска вместе с Ульяновыми

и Старковым. Как она мне потом рассказывала, на проводы собралась почти вся наша колония: Курнатовский, Шаповалов, Барамзин, Лепешинский и другие. Выехали в двух кошевках: в одной сидели Владимир Ильич со Старковым, в другой - Надежда Константиновна с матерью и Ольга Александровна. На первой же остановке дамы заявили, что им тесно, и Надежда Константиновна перекочевала к Старкову, а Владимир Ильич уселся рядом с ямщиком на облучке в других санях. День был морозный, и у Владимира Ильича зябли руки... Артельным старостой всю дорогу был Владимир Ильич; он расплачивался с ямщиками и с хозяйками на остановках за постой и самовары. Харчами довольствовались большей частью взятыми при отъезде из дома, в их числе были и традиционные замороженные пельмени, гремевшие в мешке, как каленые орехи; ими засыпали чугунок кипятку, и суп был готов".

Ехали на лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила вовсю.

Запись воспоминаний крестьян селений Листвягово, Быскар, Анаш, Светлолобово, Петропавловка, Медведское, Назарово Енисейской губернии:

"...Накануне отъезда ямщики узнали, что на Енисее ещё не застыла большая полынья, от Маидашинских писаных скал до Комарковского быка, а в Потрошиловской протоке образовалась глубокая наледь. Пришлось ехать летним трактом - через селения Бедру, Городок, на Листвягово, с выходом на Енисей, к казачьей станице Бузуновской...

На половине от Минусинска до села Городок с небольшого перевала открылся живописный вид на реку Тубу и Затубинские горы с красивой Меттиховской гривой...

Зимняя дорога от Городка до Листвягово пролегла по широкому лугу в пойме реки Тубы.

Владимиру Ильичу и его спутникам пришлось переезжать через незамерзающий поток Шептерек...

Обе тройки остановились. Лошади испугались, храпели, били копытами землю, не шли в воду. Передний ямщик передал вожжи Владимиру Ильичу, спрыгнул с облучка, перешел вброд по перекату мелководный Шептерек. Лошади рванулись вслед, и полозья с шумом, скрежетом и визгом заскользили по галечнику. Задняя тройка промчалась через Шептерек смелее...

Луговая дорога круто нырнула в протоку Инзу. Осилев подъем у колодца, тройки вбежали в улицу (Листвягово) и остановились у дома Михаила Марьясова, дружка нанятых ямщиков.

После завтрака Владимир Ильич вручил хозяйке серебряный полтинник, по гривне с человека. Хозяин объявил, что лошади поданы. Все пассажиры быстро оделись, вышли во двор, где нетерпеливые тройки, гремя бубенцами, рвались в дорогу...

Дорога шла подъемом на хребет Тепсей. Сидя на облучке спиной к ветру, Владимир Ильич хорошо видел долину Тубы, степные холмы, полосы сосновых боров, Егорьевскую и Еловую горы у села Тесь. Вдалеке синели Саяны...

В Оглахтынском ущелье дорога привела в казачью станицу Бузуновскую...

Недалеко от села Абаканского Владимир Ильич напомнил ямщику Марьясову, чтобы тот сначала подъехал к дому Романовского Иосифа Ивановича и оставил там пассажиров, а сам на обеих тройках отправился бы к своим "дружкам" по ямщицкой "веревочке"...

После обеда путники, напутствуемые добрыми пожеланиями провожающих, тронулись в дальнейшую дорогу...

От Беллыка до Быскара дорога пролегла по правому берегу Енисея, затем пересекла Прорву, вышла на остров и под красивейшей скалистой сопкой Чолпан тянулась до самого Быскара...

Абаканские ямщики Калягин и Панов имели в Быскаре каждый свою "веревочку". Калягин заезжал к Иннокентию Красикову, Панов - к Михаилу Орешкову...

Надвигался вечер, остановка сокращалась. Владимир Ильич попросил побыстрее заложить лошадей.

Под вечер мороз усилился. Ямщики Красиков и Орешков взяли с собой запасные дохи. Одна из них предназначалась Владимиру Ильичу. Сидя на облучке, вместе с ямщиком, он больше, чем пассажиры в кошевах, нуждался в дополнительной защите от пронизывающего холода.

Когда возки выехали из Анашинской протоки на Енисей к Черному камню, окончательно рассвело.

В Медведском Шиндяев сдал пассажиров своему "дружку" по ямщицкой "веревочке" Дементию Сидоренко и получил с Владимира Ильича за прогоны за два станка двенадцать рублей.

В Назарово заехали к Донову. Тот послал за Белошапкиным. Ямщики пошли запрягать лошадей, а пассажиры сели за поздний ужин.

Владимир Ильич поторапливал ямщиков: хотелось побыстрее совершить последний перегон по Ачинск-Минусинскому тракту.

Луна хорошо освещала путь. Свежие тройки, оглашая морозный воздух колокольчиками, понесли по Нагорной улице к Чулыму. Низкие берега реки тройки проскочили легко, и ухабистая дорога вскоре вошла в лесную полосу южного склона хребта Арга...

Начался подъем на гору Осиновую, поросшую густым осинником, березняком и сосной...

С вершины Осиновой горы дорога спустилась к деревне Малый Улуй, затем промелькнула деревня Каменка и, наконец, после небольшого подъема, вышла на невысокую Ачинскую гору.

Вдали показались многочисленные столбики серо-сизых дымков и клубы пара над железнодорожной станцией Ачинск".

Из воспоминаний М. А. Сильвина:

"Приехали на станцию (Ачинск) почти к самому поезду и ехали, конечно, третьим классом. Владимир Ильич почти все время лежал на верхней полке и читал.

В Омске простились со Старковым, который остался там временно, жена его уже работала там же на станции фельдшерницей.

В Уфе Ольга Александровна (Сильвина) рассталась с Ульяновыми, так как Надежда Константиновна должна была заканчивать здесь срок своей ссылки".

* * *

Ленина в ссылку отправили в феврале 1897 года за организацию нелегального "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". В ссылке в 1898 году Ленин заключает церковный брак с Н. Крупской, которая становится его сподвижницей в течение дальнейших 26 лет жизни и революционной борьбы. За время ссылки Ленин заканчивает свой важнейший экономический труд "Развитие капитализма в России", основанный на методической проработке огромного статистического материала. Возвращаясь из ссылки, чета Лениных увозила с собой 15 пудов книг.

Это успехи Ленина в революционной деятельности. В супружеской жизни, начало которой положила сибирская ссылка, отношения супругов складывались весьма своеобразно.

После первой брачной ночи, когда Ленин и Крупская появились на деревенской улице, Крупская находилась в подавленном состоянии, была бледна, чем-то сильно

расстроена, под глазами у неё были мешки, смотрела она в землю, ни на кого не обращая внимания. "Володя, наоборот, был весел и много шутил". Так продолжалось несколько дней. Потом молодая чета в спешном порядке, без разрешения исправника, выехала в Минусинск, к врачу. Местное начальство забеспокоилось.

Когда супруги вернулись, к ним пожаловал исправник. Ленин к нему не вышел, а передал из избы записку. При этом он посмеивался: "Ничего, обойдется!".

Исправник прочитал записку на крыльце избы и дальше не пошел, сказав: "Молодо - зелено!".

На этом конфликт с местным начальством был исчерпан, но остались проблемы супружеских отношений. Дело в том, что при исполнении супружеских обязанностей Крупская испытывала сильную боль. По этой причине супруги и отправились к врачу. Из объяснений врача супругам стало ясно, что у них никогда не получится нормальных сексуальных отношений.

У супруги Ленина во время полового акта не было оргазма, не было "смазки" влагалища, и поэтому она испытывала боль.

По совету врача Ленин не мог или не хотел доводить супругу до сексуального экстаза, чтобы у неё был оргазм, сама Крупская не была горячей женщиной, поэтому обоим супругам нормальные супружеские отношения были "архисложны" (выражение Ленина) и они остались в браке просто революционерами.

Крупская в своих воспоминаниях пишет, что в Шушенском Ленин близко ознакомился с положением крестьянства. Знакомство это было весьма однобоким. Ленин знался только с беднейшим крестьянством, более или менее благополучные крестьяне его игнорировали. Они считали его "барином", ибо жил он "чисто", на

казенные деньги, сам ничего не делал, к тому же вел для них непонятную жизнь: не пил, не курил, к бабам не пристаивал, много говорил и все больше о непонятном - о революции.

Ленин судил о местном крестьянстве по самому бедному деревенскому люду. Вот как об этом вспоминает Н. Крупская:

"Владимир Ильич... пробовал завести знакомство с учителем, но ничего не вышло. Учитель тянул к местной аристократии: попу, паре лавочников. Дулись они в карты и выпивали. К общественным вопросам интереса у учителя никакого не было.

Был у Владимира один знакомый крестьянин, которого он очень любил, Журавлев. Чахоточный, лет тридцати, Журавлев был раньше писарем. Владимир Ильич говорил про него, что он по природе революционер, протестант. Журавлев смело выступал против богатеев, не мирился ни с какой несправедливостью. Он все куда-то уезжал и скоро помер от чахотки.

Другой знакомый был бедняк, с ним Владимир Ильич часто ходил на охоту. Это был самый немудреный мужичонка - Сосипатычем его звали; он, впрочем, очень хорошо относился в Владимиру Ильичу и дарил ему всякую всячину: то журавля, то кедровых шишек.

Через Сосипатыча, через Журавлева изучал Владимир Ильич сибирскую деревню. Он мне рассказал как-то об одном своем разговоре с зажиточным мужиком, у которого он жил. У того батрак украл кожу. Мужик накрыл его у ручья и прикончил. Говорил Ильич по этому поводу о беспощадной жестокости мелкого собственника, о беспощадной эксплуатации им батраков."

В селе Шушенское Ленину не нравилось, что крестьяне много пьют, горланят песни на улицах, задирают юбки местным женщинам в кустах, на

сенокосах, ночью прямо под окнами избы, где жил Ленин. Возможно, все это повлияло на мнение Ленина по поводу образа жизни российской деревни, выразившееся в его словах об "идиотизме деревенской жизни".

Есть воспоминания и Ленина о Шушенском:

"Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных - все как быть следует. Стоит в степи - садов и вообще растительности нет. Окружено село вонючим навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда пройти некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1 - 1, 5 от села (точнее от меня: село длинное) Шушь впадает в Енисей, который образует здесь массу островов и протоков, так что к главному руслу Енисея подхода нет. Купаюсь я в самом большом протоке, который теперь тоже сильно мелеет."

СУПРУГИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

Из ссылки Ленин и Крупская направились в Уфу. Ленину в то время было 30 лет, его жене - 31 год.

Через два дня Владимир Ильич без сожаления расстался со своей молодой женой - его ждала революционная работа. У Крупской ещё не окончился срок ссылки, ей оставался один год. Ленин двинулся дальше, поближе к Питеру.

С Крупской осталась её мать Елизавета Васильевна, на долю которой выпало безмерное терпение в жизни для ведения всего хозяйства супругов-революционеров. Мать не слышала от дочери никогда нежных слов в адрес супруга. "Товарищ" и "революционер" - эти слова были в ходу её дочери и её мужа.

О переезде в Россию рассказывает брат Ленина Дмитрий Ульянов:

"Получив извещение о времени выезда Владимира Ильича, я встретил его в 50 верстах от Москвы, в

Подольске, где тогда жил. Нашел его в вагоне третьего класса дальнего поезда; по всему видно было, что публика ехала из холодных стран - меховые шубы, дохи, сибирские шапки с наушниками, валенки, бурки и т. д. были разбросаны по вагону. Владимир Ильич выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после "предварилки". Прежде всего он расспросил про семейных, про здоровье матери, стал спрашивать о новостях, но скоро выяснилось, что он гораздо богаче меня новостями, несмотря на то что ехал из ссылки, а я жил под Москвой".

Ленин спешно собирается за границу. У него был готов заграничный паспорт и две тысячи рублей, сумма по тем временам совсем не малая. Въезд в Питер ему был запрещен, но он этот запрет нарушил и приехал в столицу одновременно с другим революционером - Мартовым. Их выследили и арестовали.

Сидение в кутузке продолжалось не более двух недель. Владимир Ильич очень беспокоился, чтобы у него не отобрали заграничного паспорта, который был уже в кармане, а с этим паспортом был связан дальнейший план действий: ехать за границу и приступить к изданию большой политической газеты будущей "Искры", которая должна стать органом революционной социал-демократии.

Паспорт не отобрали и через дней десять его выпустили.

Владимира Ильича ждали дома с нетерпением. Как только он перешагнул порог, начал рассказывать о своих последних злоключениях, и прежде всего об этом "старом плуте и дураке" - исправнике. Он был ещё возбужден после этой схватки: "Хотел отобрать у меня заграничный паспорт, старый дурак, так я его так напугал департаментом полиции...".

Попав за границу Ленин перестал писать письма жене. Крупская забеспокоилась: понимала, что она как

жена, кроме Ленина, никому не нужна.

* * *

В марте 1901 года срок ссылки Крупской закончился. Она засобиралась в Москву.

Вспоминает Н. Крупская:

"Заезжали с мамой в Москву к Марии Александровне - матери Владимира Ильича. Она тогда одна в Москве была: Мария Ильинична (сестра Владимира Ильича) сидела в тюрьме, Анна Ильинична была за границей.

Из Москвы отвезла я свою мать в Питер, устроила её там, а сама покатила за границу.

Направилась в Прагу, полагая, что Владимир Ильич живет в Праге под фамилией Модрачек.

Дала телеграмму. Приехала в Прагу - никто не встречает. Подождала-подождала. С большим смущением наняла извозчика в цилиндре, нагрузила на него свои корзины, поехали. Приезжаем в рабочий квартал, узкий переулок, громадный дом, из окон которого во множестве торчат проветривающиеся перины...

Лечу на четвертый этаж. Дверь отворяет беленькая чешка. Я твержу: "Модрачек, герр Модрачек". Выходит рабочий, говорит: "Я Модрачек". Ошеломленная, я мямлю: "Нет, это мой муж". Модрачек наконец догадывается. "Ах, вы, вероятно, жена герра Ритмейера, он живет в Мюнхене, но пересылал вам в Уфу через меня книги и письма". Модрачек провозился со мной целый день, я ему рассказала про русское движение, он мне - про австрийское, жена его показывала мне связанные ею прошивки и кормила чешскими клецками.

Приехав в Мюнхен - ехала я в теплой шубе, а в это время в Мюнхене уже в одних платьях все ходили, - наученная опытом, сдала корзины на хранение на вокзале, поехала в трамвае разыскивать Ритмейера. Отыскала дом, квартира № 1 оказалась пивной. Подхожу к стойке, за которой стоял толстенный немец,

и робко спрашиваю господина Ритмейера, предчувствуя, что опять что-то не то. Трактирщик отвечает: "Это я". Совершенно убитая, я лепечу: "Нет, это мой муж".

И стоим дураками друг против друга. Наконец приходит жена Ритмейера и, взглянув на меня, догадывается: "Ах, это, верно, жена герра Мейера, он ждет жену из Сибири. Я провожу".

Иду куда-то за фрау Ритмейер на задний двор большого дома, в какую-то необитаемую квартиру. Отворяется дверь, сидят за столом: Владимир Ильич, Мартов и Анна Ильинична. Забыв поблагодарить хозяйку, я стала ругаться: "Фу, черт, что ж ты не написал, где тебя найти?". Хотела ругаться и дальше, но встретила холодный, пристальный взгляд сестры Ленина Анны, которая в отсутствии Крупской и при людях называла её "мымрой".

Крупская знала, что Анна Ильинична не одобряла их брака с Лениным, смотрела на неё свысока, считала её занудливой, неразговорчивой, крайне обидчивой женщиной по любому поводу, особенно если ей делали хотя бы маленькое шутейное замечание. Раздражали Анну и сплетни о том, как Надежда таскалась с "товарищами". Нет дыма без огня. Надежда "изменила" мужу ещё в сибирской ссылке.

Вот как это было.

"Представьте себе, в верстах в двадцати от Шушенского жил и работал на сахарном заводе ссыльный революционер Виктор Константинович Курнатовский, который, познакомившись с Крупской, тут же влюбился в нее... Крупская не смогла устоять перед его, рассказывают, необычайной красотой. Молчаливая, задумчивая супруга тут же превратилась в веселую, остроумную женщину.

"Вы, Надюша, по отчеству Константиновна, и я Константинович! - хитро говорил ей Курнатовский, -

Можно подумать, что мы брат и сестра".

"Сестра" довольно улыбалась.

Можно долго рассуждать, почему так произошло: или Ленин не очень хорошо справлялся со своими супружескими обязанностями, или просто Курнатовский был слишком опытным обольстителем, чтобы перед ним смогла устоять эта "дурнушка". Но все это так и останется рассуждениями и догадками, поскольку в подробности этого романа Крупская предпочитала не углубляться в своих воспоминаниях". (См. "Интимная жизнь Ленина", цит. произв., с. 104).

Надежда Крупская из ссылки сестре Ленину Марии Ильиничне Ульяновой: "Все же мне жалко, что я не мужчина, я бы в десять раз больше шлялась" (1899).

Встречалась Н. Крупская, с "разрешения" Владимира Ильича, с В. Курнатовским и в Париже, когда тот приехал туда, после ссылки, больной туберкулезом.

Анна порывалась поговорить об этом поведении Надежды с Лениным, но тот все время уходил от разговора: "Не время, Аннушка, заниматься всякими сплетнями. Перед нами сейчас стоят грандиозные задачи революционного характера, а ты ко мне с какими-то бабскими разговорами".

"Когда я приехала в Мюнхен, - вспоминает Крупская, - Владимир Ильич жил без прописки у этого самого Ритмейера, назывался Мейером. Хотя Ритмейер и был содержателем пивной, но был социал-демократом и укрывал Владимира Ильича в своей квартире. Комнатешка у Владимира Ильича была плохонькая, жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его мучными блюдами. Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана.

Поселились мы после моего приезда в рабочей немецкой семье. У них была большая семья - человек шесть. Все они жили в кухне и маленькой комнатенке.

Но чистота была страшная, детишки ходили чистенькие, вежливые. Я решила, что надо перевести Владимира Ильича на домашнюю кормежку, завеластряпню. Готовила на хозяйской кухне, но приготавливать надо было все у себя в комнате. Старалась как можно меньше греметь, так как Владимир Ильич в это время начал уже писать "Что делать?". Когда он писал, он ходил обычно быстро из угла в угол и шепотком говорил то, что собирался писать. Я уже приспособилась к этому времени к его манере работать. Когда он писал, ни о чем уж с ним не говорила, ни о чем не спрашивала. Потом, на прогулке, он рассказывал, что он пишет, о чем думает. Это стало для него такой же потребностью, как шепотком проговорить себе статью, прежде чем её написать. Бродили мы по окрестностям Мюнхена весьма усердно, выбирали места подичее, где меньше народа".

Квартира превратилась в проходной двор, и жена Пауля - хозяйина квартиры, - не успевала за квартирантами и их гостями подметать пол и вытирать грязь.

Хозяин квартиры Пауль Файнхальс вспоминал, что его квартиранты, Ленин и Крупская, доставляли ему больше хлопот, чем его четверо детей. Когда Крупской разрешили готовить на кухне, то Пауль понял, что ему было бы значительно меньше убытков, если бы он не позволял ей ни к чему прикасаться и сам кормил бы её с мужем за свой счет.

Через месяц перебрались на другую квартиру в предместье Мюнхена Швабинг, в один из многочисленных, только что отстроенных больших домов.

ЛОНДОН, ЖЕНЕВА И ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНОЙ ЖЕНЩИНОЙ

После Мюнхена супруги-революционеры перебрались в Лондон.

Рассказывает Крупская:

"В Лондон мы приехали в апреле 1902 г. Лондон поразил нас своей грандиозностью. И хоть была в день нашего приезда невероятная мразь, но у Владимира Ильича лицо сразу оживилось, и он с любопытством стал вглядываться в эту твердыню капитализма...

На вокзале нас встретил Николай Александрович Алексеев - товарищ, живший в Лондоне в эмиграции и прекрасно изучивший английский язык. Он был вначале нашим поводырем, так как мы оказались в довольно-таки беспомощном состоянии. Думали, что знаем английский язык, так как в Сибири перевели даже с английского на русский целую толстенную книгу - Веббов. Я английский язык в тюрьме учила по самоучителю, никогда ни одного живого английского слова не слыхала. Стали мы в Шушенском Вебба переводить - Владимир Ильич пришел в ужас от моего произношения: "У сестры была учительница, так она не так произносила". Я спорить не стала, переучилась. Когда приехали в Лондон, оказалось - ни мы ни черта не понимаем, ни нас никто не понимает. Попадали мы вначале в прекомичные положения. Владимира Ильича это забавляло, но в то же время задевало за живое. Он принялся усердно изучать язык. Стали мы ходить по всяческим собраниям, забираясь в первые ряды и внимательно глядя в рот оратору. Ходили мы вначале довольно часто в Гайд-парк. Там выступают ораторы перед прохожими, - кто о чем. Стоит атеист и доказывает кучке любопытных, что бога нет, - мы особенно охотно слушали одного такого оратора, он говорил с ирландским произношением, нам более понятным. Рядом офицер из "Армии спасения" выкрикивает истерично слова обращения к всемогущему богу, а немного поодаль приказчик рассказывает про каторжную жизнь приказчиков больших магазинов... Слушание английской речи давало многое. Потом Владимир Ильич раздобыл через

объявления двух англичан, желавших брать обменные уроки, и усердно занимался с ними. Изучил он язык довольно хорошо.

Изучал Владимир Ильич и Лондон. Он не ходил смотреть лондонские музеи - я не говорю про Британский музей, где он проводил половину времени, но там его привлекал не музей, а богатейшая в мире библиотека, те удобства, с которыми можно было там научно работать. Я говорю про обычные музеи. В музее древности через 10 минут Владимир Ильич начинал испытывать необычайную усталость, и мы обычно очень быстро выметались из зал, увешанных рыцарскими доспехами, бесконечных помещений, уставленных египетскими и другими древними вазами. Я помню один только музейчик, из которого Ильич никак не мог уйти - это музей революции 1848 г. в Париже, помещавшийся в одной комнатухе, - кажется, на rue des Cordillieras, - где он осмотрел каждую вещичку, каждый рисунок.

Ильич изучал живой Лондон. Он любил забираться на верх омнибуса и подолгу ездить по городу. Ему нравилось движение этого громадного торгового города. Тихие скверы с парадными особняками, с зеркальными окнами, все увитые зеленью, где ездят только вылощенные кэбы, и уютящиеся рядом грязные переулки, населенные лондонским рабочим людом, где посередине развешано белье, а на крыльце играют бледные дети, оставались в стороне. Туда мы забирались пешком и, наблюдая эти кричащие контрасты богатства и нищеты, Ильич сквозь зубы повторял:

"Two nations!" ("Две нации!"). Но и с омнибуса можно было наблюдать тоже немало характерных сцен. Около баров (распивочных) стояли опухшие, ободранные люмпены, среди них нередко можно было видеть какую-нибудь пьяную женщину с подбитым глазом, в бархатном платье со шлейфом, с вырванным рукавом и

т.п. С омнибуса мы видели однажды, как могучий боби (полицейский), в своей характерной каске с подвязанным подбородком, железной рукой толкал перед собой тщедушного мальчишку, очевидно, пойманного воришку, и целая толпа шла следом с гиком и свистом. Часть ехавшей на омнибусе публики повскакивала с мест и также стала гикать на воришку...

...По нашему обыкновению мы шатались и по окрестностям города. Чаще всего ездили на так называемый Prime Rose Hill. Это был самый дешевый конец - все прогулка обходилась шесть пенсов. С холма виден был чуть не весь Лондон - задымленная громада. Отсюда пешком уходили уже подальше на лоно природы - в глубь парков и зеленых дорог. Любили мы ездить на Prime Rose Hill и потому, что там близко было кладбище, где похоронен Маркс. Туда ходили.

Скоро должна была приехать моя мать, и мы решили устроиться по-семейному - нанять две комнаты и кормиться дома, так как ко всем этим "бычачьим хвостам", жаренным в жиру скатам, кексам российские желудки весьма мало приспособлены, да и жили мы в это время на казенный счет, так приходилось беречь каждую копейку, а своим хозяйством жить было дешевле.

В смысле конспиративном устроились как нельзя лучше. Документов в Лондоне тогда никаких не спрашивали, можно было записаться под любой фамилией.

Мы записались Рихтерами. Большим удобством было и то, что для англичан все иностранцы на одно лицо, и хозяйка так все время и считала нас немцами.

...Владимир Ильич уехал на месяц в Бретань повидаться с матерью и Анной Ильиничной, пожить с ними у моря. Море с его постоянным движением и безграничным простором он очень любил, у моря отдыхал.

Коммуна для проживания всех искровцев вместе в Лондоне была создана по требованию Ленина. Для себя же он сделал исключение, объясняя это тем, что совершенно не способен жить в коммуне и не любит быть постоянно на людях. Заодно убедительно просил не надоедать ему и ограждать его от частых посещений.

...Вскоре группа "Освобождение труда" вновь поставила вопрос о переезде в Женеву, и на этот раз уже один только Владимир Ильич голосовал против переезда туда. Начали собираться. Нервы у Владимира Ильича так разгулялись, что он заболел тяжелой нервной болезнью "священный огонь", которая заключается в том, что воспаляются кончики грудных и спинных нервов.

Когда у Владимира Ильича появилась сыпь, взялась я за медицинский справочник. Выходило, что по характеру сыпи это - стригущий лишай. Тахтарев - медик не то четвертого, не то пятого курса - подтвердил мои предположения, и я вымазала Владимира Ильича йодом, чем причинила ему мучительную боль. Нам и в голову не приходило обратиться к английскому врачу, ибо платить надо было гинеею. В Англии рабочие обычно лечатся своими средствами, так как доктора очень дороги. Дорогой в Женеву Владимир Ильич метался, а по приезде туда свалился и пролежал две недели".

Одной из причин переезда искровцев из Лондона в Женеву послужил и тот факт, что "в последнее время в Лондоне развелось множество мнимых революционеров, занимающихся в основном пьянками, развратом и склоками".

В апреле 1903 г. они переехали в Женеву.

В Женеве супруги-революционеры поселились в пригороде, в рабочем поселке Secheron, - целый дом заняли: внизу большая кухня с каменным полом,

наверху три маленькие комнатухи. Кухня служила и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды. Приходило множество гостей. Когда надо было с кем потолковать в особицу, уходили в рядом расположенный парк или на берег озера.

II съезд РСДРП начал работу в столице Бельгии Брюсселе. На съезде было 43 делегата с решающим голосом и 14 - с совещательным. На I съезде в 1898 г., который происходил в Минске, присутствовало всего ведь 9 человек... Организации, от которых приехали делегаты, не были полумифическими, они были оформлены, они были связаны с начинавшим широко развертываться рабочим движением.

Из воспоминаний Крупской:

"В Женеве, куда мы вернулись со съезда, началась тяжелая канитель. Прежде всего хлынула в Женеву эмигрантская публика из других заграничных колоний...

Те, кто помогал деньгами, явками и пр., под влиянием агитации меньшевиков отказывали в помощи. Помню, приехала в Женеву к сестре со своей старушкой-матерью одна моя старая знакомая. В детстве мы с ней так чудесно играли в путешественников, в диких, живущих на деревьях, что я ужасно обрадовалась, когда узнала об её приезде. Теперь это была уже немолодая девушка, совсем чужая. Зашел разговор о помощи, которую их семья всегда оказывала социал-демократам. "Мы не можем вам дать теперь свою квартиру под явки, - заявила она, - мы очень отрицательно относимся к расколу между большевиками и меньшевиками. Эти личные дрязги очень вредно отзываются на деле". Ну уж и посылали же мы с Ильичом ко всем чертям этих "сочувствующих", не входящих ни в какие организации и воображающих, что они своими явками и грошами могут повлиять на ход дела в нашей пролетарской партии!..

...Мы с Владимиром Ильичом взяли мешки и ушли на месяц в горы. Сначала пошла было с нами и Зверка, но скоро отстала, сказала: "Вы любите ходить там, где ни одной кошки нет, а я без людей не могу". Мы, действительно, выбирали всегда самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей. Пробродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали.

Деньжат у нас было в обрез, и мы питались больше всухомятку - сыром и яйцами, запивая вином да водой из ключей, а обедали лишь изредка. В одном социал-демократическом трактирчике один рабочий посоветовал: "Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шоферами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее". Мы так и стали делать. Тянувшийся за буржуазией мелкий чиновник, лавочник и т. п. скорее готов отказаться от прогулки, чем сесть за один стол с прислугой. Это мещанство процветает в Европе повсюду. Там много говорят о демократии, но сесть за один стол с прислугой не у себя дома, а в шикарном отеле - это выше сил всякого выбивающегося в люди мещанина. И Владимир Ильич с особенным удовольствием шел обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно похваливал дешевый и сытный обед. А потом мы одевали наши мешки и шли дальше. Мешки были тяжеловаты: в мешке Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, в моем - столь же тяжелая французская книга, которую я только что получила для перевода. Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия; не словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады.

После месяца такого времяпрепровождения нервы у Владимира Ильича пришли в норму. Точно он умылся водой из горного ручья и смыл с себя всю паутину

мелкой склоки. Август мы провели вместе с Богдановым, Ольминским, Первухиными в глухой деревушке около озера Las de Bre. С Богдановым сговорились о плане работы; к литературной работе Богданов намечал привлечь Луначарского, Степанова, Базарова. Наметили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию за съезд.

Ильич совсем повеселел, и по вечерам, когда он возвращался домой от Богдановых, раздавался неистовый лай - то Ильич, проходя мимо цепной собаки, дразнил её.

Осенью, вернувшись в Женеву, мы из предместья Женевы перебрались поближе к центру. Владимир Ильич записался в "Societe de Lecture" ("Общество любителей чтения"), где была громадная библиотека и прекрасные условия для работы, получалась масса газет и журналов на французском, немецком, английском языках. В этом "Societe de Lecture" было очень удобно заниматься, члены общества - по большей части старички-профессора - редко посещали эту библиотеку; в распоряжении Ильича был целый кабинет, где он мог писать, ходить из угла в угол, обдумывать статьи, брать с полки любую книгу. Он мог быть спокоен, что сюда не придет ни один русский товарищ и не станет рассказывать, как меньшевики сказали то-то и то-то и там-то и там-то подложили свинью. Можно было, не отвлекаясь, думать. Подумать было над чем".

* * *

В Женеве в 1904 году в семье Ленина некоторое время жила Мария Эссен, обаятельная тридцатидвухлетняя женщина, убежденная социал-демократка. Крупская её называла Зверь, Зверка за её энергию, коммуникабельность, умение привлекать к себе внимание окружающих.

Н. Крупская, вспоминая пребывание Марии Эссен в их семье, обращает внимание на то, как Мария - Зверь веселит, возбуждает Владимира Ильича, отвлекает его от тяжелых мыслей, и на то, что Ильич заинтересовывается самой Марией:

"Зверь, вырвавшаяся из ссылки, на волю, была полна веселой энергии, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дразги как-то не задевали её. В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне (Secheron (Сешерон) - рабочий поселок в Женеве, где поселились В. И. Ленин и Н. К. Крупская в апреле 1903 года после переезда из Лондона) раз в неделю "журфиксы", для сближения большевиков. На этих "журфиксах", однако, настоящих разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь "Ваньку" и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил было поговорить по душам с Плехановым - даже воротнички по этому случаю надел, - но ушел он от Плеханова разочарованным, с тяжелым чувством. "Не унывай, Егор, валяй "Ваньку" - наша возьмет", утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелые настроения".

Воспоминания Марии Эссен:

"Никакого оратора не слушали так, как Ленина. Впервые я увидела его на трибуне в 1904 году в Женеве, когда он делал доклад о Парижской коммуне. Ленин на трибуне весь преображался. Какой-то весь ладный, подобранный, точно сделанный из одного куска. Вся сила сосредоточена в голосе, в сверкающих глазах, в чеканной стальной фразе.

Я до сих пор помню и эту речь, и тот энтузиазм, который она вызвала.

С собрания возвращались небольшой компанией, все были радостно возбуждены. Я спросила Ленина:

- Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?

Ленин встрепенулся:

- А вы сделали такой вывод из моего доклада?! - спросил он.

- Да, и не я одна, а все, кто слушал вас сегодня!

...Иногда после музыкальных вечеров шли провожать гостей (я тогда жила в семье Ленина) и возвращались домой притихшие, усталые и несколько грустные. Будоражили что-то в душе эти песни! Говорить не хотелось, каждый думал о своем. Владимир Ильич заканчивал книжку "Шаг вперед, два шага назад" и обычно присаживался к рабочему столу на часок, что-то дописывая и исправляя. Надежда Константиновна ложилась спать, а мы с Елизаветой Васильевной усаживались на скамеечке в садике и шепотом беседовали, чтобы не мешать Владимиру Ильичу. Иногда он спускался к нам на минутку перемолвиться парой слов, а то, посмеявшись над нашей неугомонностью, сверху зашумит, чтобы ложиться спать.

Владимир Ильич в этот период борьбы с меньшевиками, между II и III съездами партии, был настроен исключительно оптимистически и воинственно. Это настроение нашло полное отражение в книге "Шаг вперед, два шага назад". Полный уверенности в правоте большевиков, он подверг безжалостной критике оппортунизм меньшевиков, вскрыл их идеологическую несостоятельность, фальшь, противоречия и путаность.

Владимир Ильич весь горел, работая над книгой. Читая нам отдельные, особенно удавшиеся ему места,

Владимир Ильич весь точно внутренне светился, был такой задорный, живой, яркий...

Закончив книгу "Шаг вперед...", Ленин отправился в горы на отдых и, вернувшись, с новой энергией, новым приливом сил взялся за дело восстановления партии, создания большевистского органа, подготовки к III съезду партии...

...Я приехала в Женеву вскоре после ареста Анны Ильиничны, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. Владимир Ильич подробно расспрашивал о матери, и столько сдержанного горя и скорби было в его глазах, когда он говорил об её одиночестве и беспокойстве! Анна Ильинична не раз говорила, что Владимир Ильич настаивал, чтобы кто-нибудь был постоянно при матери, и что эта роль падала обычно на нее.

Перед отъездом из Киева я забежала несколько раз к Марии Александровне: она вся отдалась заботам о том, чтобы улучшить тюремную жизнь детей, и целыми днями простаивала у ворот Лукьяновской тюрьмы с передачами для них. Невозможно было забыть её измученного лица, печальных, скорбных глаз, усталого вида, когда она возвращалась из тюрьмы.

Хочется отметить одну особенность Владимира Ильича. Он еле переносил посещение музеев и выставок. Он любил живую толпу, живую речь, песню, любил ощущать себя в массе.

Неутомим бывал Ленин на прогулках. Одна прогулка мне особенно запомнилась. Это было весной 1904 года. Я должна была уже вернуться в Россию, и мы решили на прощанье "кутнуть" - совершить совместную прогулку в горы. Отправились Владимир Ильич, Надежда Константиновна и я. Доехали на пароходе до Монтре. Побывали в мрачном Шильонском замке - в темнице Бонивара, так красочно описанном Байроном ("На лоне вод стоит Шильон..."). Видели столб, к которому был прикован Бонивар, и надпись, сделанную Байроном.

Из мрачного склепа вышли и сразу ослепли от яркого солнца и буйной, ликующей природы. Захотелось движения. Решили подняться на одну из снежных вершин. Сначала подъем был легкий и приятен, но чем дальше, тем дорога становилась труднее. Было решено, что Надежда Константиновна останется ждать нас в гостинице.

Чтобы скорее добраться, мы свернули с дороги и пошли напролом. С каждым шагом труднее карабкаться. Владимир Ильич шагал бодро и уверенно, посмеиваясь над моими усилиями не отстать. Через некоторое время я уже ползу на четвереньках, держась руками за снег, который тает в руках, но не отстаю от Владимира Ильича.

Наконец добрались. Ландшафт беспредельный, неопишима игра красок. Перед нами как на ладони все пояса, все климаты. Нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже - растения севера, а дальше - сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: "А здорово гадят меньшевики!.." Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы "не портить пейзажа". И Владимир Ильич шел, был весел и жизнерадостен, очевидно выбросил из головы всех меньшевиков и бундовцев, но вот он на минутку присел, и мысль заработала в обычном порядке.

...В то время как в Женеве все жили на европейский лад, в хороших комнатах, спали на пружинных матрацах, так как комнаты и жизнь были в Женеве сравнительно дешевы, Ленин жил в доме, напомиавшем дом русского заштатного города. Внизу помещалась кухня, она же и столовая, очень чистая и опрятная, но почти лишенная мебели, сбоку -

небольшая комната, где жила мать Надежды Константиновны, и наверху - спальня, она же рабочая комната Ильича: две простые узкие кровати, несколько стульев, по стенам полки с книгами и большой стол, заваленный книгами и газетами. Мне вначале показалась серой эта обстановка, но, побыв там раз, другой, не хотелось уходить, так просто и уютно там чувствовалось, ничто не стесняло.

Владимир Ильич не был аскетом: он любил жизнь во всей её многогранности, но внешняя обстановка, еда, одежда и пр. не играли никакой роли в его жизни. Тут не было лишений, сознательного отказа, а просто не было в этом потребности. Не помню, чтобы когда-либо, даже шутя, говорилось о вкусном блюде, чтобы придавалось значение платью. Пили, ели, одевались, но эта сторона жизни ничьего внимания не привлекала.

Обычная дневная обстановка такова. Владимир Ильич сидит, углубленный в работу, или уходит работать в библиотеку. Надежда Константиновна разбирает корреспонденцию или шифрует письма, мать возится с несложным хозяйством, на которое все же тратится много забот и труда".

В отношениях между Лениным и Марией Эссен Крупская усмотрела "измену" Ленина. И причины для такого вывода были: присутствие Марии всегда волновало Ленина, он подолгу оставался с ней наедине, они вдвоем совершали длительные прогулки в горы, когда Крупская уже спала (она рано ложилась), Ленин и Мария долго ещё "сумерничали", на собрания ходили без Крупской. Крупская это терпела, и долго, но в конце-концов сказала Ленину: "Сколько же можно? Уже люди замечать стали". В конечном итоге скандал между Лениным и Крупской получился грандиозный, в ходе которого жена прямо обвинила супруга в измене с Марией. Скандал получил огласку в социал-демократических кругах. Ленин держался стойко и ни в

чем не признавался. Тогда Крупская потребовала отправить "любовницу-квартирантку" в Россию, чтобы "вести подготовку к III съезду партии".

На границе с Россией Мария была арестована и посажена в тюрьму.

Ленин написал ей в тюрьму письмо. Выдержка из этого письма от 24 декабря 1904 года: "... Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживаем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть. Черкните о своем здоровье и, главное, будьте бодры: помните, что мы с Вами ещё не так стары, - все ещё впереди...

Ваш Ленин".

Письмо Марию взволновало. Она вспоминала: "После такого письма пребывание в тюрьме стало особенно невыносимым. Мучительно потянуло на волю, на работу"...

С первых же дней революции 1905 года в России Ленин понял, что в бою с самодержавием надо быть как можно лучше вооруженным.

В этих целях он прочитал и продумал все, что писали Маркс и Энгельс о революции и восстании, немало книг и по военному искусству, по технике вооруженного восстания.

В библиотеке в "Societe de Lecture" в Женеве Ленин проштудировал книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления. Делал выписки из книг мелким почерком на четвертушках бумаги. Эти выписки и свои советы он в письмах переправлял в Россию.

В Боевой комитет Петрограда Ленин писал: "В таком деле менее всего пригодны схемы, да споры и разговоры о функциях Боевого комитета и правах его. Тут нужна бешеная энергия и ещё энергия. Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!.. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы,

пошлите вы, бога для, "функции, права и привилегии" ко всем чертям".

В другом письме он писал: "Бомба перестала быть оружием одиночки "бомбиста". Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения".

Призывая к "военному обучению на немедленных операциях", Ленин требовал: "...одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие - нападение на банк для конфискации средств для восстания". И далее: "Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городских", нападая на "случайно отбившегося казака", "избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штабы-квартиры", с верхних этажей "осыпая войско камнями, обливая кипятком", при использовании "кислот для обливания полицейских".

В ноябре 1905 года Ленин расширяет рамки своих призывов к борьбе: "Кто сторониться от борьбы, тот поддерживает хозяйничанье черносотенцев. Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец".

Однако сам Ленин в восстании не участвовал, бомбы не бросал, сам ни в кого не стрелял, но очень боялся казаков и их нагаек. Вот как об этом писала свидетельница одного митинга в Петербурге с участием Ленина, когда он из Швейцарии приехал в Россию в конце 1905 года, Т. И. Алексинская: "... Мы все-таки искали в вожде человека, в котором были бы соединены темперамент Бакунина, удаль Стеньки Разина и мятежность горьковского Буревестника... И когда я увидела Ленина в 1906 году на одном из загородных митингов в Петербурге, я была страшно недовольна. Меня удивила не его наружность... - а то, что когда раздался крик: "Казачья!" - он первый бросился бежать. Я смотрела ему вслед. Он

перепрыгнул через барьер, котелок упал у него с головы... С падением этого нелепого котелка в моем воображении упал сам Ленин. Почему? Не знаю!.. Его бегство с упавшим котелком как-то не вяжется с Буревестником и Стенькой Разиным. Остальные участники митинга не последовали примеру Ленина. Оставаясь на местах, они, как было принято в подобных случаях, вступили в переговоры с казаками. Бежал один Ленин...".

СНОВА В РОССИЮ

В условиях нарастающей революции стал вопрос о созыве нового III съезда. Работа III съезда РСДРП проходила с 12 по 27 апреля 1905 г. в Лондоне. На нем явное большинство было за большевиками. И потому меньшевики на съезде не присутствовали, а собрались на конференцию в Женеве.

Ленин и Крупская засобирались в Россию.

"Четыре года почти прожила я за границей, - писала Крупская, - и смертельно стосковалась по Питеру. Он теперь весь кипел, я это знала, и тишина Финляндского вокзала, где я сошла с поезда, находилась в таком противоречии с моими мыслями о Питере и революции, что мне вдруг показалось, что я вылезла из поезда не в Питере, а в Парголово. Смущенно я обратилась к одному из стоявших тут извозчиков и спросила: "Какая это станция?" Тот даже отступил, а потом насмешливо оглядел меня и, подбоченясь, ответил: "Не станция, а город Санкт-Петербург".

Супруги-революционеры остановились на квартире "твердого большевика" П. П. Румянцева:

"У него была хорошо обставленная семейная квартира, и первое время Ильич жил там без прописки.

Владимира Ильича всегда крайне стесняло пребывание в чужих квартирах, мешало его работоспособности. По моем приезде Ильич стал

торопить поселиться вместе, и мы поселились в каких-то меблированных комнатах на Невском, без прописки.

Мы решили поселиться легально. Мария Ильинична устроила нас где-то на Греческом проспекте у знакомых. Как только мы прописались, целая туча шпиков окружила дом. Напуганный хозяин не спал всю ночь напролет и ходил с револьвером в кармане, решив встретить полицию с оружием в руках. "Ну его совсем. Нарвешься зря на историю", - сказал Ильич. Поселились нелегально, врозь. Мне дали паспорт какой-то Прасковьи Евгеньевны Онегиной, по которому я и жила все время. Владимир Ильич несколько раз менял паспорта.

С Ильичом мы, по условиям конспирации, жили врозь. Он работал целыми днями в редакции, которая собиралась не только в "Новой жизни", но на конспиративной квартире или в квартире Дмитрия Ильича Лещенко, на Глазовской улице, но по условиям конспирации ходить туда было не очень удобно. Виделись где-нибудь на нейтральной почве, чаще всего в редакции "Новой жизни". Но в "Новой жизни" Ильич всегда был занят. Только когда Владимир Ильич поселился под очень хорошим паспортом на углу Бассейной и Надеждинской, я смогла ходить к нему на дом. Ходить надо было через кухню, говорить вполголоса, но все же можно было потолковать обо всем.

...Когда я 3 декабря, по обыкновению, оправилась в редакцию, нагруженная всякой нелегальщиной, у подъезда меня остановил газетчик. "Газета "Новое время!" - громко выкрикивал он и между двумя выкриками вполголоса предупредил: "В редакции идет обыск!".

В середине декабря состоялась Таммерфорсская конференция, где собрались только большевики и была

принята резолюция о необходимости немедленной подготовки и организации вооруженного восстания.

В Москве это восстание уже шло.

ЦК РСДРП призывал пролетариат Питера поддержать восставший московский пролетариат, но дружного выступления не получилось".

"Помню два эпизода, - вспоминала Крупская. - Однажды мы с Верой Рудольфовной Менжинской расположились принимать приезжих в складе "Вперед", где нам для этой цели отвели особую комнату. К нам пришел какой-то районщик с пачкой прокламаций, другой сидел в ожидании своей очереди, как вдруг дверь открылась, в неё просунулась голова пристава, который сказал: "Ага", и запер нас на ключ. Что было делать? Лезть в окно было нецелесообразно, сидели и недоуменно смотрели друг на друга. Потом решили пока что сжечь прокламации и другую всяческую нелегальщину, что и сделали, сговорились сказать, что мы отбираем популярную литературу для деревни. Так и сказали. Пристав поглядел на нас с усмешечкой, но не арестовал. Записал фамилии наши и адреса. Мы сказали, конечно, адреса и фамилии фиктивные.

Другой раз я чуть не влетела, отправившись первый раз на явку к Лаврентьевой. Вместо номера дома 32 дали № 33. Подхожу к двери и удивляюсь - карточка почему-то сорвана. Странная, думаю, конспирация... Двери мне отворяет какой-то денщик, я, ничего не спрашивая, нагруженная всякими шифрованными адресами и литературой, прую прямо по коридору. За мной следом, страшно побледнев, весь дрожа, бросается денщик. Я останавливаюсь: "Разве сегодня не приемный день? У меня зубы болят". Заикаясь, денщик говорит: "Г-на полковника дома нет". - "Какого полковника?" - "Полковника-с Римана". Оказывается, я залезла в квартиру Римана, полковника Семеновского

полка, усмирявшего московское восстание, чинившего расправу на Московско-Казанской ж. д.

Он, очевидно, боялся покушения, поэтому была сорвана карточка на двери, а я ворвалась к нему в квартиру и устремилась по коридору без доклада.

"Я не туда зашла, значит, мне к доктору надо", - сказала я и повернула обратно.

Ильич маялся по ночевкам, что его очень тяготило. Он вообще очень стеснялся, его смущала вежливая заботливость любезных хозяев, он любил работать в библиотеке или дома, а тут надо было каждый раз приспособляться к новой обстановке.

Встречались мы с ним в ресторане "Вена", но так как там разговаривать на людях было не очень-то удобно, то мы, посидев там или встретившись в условленном месте на улице, брали извозчика и ехали в гостиницу (она называлась "Северная"), что против Николаевского вокзала, брали там особый кабинет и заказывали ужин. Помню, раз увидели на улице Юзефа (Дзержинского), остановили извозчика и пригласили его с собой. Он сел на облучок. Ильич все беспокоился, что ему неудобно сидеть, а он смеялся, рассказывал, что вырос в деревне и на облучке саней-то уж ездить умеет".

Декабрьское восстание было жестоко давлено царским правительством.

ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Ильичу пришлось перебираться в "ближнюю эмиграцию", в Финляндию. Он поселился там у Лейтейzenов на станции Куоккала, неподалеку от вокзала. Неуютная большая дача "Ваза" давно уже служила пристанищем для революционеров. Перед тем там жили эсеры, приготавливавшие бомбы, потом поселился большевик Лейтейзен (Линдов) с семьей. Ильичу отвели комнату в сторонке, где он строчил свои статьи и брошюры и куда к нему приезжали гости. Через некоторое время Крупская тоже переселилась в

Куоккала. Она уезжала ранним утром в Питер и возвращалась поздно вечером. Потом Лейтейзены уехали, супруги заняли весь низ - к ним приехала мать Крупской, потом Мария Ильинична. Наверху поселились Богдановы, а в 1907 г. - и Дубровинский (Иннокентий). В то время русская полиция не решалась соваться в Финляндию, и мы жили очень свободно. Дверь дачи никогда не запиралась, в столовой на ночь ставилась кринка молока и хлеб, на диване стелилась на ночь постель, на случай, если кто приедет с ночным поездом, чтобы мог, никого не будя, подкрепиться и залечь спать. Утром очень часто в столовой хозяева заставляли приехавших ночью товарищей.

Крупская редко видела в это время Ильича, проводя целые дни в Питере. Возвращаясь поздно, заставляла Ильича всегда озабоченным и ни о чем его уже не спрашивала, больше рассказывала ему о том, что приходилось видеть и слышать...

Ильича товарищи отправили в глубь Финляндии, он жил в то время в Огльбю (небольшая станция около Гельсингфорса) у каких-то двух сестер-финок. Чужим чувствовал он себя в изумительно чистенькой и холодной, по-фински уютной, с кружевными занавесочками комнате, где все стояло на своем месте, где за стеною все время шел смех, игра на рояле и болтовня на финском языке. Ильич писал целыми днями свою работу по аграрному вопросу, тщательно обдумывая опыт пережитой революции. Часами ходил из угла в угол на цыпочках, чтобы не беспокоить хозяек.

Ленина полиция уже искала по всей Финляндии, надо было уезжать за границу. Ясно было, что реакция затянется на годы. Надо было опять податься в Швейцарию. Другого выхода не было.

При переезде в Стокгольм Ленин чуть не погиб: дело в том, что его выследили так основательно, что ехать обычным путем, садясь в Або на пароход, значило

наверняка быть арестованным. Кто-то из финских товарищей посоветовал сесть на пароход на ближайшем острове. Это было безопасно в том отношении, что полиция не могла там арестовать его, но до острова надо было идти версты три по льду, а лед был не везде надежен. Не было охотников рисковать жизнью, не было проводников. Наконец Ленина взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. Пробираясь ночью по льду, они чуть не погибли - лед стал уходить у них из-под ног. Еле выбрались.

Потом финский товарищ Борго, расстрелянный впоследствии белыми, через которого Крупская переправилась в Стокгольм, говорил ей, как опасен был избранный путь и лишь случайность спасла Ильича от гибели. А Ленин рассказывал, что, когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: "Эх, как глупо приходится погибать"...

Пробыв несколько дней в Стокгольме, Крупская с Ильичем направились в Женеву через Берлин. В Берлине накануне их приезда у русских были обыски и аресты, потому встретивший их член берлинской группы т. Аврамов не посоветовал им идти к кому-нибудь на квартиру, а водил их целый день из кафе в кафе.

Воспоминания Крупской:

"В гостиницу, где мы остановились, мы пришли вечером больные, у обоих шла белая пена изо рта и напала на нас слабость какая-то. Как потом оказалось, мы, перекочевывая из ресторана в ресторан, где-то отравились рыбой. Пришлось ночью вызывать доктора. Владимир Ильич был прописан финским поваром, а я американской гражданкой, и потому прислуживающий позвал к нам американского доктора. Тот осмотрел Владимира Ильича, сказал, что дело очень серьезно, посмотрел меня, сказал: "Ну, вы будете живы!", надавал

кучу лекарств и, почуяв, что тут что-то неладно, слупил с нас бешеную цену за визит. Провалялись мы пару дней и полубольные потащились в Женеву, куда приехали 7 января 1908 г. (25 декабря 1907 г.) Ильич потом писал Горькому, что мы дорогой "простудились".

Неприятно выглядела Женева. Не было ни снежинки, но дул холодный резкий ветер - биза. Продавались открытки с изображением замерзшей на лету воды, около решеток набережной Женевского озера. Город выглядел мертвым, пустынным. Из товарищей в это время в Женеве жили Миха Цхакая, В. А. Карпинский и Ольга Равич. Миха Цхакая ютился в небольшой комнатешке, перебивался в большой нужде, хворал и с трудом поднялся с постели, когда мы пришли. Как-то не говорилось. Карпинские жили в это время в русской библиотеке, бывшей Куклина (Г. А. Куклин - социал-демократ, издатель социал-демократической литературы), которой заведовал Карпинский. Когда мы пришли, у него был сильнейший припадок головной боли, от которой он щурился все время, все ставни были закрыты, так как свет раздражал его. Когда мы шли от Карпинского по пустынным, ставшим такими чужими, улицам Женевы, Ильич обронил: "У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал".

Началась наша вторая эмиграция, она была куда тяжелее первой".

В этой второй эмиграции у Ленина начались частые головные боли.

Алексинский, большевистский депутат II российской Думы, отмечал, что "Владимир Ильич по любому пустяку мог закатить скандал, и поэтому его старались не трогать по возможности".

По словам того же Алексинского, состояние Ленина напрямую зависело от внешних факторов. Плохие вести выводили его из себя, он мог нагрубить любому, даже

женщине. Хорошие, наоборот, давали ему заряд бодрости, он смеялся, шутил, и любимое его словечко "батенька" можно было услышать сотню раз на день.

Воспоминания Крупской о 1908 годе в Женеве:

"Трудно было нам после революции вновь привыкнуть к эмигрантской атмосфере. Целые дни Владимир Ильич просиживал в библиотеке, но по вечерам мы не знали, куда себя приткнуть. Сидеть в неуютной холодной комнате, которую мы себе наняли, было неохота, тянуло на людей, и мы каждый день ходили то в кино, то в театр, хотя редко досиживали до конца, а уходили обычно с половины спектакля бродить куда-нибудь, чаще всего к озеру.

...Двадцатитрехлетний Николай Павлович Шмидт, племянник Морозова, владелец мебельной фабрики в Москве, на Пресне, в 1905 г. целиком перешел на сторону рабочих и стал большевиком. Он давал деньги на "Новую жизнь", на вооружение, сблизился с рабочими, стал их близким другом. Полиция называла фабрику Шмидта "чертовым гнездом". Во время Московского восстания эта фабрика сыграла крупную роль. Николай Павлович был арестован, его всячески мучили в тюрьме, возили смотреть, что сделали с его фабрикой, возили смотреть убитых рабочих, потом зарезали его в тюрьме. Перед смертью он сумел передать на волю, что завещает свое имущество большевикам.

Младшая сестра Николая Павловича - Елизавета Павловна Шмидт доставшаяся ей после брата долю наследства решила передать большевикам. Она, однако, не достигла ещё совершеннолетия, и нужно было устроить ей фиктивный брак, чтобы она могла располагать деньгами по своему благоусмотрению. Елизавета Павловна вышла замуж за т. Игнатьева, работавшего в боевой организации, но сохранившего легальность, числилась его женой - могла теперь с

разрешения мужа распоряжаться наследством, - но брак был фиктивным. Елизавета Павловна была женой другого большевика, Виктора Таратуты. Фиктивный брак дал возможность сразу же получить наследство, деньги переданы были большевикам.

...Мы было обосновались окончательно в Женеве.

Приехала моя мать, и мы устроились по-домашнему - наняли небольшую квартиру, завели хозяйство. Внешне жизнь как бы стала входить в колею. Приехала из России Мария Ильинична, стали приезжать и другие товарищи.

Внутренне и внешне Ленин изменялся к худшему.

Революционерка Р. Землячка писала:

"Мы, близкие ему, с болью следили за тем, как он изменился физически, как согнулся этот колосс".

Ленин все чаще ссориться с Крупской по поводу того, что он стал регулярно посещать рестораны и кафе и тратил там партийные деньги.

У него участились нервные срывы по любому поводу. Ругаясь с Крупской, он назвал её "мымрой" и "потаскушкой".

В этих условиях приходит решение сменить место проживания и переехать на жительство в Париж.

А вот каким запомнился Ленин своему соратнику А. Парвусу:

"Перед отъездом в Париж Владимир Ильич пригласил меня в ресторан. Мы заказали какое-то вино. Лицо у Ленина было мрачнее тучи. Он начал говорить об неудавшейся российской революции и вдруг взорвался:

- Рабочий класс у нас ещё гнилой, говно. Дальше своего носа ничего не видит.

- Все мое свое время, - пожал я плечами, не имея особого желания сейчас о чем-либо спорить.

- А впрочем, - продолжал Ленин, кажется, не услышав моих слов, - оно и не нужно, чтобы он пытался

смотреть далеко. На данном этапе. Иначе получится то, что получилось с нашей партией.

Очевидно, Владимир Ильич болезненно переживал бесконечные споры, разборки среди большевиков, причиной которых он нередко сам являлся.

Несколько бокалов вина возбудили Ленина, и он стал говорить непозволительно громко, размахивая руками.

Вдруг откуда-то появился полицейский и потребовал наши документы. Ленин весь как-то съежился, побелел и полез в карман. Я проделал то же.

Полицейский внимательно рассмотрел наши документы и вернул обратно.

- Прошу не кричать, - сказал он на прощанье и на несколько секунд задержал свой пристальный, колючий взгляд на лице Ленина.

Когда полицейский наконец ретировался, Владимир Ильич зашелся приглушенным смехом.

- Не так-то просто голыми руками этим блядам взять большевиков, а, батенька?!

На его лице уже не было и тени страха. Он опять потянулся за уже почти пустой бутылкой...".

Воспоминания Крупской о периоде с конца 1909 года:

"Поздней осенью стали мы перебираться в Париж.

В Париже пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции. О них Ильич всегда вспоминал с тяжелым чувством. Не раз повторял он потом: "И какой черт понес нас в Париж!".

Владимир Ильич смотрел отсутствующими глазами на всю нашу возню с домашним устройством в новом логовище: не до того ему было. Квартира была нанята на краю города, около самого городского вала, на одной из прилегающих к Авеню д'Орлеан улиц, на улице Бонье, недалеко от парка Монсури. Квартира была большая, светлая и даже с зеркалами над каминами

(это было особенностью новых домов). Была там комната для моей матери, для Марии Ильиничны, которая приехала в это время в Париж, в Сорбонну, учиться языку, наша комната с Владимиром Ильичом и приемная. Но эта довольно шикарная квартира весьма мало соответствовала нашему жизненному укладу и нашей привезенной из Женевы "мебели". Надо было видеть, с каким презрением глядела консьержка на наши белые столы, простые стулья и табуретки. В нашей "приемной" стояла лишь пара стульев да маленький столик, было неуютно до крайности.

На мою долю сразу выпало много всякой хозяйственной возни - моя старуха мать как-то растерялась в сутолоке большого города. В Женеве все хозяйственные дела улаживались гораздо проще, а тут пошла какая-то канитель: газ надо было открыть, так пришлось раза три ездить куда-то в центр, чтобы добиться соответствующей бумажки. Бюрократизм во Франции чудовищный. Чтобы получить книжки из коммунальной библиотеки, надо было поручительство домохозяина, а он ввиду нашей убогой обстановки не решался за нас поручиться. С хозяйством на первых порах была большая возня. Хозяйка я была плохая - только Владимир Ильич да Инок были другого мнения, а люди, привыкшие к заправскому хозяйству, весьма критически относились к моим упрощенным подходам. ...Как-то в феврале, помнится, приехал из своего путешествия по Японии Марк Тимофеевич - муж Анны Ильиничны, обедал у нас. Посмотрел он, как мы хлопчем около кухни, как по очереди с Марией Ильиничной моем посуду, и говорит: "Лучше бы вы "Машу" какую завели". Но мы тогда жили на партийное жалованье, поэтому экономили каждую копейку, а кроме того, французские "Маши" не мирились с русской эмигрантской сутолокой. Потом я понемногу приспособилась...

В Париже жилось очень толкотливо. В то время в Париж стягивалась отовсюду эмигрантская публика. Ильич сидел мало дома в этот год. До поздней ночи просиживала наша публика в кафе. Особым любителем кафе был Таратута. Понемногу втянулись и другие.

...Заниматься в Париже было очень неудобно. Национальная библиотека была далеко. Ездил туда Владимир Ильич обычно на велосипеде, но езда по такому городу, как Париж, не то, что езда по окрестностям Женевы, - требует большого напряжения. Ильич очень уставал от этой езды. На обеденный перерыв библиотека закрывалась. С выпиской нужных книг была также большая бюрократическая канитель, выдавали нужные книги лишь через день, через два. Ильич на чем свет ругал Национальную библиотеку, а попутно и Париж. Написала я письмо французскому профессору, который преподавал летом на женевских курсах французского языка, прося указать другие хорошие библиотеки. Моментально получила ответ, где были все нужные справки; Ильич обошел все указанные библиотеки, но нигде не приспособился. В конце концов, у него украли велосипед. Он оставлял его на лестнице соседнего с Национальной библиотекой дома, платя за это консьержке 10 сантимов, но, придя однажды за велосипедом, его не нашел. Консьержка заявила, что она не бралась стеречь велосипед, а разрешала только его ставить на лестницу.

С ездой на велосипедах в Париже и под Парижем нужна была большая осторожность. Раз Ильич по дороге из Жювизи попал под автомобиль, еле успел соскочить, а велосипед был совершенно изломан".

Ленин вспоминал:

"Ехал я из Жювизи, и автомобиль раздавил мой велосипед (я успел соскочить). Публика помогла мне записать номер, дала свидетелей. Я узнал владельца автомобиля (виконт, черт его дери) и теперь сужусь с

ним через адвоката. (...) Надеюсь выиграть". "Погода стоит такая хорошая, что я надеюсь снова взяться за велосипед, благо процесс я выиграл и скоро должен получить деньги с хозяина автомобиля" (Париж, 1910).

Как мы видим, в этом случае Ленина и его имущество, велосипед, защитило буржуазное государство, против которого Ленин активно выступил в своей работе "Государство и революция".

Осенью супруги переменили квартиру: поселились в тех же краях, на глухой улочке Мари-Роз, две комнаты и кухня, окна выходили в какой-то сад. "Приемной" стала кухня, где и велись все душевные разговоры. По утрам приходила "femme de menage" - домашняя работница.

В 1910 году в Париж приехала из Брюсселя Инесса Арманд и сразу же стала одним из активных членов нашей Парижской группы. Вместе с Семашко и Бритманом (Казаковым) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами. Она жила с семьей, двумя девочками-дочерьми и сынишкой. Она была очень горячей большевичкой, и очень быстро около неё стала группироваться наша парижская публика.

Парижская группа стала. Бедствовали многие россияне ужасно. Рабочие кое-как устраивались, положение же интеллигенции было крайне тяжелое.

Переходить на рабочее положение не всегда было посильно. Жить на средства эмигрантской кассы, питаться в долг в эмигрантской столовке было тяжело.

Участница событий 1905 года в России Серафима Гопнер делится своими воспоминаниями о Ленине того периода:

"После основательных "провалов" в Одессе и Екатеринославе в конце лета 1910 года, после бесчисленных попыток продолжать подпольную партийную работу на родине мне пришлось уехать из

России. Перехитрив полицию, я получила заграничный паспорт и в сентябре очутилась в Париже.

...Париж был в те годы, после поражения революции 1905-1907 годов, одним из крупнейших центров русской политической эмиграции. Сюда съезжались многие революционеры, бежавшие от суда, из тюрьмы, с царской каторги и ссылки. Большинству эмигрантов жилось очень трудно.

В Париже жил в те годы Владимир Ильич Ленин. Я мечтала о встрече с ним, но мне казалось, что Ленину мое посещение не будет интересно, что ничего нового я ему сообщить не смогу.

...Во время этой встречи я получила также наглядный пример организованности, которую Ленин соблюдал во всем и повсюду. В самом начале я спросила Ленина, сколько времени он может посвятить беседе со мной; Владимир Ильич ответил: "Времени хватит, а так как мы соединим беседу с чаепитием, то в нашем распоряжении час-полтора". И вот, когда я увлеклась рассказом и забыла о времени, Ленин посмотрел вдруг на часы: очевидно, назначенное время истекло. Я поспешила закончить сообщение. Дослушав меня, Ленин быстро взял со стола недопитый стакан чаю, повторил предложение написать корреспонденцию, дружески простился и ушел в рабочую комнату. Эта комната, которую кто-то в воспоминаниях назвал "кабинетом", меньше всего походила на кабинет. По стенам некрашенные полки с книгами, посреди комнаты продолговатый, тоже некрашенный, стол, покрытый бумагой и заваленный газетами, два-три стареньких самых дешевых стула - вот и весь "кабинет".

Весной 1911 года наконец большевикам удалось устроить под Парижем свою партийную школу. В школу принимались рабочие, и меньшевики-партийцы, и рабочие-впередовцы (отзовисты), но и тех и других было очень небольшое меньшинство...

Школу организовали в деревне Лонжюмо, в 15 километрах от Парижа, в местности, где не жило никаких русских, никаких дачников. Лонжюмо представляло собою длинную французскую деревню, растянувшуюся вдоль шоссе, по которому каждую ночь непрерывно ехали возы с продуктами, предназначенными для насыщения "чрева Парижа". В Лонжюмо был небольшой кожевенный завод, а кругом тянулись поля и сады. План поселения был таков: ученики снимают комнаты, целый дом снимает Инесса. В этом доме устраивается для учеников столовая.

Ленин и Крупская жили на другом конце села и ходили обедать в общую столовую.

В середине августа 1911 года супруги переехали обратно в Париж.

Из воспоминаний сестры Ленина Анны:

"Осенью 1911 года, в октябре-ноябре, мне удалось побывать за границей, и я провела недели две в Париже, у Владимира Ильича. Нашла, что он живет плохо в материальном отношении, питается недостаточно и, кроме того, сильно обносился. Я стала убеждать его пойти со мною на следующее утро в магазин, чтобы купить необходимое ему зимнее пальто. Но он категорически отказался, и я, уже не ожидая его, была удивлена, когда услышала из-под окна моей комнаты, выходящей во дворик, его оклик в условленный час. Оказалось, что Надя после моего ухода убедила его принять мое предложение. При покупке Владимир Ильич отказывался от всего более дорогого, и только убеждения приказчика, что одно пальто является "inuisable" ("неизносимым"), заставили его остановиться на нем. Но тужурку, которую я считала тоже необходимой ему, он решительно отказался покупать.

Заметила я также в это посещение Владимира Ильича, что и настроение его было менее

жизнерадостным, чем обычно. Как-то раз во время прогулки вдвоем он сказал: "Удастся ли ещё дожить до следующей революции?" И вид у него был тогда печальный, похожий на ту фотографию, что была снята с него в 1895 году в охранке. Это было время тяжелой реакции, симптомы возрождения, как факты выхода "Звезды" и "Мысли", только ещё намечались.

Выяснив условия посылок съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасы). По поводу домашней запеченной ветчины он выразился в одном не сохранившемся письме, что это "превосходная снедь", из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже. В Австрию пересылка мясного не разрешалась, и поэтому по переезде его в Краков я посылала ему рыбное (икру, балык, сельди и т. п.) и сладкое, которое он сам, конспиративно от Надины, просил послать ей".

Из воспоминаний Крупской:

"...В октябре покончили с собой Лафарги, в ночь на 13 (26) 1911 года. Эта смерть произвела на Ильича сильное впечатление. Вспоминали мы нашу поездку к ним. Ильич говорил: "Если не можешь больше для партии работать, надо уметь посмотреть правде в глаза и умереть так, как Лафарги". И хотелось ему сказать над телом Лафаргов, что недаром прошла их работа, что дело, начатое ими, дело Маркса, с которым и Поль Лафарг, и Лаура Лафарг (дочь К. Маркса) так тесно были связаны, ширится, растёт и перекидывается в далекую Азию. В Китае как раз поднималась в это время волна массового революционного движения. Владимир Ильич написал речь, Инесса её перевела. Я помню, как, волнуясь, он говорил её от имени РСДРП на похоронах.

Помню, пришел и Курнатовский. Мы Курнатовского знали по ссылке в Шуше. Это была уже третья ссылка, которую он отбывал; он кончил Цюрихский университет,

был инженером-химиком и работал на сахарном заводе около Минусинска. Вернувшись в Россию, он скоро опять влетел в Тифлисе, два года просидел в тюрьме в Метехском замке, потом был отправлен в Якутку, по дороге попал в "романовскую историю". "Романовской историей" называлось вооруженное нападение на ссыльных Якутской области в 1904 г., совершенное по распоряжению властей за то, что ссыльные заявили протест против неслыханного гнета и произвола администрации по отношению к политическим ссыльным. Протестовавшие заперлись 18 февраля в доме якута Романова. Во время перестрелки, происходившей с обеих сторон, был убит ссыльный т. Матлахов и трое ранены, со стороны солдат было убито двое. 7 марта "романовцы" сдались. Участников протеста судил якутский суд. Каждый из 55 подсудимых был приговорен к каторжным работам на 12 лет. Курнатовский был приговорен в 1904 году к 12 годам каторги. В 1905 году был амнистирован, организовал Читинскую республику. Читинская, или Забайкальская республика период фактического захвата власти в Чите в конце 1905 года рабочими железнодорожных мастерских, к которым примкнули возвращавшиеся из Маньчжурии после окончания русско-японской войны солдаты. 21 января в Читу прибыл карательный отряд с ген. Ренненкампом во главе и затопил в крови движение. Курнатовский был захвачен Меллером-Закомельским, потом передан Ренненкампу. Его приговорили к смертной казни и возили в поезде, чтобы он видел расстрелы. Потом смертную казнь заменили вечным поселением. В 1906 г. Курнатовскому удалось бежать из Нерчинска в Японию. Оттуда он перебрался в Австралию, где очень нуждался, одно время был лесорубом, простудился, началось у него какое-то воспаление уха, надорвал он все силы. Еле добрался до Парижа.

Исключительно тяжелая доля скрутила его вконец. Осенью 1910 г., по его приезду, мы с Ильичом ходили к нему в больницу - у него были страшные головные боли, мучился он ужасно. Его навещала Екатерина Ивановна Окулова с дочуркой Ириной, которая детскими каракулями писала что-то Курнатовскому, наполовину оглохшему. Потом он поправился немного. Попал он к примиренцам и как-то в разговоре стал говорить тоже что-то примиренческое. После этого у нас на время расстроилось знакомство: нервы плохие у всех были. По осени 1911 г. я зашла раз к нему, - он нанимал комнатку на бульваре Монпарнас, занесла наши газеты, рассказала про школу в Лонжюмо, и мы долго проговорили с ним по душам. Он безоговорочно соглашался уже с линией Центрального Комитета. Ильич обрадовался и последнее время частенько заходил к Курнатовскому. Курнатовский смотрел, как мы укладывались, как весело паковала что-то моя мать, и сказал: "Есть вот ведь энергия у людей". Осенью 1912 г., уже когда мы были в Кракове, Курнатовский умер.

Мы передавали нашу квартиру какому-то поляку, который брал квартиру с мебелью и усиленно допрашивал Ильича о хозяйственных делах: "А гуси почему? А телятина почему?" Ильич не знал, что сказать: "Гуси??.. Телятина??.." Мало имел Ильич отношения к хозяйству, но и я ничего не могла сказать о гусях и телятине, ибо в Париже ни того, ни другого мы не ели, а ценой конины и салата поляк не интересовался.

У нашей парижской публики была в то время сильная тяга в Россию: собирались туда Инесса, Сафаров и др. Мы пока перебирались только поближе к России".

В КРАКОВЕ

Супруги-революционеры стали собираться в Краков; Краков был во многих отношениях удобнее Парижа. Удобнее было в полицейском отношении. Французская

полиция всячески содействовала русской полиции. Польская полиция относилась к полиции русской, как и ко всему русскому правительству, враждебно. В Кракове можно было быть спокойным в том отношении, что письма не будут вскрываться, за приезжими не будет слежки. Да и русская граница была близка. Можно было часто приезжать из России. Письма и пакеты шли в Россию без всякой волокиты.

В Кракове у Крупской обострилась базедовая болезнь - заболевание щитовидной железы. По мнению лечивших Крупскую врачей, причина заболевания - психические травмы, нервные перенапряжения, наследственное предрасположение, отсутствие нормальной половой жизни с супругом. Крупская часто уставала, стала раздражительной, у неё появлялось учащенное сердцебиение, одышка при физической нагрузке, стало заметно пучеглазие.

Когда супруги приехали в Краков, их встретил Багоцкий - польский эмигрант, политкаторжанин, который помогал приезжим из Парижа во всех житейских и конспиративных делах. Он научил их, как пользоваться полупасками (так назывались проходные свидетельства, по которым ездили жители приграничной полосы и с русской, и с галицийской стороны). Полупаски стоили гроши, а самое главное - они облегчали переезд через границу нашей нелегальной публике.

Ленин и Крупская приехали летом, и Багоцкий посоветовал им поселиться в краковском предместье, так называемом Звежинце... Грязь там была невероятная, но близко была река Висла, где можно было купаться, и километрах в пяти Вольский лес - лес, куда супруги ездили на велосипедах.

Вспоминает Крупская:

"Краков Ильичу очень нравился, он напоминал Россию. Новая обстановка, отсутствие эмигрантской

сутолоки успокоили немного нервы. Внимательно вглядывался Ильич в мелочи быта краковского населения, его бедноты, его рабочего люда. Мне тоже Краков нравился. Когда-то в раннем детстве, в возрасте от двух до пяти лет, я жила в Польше, кое-что осталось в памяти, и мне милы казались деревянные открытые галерейки во дворах, напоминали они мне те галерейки, на ступеньках которых я играла когда-то с польскими и еврейскими ребятами; мне милы казались "огрудки" (садики), в которых продавалось "квасьне млеко с земняками" (кислое молоко с картофелем). Матери моей тоже это напоминало её молодые годы, а Ильич радовался тому, что вырвался из парижского пленения; он весело шутил, подхваливал и "квасьне млеко", и польскую "моцну старку" (крепкую водку).

...Я знала плоховато, кое-что помнила с детства да в Сибири и Уфе немного занималась польским языком, но говорить сразу же пришлось по хозяйственной линии. С хозяйством дело было много труднее, чем в Париже. Не было газа, надо было топить плиту. Я попробовала было по парижскому обычаю спросить в мясной мяса без костей. Мясник воззрился на меня и заявил: "Господь бог корову сотворил с костями, так разве могу я продавать мясо без костей?" На понедельник булки надо было запасать заранее, потому что в понедельник булочки опохмелялись, и булочные были закрыты и т.д. и т.п. Надо было уметь торговаться. Были лавки польские, и были лавки еврейские. В еврейских лавках все можно было купить вдвое дешевле, но надо было уметь торговаться, уходить из лавки, возвращаться и пр., терять на это массу времени.

Евреи жили в особом квартале, ходили в особой одежде. В больнице, в ожидании приема у доктора, ожидающие больные всерьез вели дискуссию о том, еврейское дитя такое же, как польское, или нет, проклято оно или нет. И тут же сидел молча еврейский

мальчик и слушал эту дискуссию. Власть католического духовенства - ксендзов - в Кракове была безгранична. Ксендзы оказывали материальную помощь погорельцам, старухам, сиротам, монастыри женские подыскивали места прислуге и защищали её права перед хозяевами, церковные службы были единственным развлечением забитого, темного населения. В Галиции прочно ещё держались крепостнические обычаи, которые католическая церковь поддерживала. Например, барыня в шляпке на базаре нанимает прислугу. Стоит человек десять крестьянок, желающих наняться в прислуги, и все целуют у барыни руку. За все полагалось давать на чай. Получив на чай, столяр или извозчик валяются на колени и кланяются в землю. Но зато и ненависть к барам здоровая жила в массах... Нищета, затоптанность крестьян и бедного люда проглядывала во всех мелочах и была ещё больше, чем в то время даже у нас в России...

В Питер для подготовки избирательной кампании из наших заграничников поехали из Парижа близкие товарищи - Сафаров и Инесса. Ехали с чужими паспортами. Инесса заезжала к нам в Краков, когда мы жили ещё в Звежинце. Два дня прожила у нас, сговорились с ней обо всем, снабдили её всякими адресами, связями, обсудили они с Ильичом весь план работы.

...Когда не было приездов, жизнь наша шла в Кракове довольно однообразно. "Живем, как в Шуше, - писала я матери Владимира Ильича, почтой больше. До 11 часов стараемся время провести как-нибудь - в 11 ч. первый почтальон, потом 6-ти часов никак дожидаться не можем". К библиотекам краковским Владимир Ильич плохо приспособился. Начал было кататься на коньках, да пришла весна. Под пасху мы пошли с ним в "Вольский ляс". В Кракове хорошая весна, чудесно было

ранней весной в лесу, распушились кустарники желтым цветом, налились ветки деревьев по-весеннему. Пьянит весна. Но назад долго плелись мы, пока дошли до города; домой надо было идти через весь город; трамваи не ходили по случаю страстной субботы, а у меня все силы ушли куда-то. Зимой 1913 г. я прохворала, стало скандалить сердце, дрожать руки, а главное, напала слабость. Ильич настоял, чтобы я пошла к доктору, доктор сказал: тяжелая болезнь, нервы надорвались, сердце переродилось - базедова болезнь, надо ехать в горы, в Закопане. Пришла домой, рассказываю, что сказал доктор. Жена сапожника, приходившая к нам топить печи и ходить за покупками, вознегодовала: "Разве вы нервная? - это барыни нервные бывают, те тарелками швыряются!" Тарелками я не швырялась, но для работы в таком состоянии была мало пригодна.

На лето мы, Зиновьевы и Багоцкие со своей знаменитой собакой Жуликом перебрались в Поронин, в 7 километрах от Закопане. Закопане слишком людно было и дорого. Поронин - попроще, подешевле. Наняли дачу большую. Место было высокое - 700 метров, предгорье Татр. Воздух был удивительный, хотя был постоянный туман и накрапывал обычно мелкий дождишко, но в промежутки вид на горы был чудесный. Мы взбирались на плоскогорье, которое начиналось от нашей дачи, и смотрели на белоснежные вершины Татр. Красивые они. Ильич ездил иногда с Багоцким в Закопане, и они вместе с закопанской публикой (Вигелевым) делали большие прогулки по горам. Ходить по горам страшно любил Ильич. Горы мне помогали плохо, я все больше и больше приходила в инвалидное состояние, и, посоветовавшись с Багоцким - Багоцкий был врач-невропатолог, - Ильич настоял на поездке в Берн, чтобы оперироваться у Кохера. Поехали в половине июня, по дороге заезжали в Вену... Повидали

мы некоторых товарищей - венцев, побродили по Вене. Она - своеобразная, большой столичный город, после Кракова нам очень понравилась. В Берне попали под шефство Шкловских, которые с нами всячески возились. Они нанимали особый домик с садом. Ильич шутил с младшими девочками, дразнил Женюрку. Я пробыла около трех недель в больнице, Ильич полдня сидел у меня, а остальное время ходил в библиотеки, много читал, даже перечитал целый ряд медицинских книг по базедке, делал выписки по интересовавшим его вопросам. Пока я лежала в больнице, он ездил с рефератом по национальному вопросу в Цюрих, Женеву и Лозанну, читал реферат на эту тему и в Берне. В Берне - уже после моего выхода из больницы - состоялась конференция заграничных групп, где обсуждалось положение дел в партии. Надо было бы после операции ещё недели две провести в полулежачем состоянии в горах на Беатенберге, куда посылал Кохер, но из Поронина шли вести, что много спешных, экстренных дел, пришла телеграмма от Зиновьева, и мы двинулись в обратный путь.

Шла подготовка партийной конференции, так называемого "летнего совещания". Оно состоялось в Поронине 22 сентября - 1 октября...

В середине конференции приехала Инесса Арманд. Арестованная в сентябре 1912 г., Инесса сидела по чужому паспорту в очень трудных условиях, порядком подорвавших её здоровье, - у неё были признаки туберкулеза, - но энергии у неё не убавилось, с ещё большей страстностью относилась она ко всем вопросам партийной жизни. Ужасно рады были мы, все краковцы, её приезду.

После совещания мы прожили в Поронине ещё около двух недель, много гуляли, ходили как-то на Черный Став, горное озеро замечательной красоты, ещё куда-то в горы.

Осенью мы все, вся наша краковская группа, очень сблизилась с Инессой. В ней много было какой-то жизнерадостности и горячности. Мы знали Инессу по Парижу, но там была большая колония, в Кракове жили небольшим товарищеским замкнутым кружком. Инесса наняла комнату у той же хозяйки, где жил Каменев. К Инессе очень привязалась моя мать, к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса...

В мае мы переехали опять в Поронин.

Инесса на лето выписала детей из России и жила в Триесте у моря. Она готовила доклад к Международному женскому конгрессу, который должен был состояться в Вене одновременно с конгрессом Интернационала...

1 августа Германия объявила войну России, 3 августа - Франции, 4 августа - Бельгии, в тот же день Англия объявила войну Германии, 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, 11 августа Франция и Англия объявили войну Австро-Венгрии.

Началась мировая война, которая остановила на время нарастающее революционное движение в России, перевернула весь мир, породила ряд глубочайших кризисов, по-новому, гораздо более остро поставила важнейшие вопросы революционной борьбы, подчеркнула роль пролетариата как вождя всех трудящихся, подняла на борьбу новые пласты, сделала победу пролетариата вопросом жизни или смерти для России".

Вспоминает С. Багоцкий о жизни Ленина и Крупской в Галиции, где находился Краков:

"Галиция, входившая в состав Австро-Венгрии, не в пример частям Польши, захваченным Германией и Царской Россией, пользовалась относительной политической свободой.

Царившая в Кракове атмосфера враждебности к царскому самодержавию делала местные полицейские органы более "предупредительными" к политэмигрантам, чем в каком-либо другом городе Европы.

Ульяновы хотели устроиться вблизи леса и воды, но попроще и подешевле. Этим условиям отвечало предместье Кракова Звежинец.

Квартира Ульяновых на Звежинце оказалась неудобной. Она была далеко от вокзала, куда Владимир Ильич должен был ежедневно ходить для отправки писем (чтобы его статьи в "Правду" не опаздывали, он посылал их всегда с ночным поездом).

Недалеко от вокзала, на улице Любомирского, Ульяновы нашли квартиру в новом доме. Улица была застроена только с одной стороны. Из окон квартиры Ульяновых открывался широкий вид на поля, тянувшиеся вдоль границы.

Владимир Ильич работал с раннего утра до позднего вечера, но работа его не утомляла. Чем больше было работы, тем больший подъем и внутреннее удовлетворение он чувствовал. Он распределял свое время так, что у него ежедневно оставался час-два для отдыха. Страстный любитель природы, он эти часы проводил в поездках на велосипеде или прогулках по окрестностям Кракова; когда позволяло время, он совершал дальние туристские экскурсии.

Самым частым спутником Владимира Ильича была Надежда Константиновна. Но по состоянию здоровья она не всегда могла его сопровождать. Не все члены нашей небольшой русской колонии разделяли потребность Владимира Ильича в прогулках за город. Произошло своего рода разделение на "партии". Сторонников экскурсий называли шутя "прогулистами", а сторонников кино "синемистами".

Около 2 часов был перерыв на обед. Хозяйством занималась Надежда Константиновна. Ее кулинарные способности, при наличии других, более важных функций, не давали особенно хороших результатов. Но Владимир Ильич был неприхотлив и ограничивался шутками, вроде того, что ему приходится слишком часто есть "жаркое", имея в виду подгоревшее вареное мясо.

Здоровье Надежды Константиновны ухудшалось: начались частые сердцебиения, появились и другие симптомы базедовой болезни. Владимир Ильич забеспокоился. Надежда Константиновна не хотела обращаться к врачам. Наконец общими усилиями удалось уговорить её, и она пошла к одному из лучших невропатологов Кракова. Тот посоветовал поехать на несколько месяцев в горы.

Долго обсуждался вопрос, куда ехать. В конце концов остановились на находящейся у подножия Высоких Татр деревушке Поронин. В климатическом отношении Поронин подходил для лечения Надежды Константиновны. Там, кроме того, были условия для спокойной работы и то преимущество, что жизнь была дешева.

Поронин был фактически предместьем известного курорта Закопане излюбленного летнего местопребывания польской интеллигенции, студенческой молодежи, политэмигрантов... Днем большинство туристов уходило в горы и Закопане казалось вымершим. Вечером все оживало. Многочисленные кафе заполнялись самой разношерстной публикой. Здесь велись бесконечные дискуссии на политические и литературные темы...

Культура швейцарских Альп, где можно было доехать до многих вершин на фуникулере, не прельщала Владимира Ильича. Главную прелесть горных экскурсий он видел в преодолении трудностей

подъема и в многообразии впечатлений, которые давал самый процесс подъема в горы.

Ульяновы сняли крестьянскую хату с верандой и мансардой, расположенную на границе между Порониным и соседней деревней Белый Дунаец. Хозяйка дома Тереза Скупень жила в другом домике, поодаль. Нанятый Ульяновыми домик стоял на поляне приблизительно в 200 метрах от шоссе, у подножия небольшого холма. Внизу были две большие комнаты. В одной из них устроили спальню Владимира Ильича и Надежды Константиновны; она же служила рабочей комнатой Владимира Ильича. Во второй комнате поместилась мать Надежды Константиновны, Елизавета Васильевна... Вдоль дома шел узкий балкон, ведущий в обширную кухню, которая была рабочей комнатой Надежды Константиновны и "приемной", где по вечерам часто собирались жившие в Поронине товарищи. Наверху впоследствии поселился бежавший из Сибири товарищ Тихомирнов.

Моя квартира находилась недалеко от вокзала, приблизительно в полукилометре от дома Ульяновых. Дальше в сторону Закопане был центр Поронина - почта и лавки. На другой стороне Дунайца поселились другие члены нашей колонии.

В Поронине Владимир Ильич вставал часов в семь и шел обычно купаться в Дунайце. Быстрая горная речка была в общем мелкой, но вблизи дома Скупень мы нашли довольно глубокое место, где можно было даже плавать. Росший на берегу кустарник скрывал купающихся от проезжей дороги...

Вопреки ожиданиям, горный воздух не вызвал улучшения здоровья Надежды Константиновны. Сердцебиения стали повторяться, усилились другие симптомы базедовой болезни. Она совершенно перестала принимать участие в наших прогулках. Владимир Ильич неоднократно беседовал со мной по

этому поводу. В конце концов пришли к заключению, что самое целесообразное - обратиться к известному в то время специалисту по заболеваниям щитовидной железы профессору Кохеру. Для этого нужно было ехать в Швейцарию - в Берн. Владимир Ильич не хотел отпустить Надежду Константиновну одну в такое далекое путешествие и решил сопровождать её. Это требовало жертвы ценного времени и было затруднительно по материальным соображениям. Но Владимир Ильич не колебался. Ущерб в работе, наносимый поездкой, он решил наверстать укреплением заграничных партийных секций, посетив их во время поездки. Одновременно он решил прочесть рефераты в Вене и в швейцарских городах, что частично разрешало и материальный вопрос.

Елизавете Васильевне было уже семьдесят лет, и она была довольно беспомощна. Оставлять её одну Ульяновы не решились. Владимир Ильич просил меня на время их отсутствия переселиться в их квартиру, с чем я, конечно, согласился.

После полуторамесячного отсутствия Ульяновы вернулись в Поронин, довольные результатами поездки. Состояние здоровья Надежды Константиновны, после сделанной ей операции, значительно улучшилось, сердцебиения прошли, силы окрепли".

* * *

Ленин и Крупская снова перебрались в Швейцарию. Они прибыли туда 23 августа (5 сентября по новому стилю) 1914 года. К этому времени уже шла Первая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1914 года. 6 сентября за городом, в лесу, собралась местная группа большевиков и, заслушав доклад В. И. Ленина, приняла его исторические "Тезисы о войне".

В Берне заметно ухудшилось здоровье 70-летней матери Крупской Елизаветы Васильевны.

Владимир Ильич ценил заботу о себе матери Крупской. Он позволял себе подшучивать над "бабушкой", как он называл Елизавету Васильевну. Темы его шуток должны были вызвать её возражения. Елизавета Васильевна, со своей стороны, изредка поругивала его за "жизненную непрактичность".

Матери Крупской стало совсем плохо, дело шло к её смерти, и она не заставила себя ждать.

Смерть Елизаветы Васильевны Ленин и Крупская пережили без слез, без поминок. Тело "бабушки", прожившей всю жизнь без внуков, сожгли в бернском крематории.

Прах её не был востребован Лениным, когда он перебрался в Россию. Она оказалась после смерти никому не нужна, хотя Ленин всю свою семейную жизнь до Первой мировой войны прожил с её помощью и при её большой заботе.

Из воспоминаний Крупской:

"После смерти матери у меня сделался рецидив базедовой болезни, и доктора направили меня в горы. Ильич разыскал по публикации дешёвый пансион в немодной местности, у подножия Ротхорна, в Зеренберге, в отеле "Мариенталь", и мы прожили там все лето...

В Зеренберге устроились мы очень хорошо, кругом был лес, высокие горы, наверху Ротхорна даже лежал снег. Почта ходила со швейцарской точностью. Оказалось, в такой глухой горной деревушке, как Зеренберг, можно было бесплатно получать любую книжку из бернских или цюрихских библиотек. Пошлешь открытку в библиотеку с адресом и просьбой прислать такую-то книгу. Книжку, обернутую в папку, получаешь через два дня, бечевкой привязан билет из папки, на одной его стороне надписан адрес запросившего книгу, на другой - адрес библиотеки, пославшей книгу. Это создавало возможность

заниматься в самой глуши. Ильич всячески выхвалял швейцарскую культуру. В Зеренберге заниматься было очень хорошо. Через некоторое время к нам туда приехала Инесса. Вставали рано и до обеда, который давался, как во всей Швейцарии, в 12 часов, занимался каждый из нас в своем углу в саду. Инесса часто играла в эти часы на рояле, и особенно хорошо занималось под звуки доносившейся музыки. После обеда уходили иногда на весь день в горы. Ильич очень любил горы, любил под вечер забираться на отроги Ротхорна, когда наверху чудесный вид, а под ногами розовеющий туман, или бродить по Штраттенфлу - такая гора была километрах в двух от нас, "проклятые шаги" - переводили мы. Нельзя было никак взобраться на её плоскую широкую вершину - гора вся была покрыта какими-то изъеденными весенними ручьями камнями. На Ротхорн взбирались редко, хотя оттуда открывался чудесный вид на Альпы. Ложились спать с петухами, набирали альпийских роз, ягод, все были отчаянными грибниками грибов белых была уйма, но наряду с ними много всякой другой грибной поросли, и мы так азартно спорили, определяя сорта, что можно было подумать - дело идет о какой-нибудь принципиальной резолюции".

ОБЕДЫ С ПРОСТИТУТКОЙ,

ЗНАКОМСТВО С ПРОСТИТУТКОЙ

"С января 1916 г., - вспоминала Крупская, - Владимир Ильич взялся за писание брошюры об империализме для книгоиздательства "Парус". Этому вопросу Ильич придавал громадное значение, считая, что настоящей глубокой оценки происходящей войны нельзя дать, не выяснив до конца сущности империализма как с его экономической, так и политической стороны. Поэтому он охотно взялся за эту работу. В половине февраля Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да

откладывали свое возвращение в Берн, да так и остались жить в Цюрихе, который был поживее Берна. В Цюрихе было много иностранной революционно настроенной молодежи, была рабочая публика, социал-демократическая партия была более лево настроена и как-то меньше чувствовался дух мещанства.

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей фрау Прелог, скорее напоминавшей жительницу Вены, чем швейцарку, что объяснялось тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у ней, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел. Фрау Прелог попросила нас найти себе другую комнату, но предложила нам приходить к ней кормиться за довольно дешевую плату. Мы кормились, должно быть, там месяца два; кормили нас просто, но сытно. Ильичу нравилось, что все было просто, что кофе давали в чашке с отбитой ручкой, что кормились в кухне, что разговоры были простые - не о еде, не о том, что столько-то картошек надо класть в такой-то суп, а о делах, интересовавших столовников фрау Прелог. Правда, их было не очень много и они часто менялись. Очень скоро мы почувствовали, что попали в очень своеобразную среду, в самое что ни на есть цюрихское "дно". Одно время обедала у Прелог какая-то проститутка, которая, не скрываючи, говорила о своей профессии, но которую гораздо больше, чем её профессия, занимало то здоровье её матери, то какую работу найдет её сестра. Столовалась несколько дней какая-то сиделка, стали появляться ещё какие-то столовники. Жилец фрау Прелог больше помалкивал, но из отдельных фраз явствовало, что это тип почти что уголовный. Нас никто не стеснялся, и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какогото-

нибудь приличного отеля, где собирались состоятельные люди.

Я торопила Ильича перейти на домашний стол, ибо публика была такая, что легко можно было влипнуть в какую-нибудь дикую историю. Все же некоторые черты цюрихского "дна" были небезынтересны...

Потом все время, встречаясь на улице с фрау Прелог, Ильич всегда её дружески приветствовал. А встречались мы с ней хронически, ибо поселились неподалеку, в узком переулочке, в семье сапожника Каммерера. Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом, стройки чуть ли не XVI века, двор вонючий. Можно было за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Семья была рабочая, они были революционно настроены, осуждали империалистскую войну. Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной - жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой - какой-то итальянец, в третьей австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой - мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, и однажды, когда около газовой плиты собрался целый женский интернационал, фрау Каммерер возмущенно воскликнула: "Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!" После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату. От фрау Каммерер я многому научилась: как дешево, с минимальной затратой времени сытно варить обед и ужин. Училась и другому. Однажды в газетах было объявлено, что Швейцария испытывает затруднение во ввозе мяса, и потому правительство обращается к гражданам с призывом два раза в неделю не потреблять мяса. Мясные лавки продолжали торговать в "постные" дни. Я закупила к обеду мясо, как всегда, и, стоя у газовой плиты, стала расспрашивать фрау Каммерер, как же проверяют, выполняют ли граждане призыв, -

контролеры, что ли, какие по домам ходят? "Зачем же проверять? - удивилась фрау Каммерер. - Раз опубликовано, что существуют затруднения, какой же рабочий человек станет есть мясо в "постные" дни, разве буржуй какой?" И, видя мое смущение, она мягко добавила: "К иностранцам это не относится". Этот пролетарский сознательный подход чрезвычайно пленил Ильича...

...Многое хотелось Ильичу додумать до конца, дать своим мыслям дозреть, и потому мы решили поехать в горы, да и мне было необходимо это, потому что никак не могла утихомириться моя базедка. Одна управа была на неё - горы. Мы поехали на шесть недель в кантон Сен-Галлен, неподалеку от Цюриха в дикие горы, в дом отдыха Чудивизе, очень высоко, совсем близко к снеговым вершинам. Дом отдыха был самый дешёвый, 2,5 франка в день с человека. Правда, это был "молочный" дом отдыха - утром давали кофе с молоком и хлеб с маслом и сыром, но без сахара, в обед - молочный суп, что-нибудь из творога и молока на третье, в 4 часа опять кофе с молоком, вечером ещё что-то молочное. Первые дни мы прямо взвыли от этого молочного лечения, но потом дополняли его едой малины и черники, которые росли кругом в громадном количестве. Комната наша была чиста, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать её надо было самим, и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал мои и свои горные сапоги и отправлялся с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок. Публика была демократическая. В доме отдыха, где цена за содержание 2,5 франка с человека,

"порядочная" публика не селилась. В некотором отношении этот дом отдыха напоминал французский Бомбон, но публика была попроще, победнее, с швейцарским демократическим налетом. По вечерам хозяйский сын играл на гармонии и отдыхающие плясали вовсю, часов до одиннадцати раздавался топот пляшущих. Чудивизе было километрах в восьми от станции, сообщение возможно было лишь на ослах, дорога шла тропинками по горам, все ходили пешком, и вот почти каждое утро, часов в шесть утра, начинал названивать колокол, собиралась публика провожать уходящих и пели какую-то прощальную песню про кукушку какую-то. Каждый куплет кончался словами: "Прощай, кукушка". Владимир Ильич, любивший утром поспать, ворчал и плотнее закутывался в одеяло с головой. Публика была архаична. Даже на тему о войне никогда не заходили разговоры. В числе отдыхающих был солдат.

По приезде в Цюрих мы опять поселились у тех же хозяев, на Шпигельгассе.

За время пребывания в Чудивизе Владимир Ильич со всех сторон обдумал план работы на ближайшее время. Первое, что важно было, особенно в данный момент, это - теоретическая спевка, установление четкой теоретической линии...

В то время мы наводили сугубую экономию в личной жизни. Ильич всюду усиленно искал заработка, - писал об этом Гранату, Горькому, родным, раз даже развивал Марку Тимофеевичу, мужу Анны Ильиничны, целый фантастический план издания "Педагогической энциклопедии", над которой я буду работать. Я в это время много работала над изучением вопросов педагогики, знакомилась с практической постановкой школ в Цюрихе. Причем, развивая этот фантастический план, Ильич до того увлекся, что писал о том, что важно, чтобы кто-нибудь не перехватил эту идею.

Так жили мы в Цюрихе, помаленьку да потихоньку, а ситуация становилась уже гораздо более революционной. Наряду с работой в теоретической области Ильич считал чрезвычайно важным выработку правильной тактической линии... Необходимо вести революционную борьбу за социализм и разоблачать самым беспощадным образом оппортунистов, у которых слова расходятся с делом, которые на деле служат буржуазии, предают дело пролетариата. Никогда, кажется, не был так непримиримо настроен Владимир Ильич, как в последние месяцы 1916 и первые месяцы 1917 гг. Он был глубоко уверен в том, что надвигается революция".

В Цюрихе Ленин встретил русскую проститутку Анну Букатову. Отношения между ними продолжались недолго. Ленин пытался обратить в свою веру, привлечь Анну к пересылке нелегальной литературы в Россию, но она его не поняла, как не осознала и не оценила его революционную деятельность. В своей записке к нему она дала ответ на его предложения. Анна писала, что "Вы удостоили меня своей дружбы и я в Вашем распоряжении, я могу удовлетворять Вас физически, но на что-либо другое я не способна".

Авторы некоторых книг о Ленине связывают с этой проституткой то, что якобы Ленин от неё заразился сифилисом. По этому поводу написано уже немало и сделано несколько заявлений врачей-специалистов. Дело в том, что вопрос о сифилисе возник тогда, когда один из врачей, лечивший Ленина в Горках под Москвой, сказал, что если бы у Ленина был сифилис, "то мы бы его вылечили", а сильнейший склероз сосудов головного мозга, который был у Ленина, неизлечим.

ВЕСТИ О РЕВОЛЮЦИИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

"Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, пишет в своих воспоминаниях Крупская, - а я кончила убирать посуду, пришел

Бронский со словами: "Вы ничего не знаете?! В России революция!" - и он рассказал нам, что было в вышедших экстренным выпуском телеграммах. Когда ушел Бронский, мы пошли к озеру, там на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе.

Перечитали телеграммы несколько раз. В России действительно была революция. Усиленно заработала мысль Ильича. Не помню уж, как прошли конец дня и ночь. На другой день получились вторые правительственные телеграммы о Февральской революции".

Ленин, Крупская и их соратники попросили швейцарского социал-демократа Ф. Платтена помочь им с переездом из Швейцарии в Россию.

Крупская вспоминала:

"Когда пришло письмо из Берна, что переговоры Платтена пришли к благополучному концу, что надо только подписать протокол и можно уже двигаться в Россию, Ильич моментально сорвался: "Поедем с первым поездом". До поезда оставалось два часа. За два часа надо было ликвидировать все наше "хозяйство", расплатиться с хозяйкой, отнести книги в библиотеку, уложиться и пр. "Поезжай один, я приеду завтра". Но Ильич настаивал: "Нет, едем вместе". В течение двух часов все было сделано: уложены книги, уничтожены письма, отобрана необходимая одежда, вещи, ликвидированы все дела. Мы уехали с первым поездом в Берн.

...На берлинском вокзале наш поезд поставили на запасный путь. Около Берлина в особое купе сели какие-то немецкие социал-демократы. Никто из наших с ними не говорил... 31 марта мы уже въехали в Швецию. В Стокгольме нас встретили шведские социал-демократические депутаты - Линдхаген, Карльсон, Штрем, Туре Нерман и др. В зале было вывешено красное знамя, устроено собрание. Как-то плохо помню

Стокгольм, мысли были уже в России. Фрица Платтена и Радека Временное правительство в Россию не впустило. Оно не посмело сделать того же в отношении большевиков. На финских вейках переехали мы из Швеции в Финляндию. Было уже все свое, милое - плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было... Наши прильнули к окнам. На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли толпой солдаты. Усиевич высунулся в окно. "Да здравствует мировая революция!" - крикнул он. Недоуменно посмотрели на него солдаты.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие товарищи. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами. Ильич спрашивал, арестуют ли нас по приезде. Товарищи улыбались. Скоро мы приехали в Питер...

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы, пришли встречать своего вождя. Было много близких товарищей. В числе их с красной широкой перевязью через плечо Чугурин - ученик школы Лонжюмо; лицо его было мокро от слез. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе её величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

Встречать на Финляндский вокзал приехали Чхеидзе и Скобелев в качестве официальных представителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Товарищи повели Ильича в царские покои, где находились Чхеидзе и Скобелев. Когда Ильич вышел на перрон, к нему подошел капитан и,

вытянувшись, что-то отрапортовал. Ильич, смутившись немного от неожиданности, взял под козырек. На перроне стоял почетный караул, мимо которого провели Ильича и всю нашу эмигрантскую братию, потом нас посадили в автомобили, а Ильича поставили на броневик и повезли к дому Кшесинской. "Да здравствует социалистическая мировая революция!" - бросал Ильич в окружавшую многотысячную толпу.

Начало этой революции уже ощущал Ильич всем существом своим.

Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступить с балкона. Впечатления от встречи, от этой поднятой революционной стихии заслоняли все.

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу. Мария Ильинична жила с нами. Жили они на Петроградской стороне, на Широкой улице. Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гора, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Мы почти не говорили с Ильичом в ту ночь - не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно.

7 апреля - в день появления в печати тезисов Ленина - исполнительный комитет Петроградского Совета голосовал ещё за "Заем свободы".

В буржуазных газетах и в газетах оборонческих началась бешеная травля Ленина и большевиков. Никто не считался с заявлением Каменева, все знали, что

внутри большевистской организации верх возьмет точка зрения Ленина. Травля Ленина способствовала быстрой популяризации тезисов. Ленин называл происходящую войну империалистической, грабительской, все видели - он всерьез за мир. Это волновало матросов, солдат, волновало тех, для кого вопрос о войне был вопросом жизни и смерти...

Когда Владимир Ильич возвращался домой усталый, у меня язык не поворачивался спрашивать его о делах. Но и ему, и мне хотелось поговорить так, как привыкли, во время прогулки. И мы иногда, редко впрочем, ходили гулять по более глухим улицам Петроградской стороны. Раз, помню, ходили на такую прогулку вместе с тт. Шаумяном и Енукидзе. Шаумян тогда передал Ильичу красные значки, которые его сыновья заказали ему передать Ленину. Ильич улыбался".

Октябрьская революция, или октябрьский переворот, произошла 25 октября (7 ноября) 1917 года. По словам Н. Подвойского, председателя Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете, когда брали штурмом Зимний дворец в Петрограде, где заседало Временное буржуазное правительство, Ленин "метался по маленькой комнатке Смольного, как лев, запертый в клетку...".

На следующий день после взятия Зимнего дворца и ареста членов Временного правительства, Ленин выступил на заседании II съезда Советов с декретами о мире и земле, возглавил, избранное на съезде правительство Совет Народных Комиссаров.

Новое правительство, возглавляемое Лениным, сразу же приступило к выполнению жестких мер по отношению к неревolutionному населению. 10 ноября "спекулянты" декретом, подписанным Лениным, были объявлены "врагами народа", их, согласно декрета, расстреливали на месте.

5 сентября 1918 года был издан декрет (за подписью Ленина) о создании концлагерей. Покров кровавого красного террора начал заволакивать в Россию.

ХОЛОДНОСТЬ К СУПРУГЕ И ЖЕСТОКОСТЬ К ЛЮДЯМ

- В первое время я начинала раздеваться, едва заслышав, что он входит в дом, - так писала о своих чувствах к любимому мужчине известная немецкая актриса, танцовщица, исполнившая главную роль в очень известном фильме 40-х годов "Девушка моей мечты" (и во многих других музыкальных фильмах) Марика Рекк, венгерка по национальности.

О себе она писала:

"Знаю, что я сексапильна. Мужчины всегда смотрели на меня тем особым взглядом, который наводит на мысль о постели. И, откровенно говоря, мне всегда это было приятно. Да я и теперь люблю выставлять напоказ свои ножки. Но я не считаю, что сексапильность измеряется количеством любовных интрижек, которые у тебя на счету. И с этой точки зрения я была образцовой женой. Я уверена, что бурный темперамент - к примеру, такой, какой у меня, - может удовлетворяться и одним мужчиной, если мужчина того стоит" (Марика Рекк. Сердце с перцем. М., 1991, сс. 231, 16).

Подобных отношений в сексе и любви между Лениным и Крупской не было. Хотя Крупская и была образцовой женой-революционеркой, но она не горела страстью к Ленину, а он к ней был попросту холоден. В их воспоминаниях, письмах друг к другу нет ни слова о сексе, постели, бурном темпераменте; спали они всегда порознь. Сексуальность не привлекала Ленина, он никогда не говорил о сексе, не стремился любоваться обнаженной женщиной, даже в искусстве; не любил посещать картинные галереи, художественные музеи, не интересовался живописью, скульптурой.

Ленин не любил сентиментальность, что также свидетельствует о его обедненности чувствами и эмоциями. По его мнению, "сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество". Под сентиментальностью Владимир Ильич понимал проявления жалости, милосердия и даже любви. По мнению Ленина, "рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов...".

Ленин не был психопатом в прямом значении этого слова. Он был психованным человеком, или, как считают некоторые ученые-медики, "невропсихическим больным". И таким был последние 15-20 лет. Вот как он выглядел в свои зрелые годы по отзывам своих соратников.

Плеханов: "С Лениным в те годы было невозможно работать: он заводился по любому пустяку".

Мартов: "В спорах глаза Владимира Ильича становились холодными и жестокими, в них нельзя было смотреть без содрогания. Когда же он начинал кричать, лицо его болезненно искажалось, изо рта вылетала слюна".

Конечно, Ленин, помимо его холодной природы, много пережил нервных потрясений, стрессов, неудач, взлетов и падений, когда рушились, и казалось окончательно, все планы революционной деятельности. Здесь справедливы следующие слова Н. Крупской: "В жизни часто Ленин стоял на краю смерти. Это тоже отпечаток свой кладет, тоже страшит от мелких чувств".

Многое в поведении Ленина объясняет тот факт, что он много работал, напрягался и перенапрягался в работе. Именно это вызывало склероз сосудов мозга и его раннюю смерть. По свидетельству врача Н. Семашко, "склероз сосудов мозга Владимира Ильича был настолько сильным, сосуды эти заизвестились: при

вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по камню".

Болезнь, особенно нервная, обостряет все плохие качества человека. У Ленина - это его холодность, жестокость, раздражительность.

Умственное переутомление вызывало у Ленина ухудшение самочувствия, сильные головные боли, ослабление памяти, бессонницу, сильную раздражительность, что приводило к озлоблению по отношению к окружающим и проявлениям все большей жестокости.

Ленин никогда не увлекался и не занимался садомазохизмом в сексуальных отношениях, но садизм ему был присущ в политике - он приказывал, не дрогнув, расстреливать сотни и тысячи людей. Вот, например, несколько циркуляров Ленина:

- от 9 августа 1918 года председателю губсовета Новгородской области: "Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров": "Прекрасный план. Под видом "зеленых" (мы потом на них и свалим) пройдем 10 - 20 верст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия - 100 000 рублей за повешенного".

- Ленин: "Мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять".

Как мы видим, садизм и жестокость были очень присущи Ленину.

Владимир Ильич не любил искусство, не любил литературу. А если и обращал внимание на них, то только в сугубо революционных целях.

Как видно из воспоминаний Крупской, Ленин литературные произведения делил на "наших", то есть сочувствующих простому люду, и "не наших" - всех остальных. Ко вторым он относился с явным

презрением, не взирая на их талант, а первых по несколько раз перечитывал, не обращая внимания на то, что они зачастую в художественных отношениях были беспомощны. Ленина не интересовал сюжет, образы героев, его интересовала идея произведения.

Крупская пишет:

"Например, он любил роман Чернышевского "Что делать?", несмотря на малохудожественную, наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя, одна, надписанная рукой Ильича, год рождения и смерти. В альбоме Ильича были ещё карточки Золя, а из русских - Герцена и Писарева.

Потом, позже, во вторую эмиграцию в Париже, Ильич охотно читал стихи Виктора Гюго "Возмездие", посвященные революции 1848 г., которые в свое время писались Гюго в изгнании и тайно ввозились во Францию. В этих стихах много какой-то наивной напыщенности, но чувствуется в них все же веяние революции. Охотно ходил Ильич в разные кафе и пригородные театры слушать революционных шансонетчиков, певших в рабочих кварталах обо всем - и о том, как подвыпившие крестьяне выбирают в палату депутатов проезжего агитатора, и о воспитании детей, и о безработице, и т.п. Особенно нравился Ильичу Монтегюс. Сын коммунара - Монтегюс был любимцем рабочих окраин. Правда, в его импровизационных песнях - всегда с яркой бытовой окраской - не было определенной какой-нибудь идеологии, но было много искреннего увлечения.

Потом позже, во время войны, Владимир Ильич увлекался книжкой Барбюса "Огонь", придавал ей громадное значение. Эта книжка была созвучна с его тогдашним настроением.

...Мы редко ходили в театр... Обычно пойдём в театр и после первого действия уходим. Над нами смеялись товарищи: зря деньги переводим.

Новое искусство казалось Ильичу чужим, непонятным. Однажды нас позвали в Кремле на концерт, устроенный для красноармейцев.

Ильича провели в первые ряды. Артистка Гзовская декламировала Маяковского: "Наш бог - бег, сердце - наш барабан" - и наступила прямо на Ильича, а он сидел, немного растерянный от неожиданности, недоумевающий, и облегченно вздохнул, когда Гзовскую сменил какой-то артист, читавший "Злоумышленника" Чехова.

Ходили мы несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть "Потоп". Ильичу ужасно понравилось. Захотел идти на другой же день опять в театр. Шло Горького "На дне"... Излишняя театральность постановки раздражала Ильича. После "На дне" он надолго бросил ходить в театр. Ходили мы с ним как-то ещё на "Дядю Ваню" Чехова. Ему понравилось. И наконец, последний раз ходили в театр уже в 1922 г. смотреть "Сверчка на печи" Диккенса. Уже после первого действия Ильич заскучал, стала бить по нервам мещанская сентиментальность Диккенса, а когда начался разговор старого игрушечника с его слепой дочерью, не выдержал Ильич, ушел с середины действия".

"Нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а пафосные, замечает Крупская. - Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: "Никогда, никогда коммунары не станут рабами!"

Все эти примеры говорят о том, что у Ленина был очень узкий "эмоциональный фон". А человек без эмоций - холодная и жестокая личность. По отношению к Ленину - почему он был холоден к супруге и жесток к

людям, покажем это на основе краткого экскурса в историю разума, тем более что это можно сделать потому, что Ленин был гением, т.е. его разум был развит великолепно.

Важнейшую роль в разуме человека играют эмоции и чувства. Часть нашего мышления составляют эмоции и чувства, и эта часть весьма значительна, и её влияние в большой степени сказывается на поведении человека.

В последние годы ученые все больше начинают убеждаться в том, что интеллект (мышление человека) "не то единственное, что определяет бытие" или, другими словами, не только интеллект определяет поведение человека в жизни. А определение интеллекта ученые вывели ещё в начале нашего века (1905 г.) - это были только способности человека к логике и математике. И именно поэтому человек считался умным, интеллектуальным. Был выведен "интеллектуальный коэффициент" - IQ. Почти век с помощью этого коэффициента оценивали способности человека. Однако, в наше время ученые пришли к выводу, что человеческий "мозг, который считает, умножает (математика), размышляет и приходит к разным выводам (логика), - это тот же самый мозг, который смеется, плачет и любит". Отсюда был сделан другой, совершенно иной, вывод, что "человек, лишенный эмоций и чувств, не может быть по настоящему умным - он ущербен", чтобы быть действительно интеллектуальным, он должен ещё обладать развитыми чувствами и эмоциями - быть духовно богатым.

Американскими учеными - психологами из Гарвардского университета был выведен новый коэффициент умственных способностей человека - EQ, коэффициент "эмоциональный". Этими учеными было доказано, что среди факторов, ведущих к успеху человека в жизни, только 20% принадлежит

"интеллектуальному коэффициенту" - IQ. Остальные 80 процентов относятся к факторам "эмоционального мышления" - EQ. (См. Енко К. и Т. Краткая история разума. М., 1999 г., Soft-издание, стр. 7,8,17).

Когда человек лишается чувства любви, или его подавляет (независимо от него самого, в силу различных обстоятельств - болезней, голода, неудач и т.п., а их становится в жизни человека все больше и больше), происходит частичное, но постоянно прогрессирующее "одичание" психики человека - он становится психически неуравновешенным. Что и происходило с Лениным в жизни. Развитием своего разума, за счет подавления "эмоционального" фона личности, он предвосхитил нашу эпоху. Сегодня, по заявлению вице-президента США Альберта Гора, в Америке 2/3 населения - психически неуравновешенные люди. Отсюда проистекает то, что нынешние США - первая страна в мире по уровню преступности. Там больше, чем в других странах, убийств, ограблений, мошенничеств, изнасилований, насилия в семьях над детьми, случаев инцеста и т.д.

Есть такая пословица: "Из кувшина выльется столько воды, сколько в нем есть". Но это не относится к жестокости, жестокость беспредельна. И если человек жесток, то весь его разум поставлен на службу жестокости, а возможности человеческого разума беспредельны, по крайней мере, предел их до сих пор ещё не установлен. И это положение о жестокости тоже относится к Ленину.

В отношении гениальности Ленина сошлемся на мнение известного итальянского ученого Чезаре Ломброзо, которое он изложил в своей книге "Гениальность и помешательство". Он писал: "Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение,

существует полнейшее сходство" (Чезаре Ломброзо. Гениальность и помешательство. М., 1996 г. стр. 25).

После опубликования труда Ч. Ломброзо (вторая половина XIX века) положения, выдвинутые итальянским ученым, подверглись изучению и были сделаны следующие выводы:

- "История жизни выдающихся деятелей науки и искусства, страдавших заболеваниями психики, наглядно подтверждает: не болезненные нарушения порождают талант и творческую активность. Наоборот, они сдерживают их развитие и постепенно уничтожают возможность продуктивно трудиться";

- "История психиатрии не знает ни одного примера, который бы достоверно свидетельствовал о том, что психические заболевания создают талант";

- "Психоз не может создать талант, но при его наличии он может придать ему новое выражение. Имеющиеся наблюдения убедительно свидетельствуют, что в психическом здоровье человека заключена важнейшая предпосылка для реализации таланта... Психозы сдерживают, размывают созидательные силы человека". (из "Предисловия" к книге Ч. Ломброзо "Гениальность и помешательство" доктора медицинских наук, профессора Д. П. Гримака, стр. 11-12).

В связи с болезнью Ленина, а она началась ещё до революции 1917 года, у него происходил процесс убывания эмоций, наблюдался "недостаток эмоционального фона". Чтобы все это пояснить более наглядно, приведем пример с психически больными людьми.

А. Федоров, известный российский психиатр, говорит о недостатке эмоций у будущих маньяков с детства: "Такие дети очень жестоки - мучают животных, запросто вышибают сверстникам зубы или глаза, не испытывая ни малейшего страха или раскаяния,

бросают в родителей чем попало. И при этом, между прочим, они могут хорошо учиться - умственные способности страдают в последнюю очередь."

Мы приводим эти примеры и цитаты, чтобы показать, почему Ленин был холоден к супруге и жесток к людям. (См. Енко К. и Т. Краткая история разума. М., 1999 г., Soft-издание, стр. 10).

Посмотрим, что говорит далее А. Федоров о тех случаях, когда у людей наблюдается дефицит эмоций или их полное отсутствие: "Эти заболевания чисто генетического происхождения, и проявляются они чаще всего в детстве, правда, сначала не слишком заметно. И лишь потом болезнь приводит к деградации личности вплоть до полного слабоумия. Это судьба очень многих маньяков. Тот же пресловутый Чикатило, несомненно, был генетическим больным с половыми извращениями. Болезнь "резала" ему все высшие человеческие эмоции, превратив его в робота, полностью подчиненного своим патологическим влечениям. Такие понятия, как человеческая жалость и сострадание, его уже абсолютно не касались".

Приводя высказывания А. Федорова, мы говорили о психически ненормальных людях. Но в жизни, нормальный человек катастрофически теряет свой "эмоциональный фон". И когда он его потеряет, умственные способности за ним останутся. Но этот человек может быть "очень жесток", такие понятия, как человеческая жалость и сострадание, его уже не будут "абсолютно касаться". В определенной степени это положение относится и к В. И. Ленину.

* * *

В 1918 году Ленин и правительство России переехали в Москву.

Рассказ Крупской о событиях 1918 года:

"Правые эсеры, чувствуя, что почва у них уходит из-под ног, решили убить ряд большевистских вождей, в

том числе Ленина.

30 августа сообщили Ильичу из Питера, что в 10 часов утра убит председатель Ленинградской ЧК т. Урицкий.

Вечером Ильич - по мобилизации МК - должен был выступать в Басманном и Замоскворецком районах.

В этот день Бухарин у нас обедал и во время обеда всячески убеждал Ильича не ехать. Ильич смеялся, отмахивался, а потом, чтобы прекратить все разговоры на этот счет, сказал, что, может быть, он и не поедет. Мария Ильинична в этот день была больна и сидела дома. Ильич вошел к ней в шапке и пальто, готовый ехать. Она стала просить его взять её с собой. "Ни под каким видом, сиди дома", - ответил он и уехал на митинг, не взяв с собой никакой охраны.

Во 2-ом МГУ у нас шло совещание по народному образованию. За два дня перед тем на нем выступал Ильич. Заседание шло к концу, и я собралась ехать домой, взялась подвезти одну знакомую учительницу, живущую в Замоскворечье. Меня ждал кремлевский автомобиль, но шофер был какой-то незнакомый. Он повез нас к Кремлю, я сказала ему, что мы сначала отвезем нашу спутницу; шофер ничего не сказал, но у Кремля остановил машину, открыл дверцу и высадил мою спутницу. Я диву далась, чего это он так распоряжается, хотела разворчаться, но мы подъехали к нашему подъезду, во двор ВЦИК, там встретил меня т. Гиль, шофер, всегда ездивший с нами, стал рассказывать, что он возил Ильича на завод Михельсона и что там женщина стреляла в Ильича, легко его ранила. Видно было, что он подготавливает меня. Вид у него был расстроенный очень. "Вы скажите только, жив Ильич или нет?" - спросила я. Гиль ответил, что жив, я заторопилась. У нас в квартире было много какого-то народу, на вешалке висели какие-то пальто, двери непривычно были раскрыты настежь. Около вешалки

стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все кончено. "Как же теперь будет", - обронила я. "У нас с Ильичом все сговорено", - ответил он. "Сговорено, значит, кончено", - подумала я. Пройти надо было маленькую комнатку, но этот путь мне показался целой вечностью. Я вошла в нашу спальню. Ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки на лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минутой спустя: "Ты приехала, устала. Поди ляг". Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое: "Конец". Я вышла из комнаты, чтобы его не волновать, и стала у двери так, чтобы мне его было видно, а ему меня не было видно. Когда была в комнате, я не заметила, кто там был, теперь увидела: не то вошел, не то раньше там был около постели Ильича стоял Анатолий Васильевич Луначарский и смотрел на Ильича испуганными и жалостливыми глазами. Ильич ему сказал: "Ну, чего уж тут смотреть".

Наша квартира превратилась в какой-то лагерь, хлопотали около больного Вера Михайловна Бонч-Бруевич и Вера Моисеевна Крестинская, обе врачихи. В маленькой комнате около спальни устраивали санитарный пункт, принесли подушки с кислородом, вызвали фельдшеров, появилась вата, банки, какие-то растворы.

Наша временная домашняя работница, латышка, вскоре уехавшая в Латвию, перепугалась, ушла в свою комнату и заперлась на ключ. В кухне кто-то разжигал керосинку, в ванне тов. Кизас полоскала окровавленные повязки и полотенца. Глядя на нее, я невольно вспоминала первые ночи Октябрьской революции в Смольном, когда тов. Кизас, не смыкая глаз, сидела целыми ночами над грудой сыпавшихся отовсюду телеграмм, разбирала их.

Наконец пришли врачи-хирурги: Владимир Николаевич Розанов, Минц и другие. Несомненно, жизнь Ильича была в опасности, он был на волоске от смерти. Когда шофер Гиль вместе с товарищами с завода Михельсона привезли раненого Ильича в Кремль и хотели его внести вверх на руках, Ильич не захотел и сам поднялся на третий этаж. Кровь залила ему легкие. Кроме того, врачи опасались, что у него прострелен пищевод, и запретили ему пить. А его мучила жажда. Через некоторое время после того, как уехали врачи и он остался с вызванной к нему из городской больницы сестрой милосердия, он попросил её уйти и позвать меня. Когда я вошла, Ильич помолчал немного, потом сказал: "Вот что, принеси-ка мне стакан чаю". - "Ты знаешь ведь, доктора запретили тебе пить". Хитрость не удалась. Ильич закрыл глаза: "Ну иди". Мария Ильинична хлопотала с докторами, с лекарствами. Я стояла у двери. Раза три ночью ходила в кабинет Ильича на другом конце коридора, где, примостившись на стульях, всю ночь провели Свердлов и другие. Сталин в это время был на фронте.

Ранение Владимира Ильича взволновало не только все партийные организации, но и широчайшие массы рабочих, крестьян, красноармейцев: как-то особенно ярко осознали, чем был для революции Ленин. С волнением следили все за появившимися в газетах бюллетенями о его здоровье".

РЕВОЛЮЦИОНЕРКА - ЛЮБОВНИЦА ЛЕНИНА

И жена и любовница у Ленина были революционерками по призванию. Жена Надежда Крупская, любовница - Инесса Арманд, очаровательная, любвеобильная женщина.

Отец Инессы был тенором, мать хотела стать певицей и пела в хоре. Официально родители женаты не были, Инесса родилась тайно, в доме у акушерки. Ее мать русская протестантка. Фамилия у матери была

английская Уайлд. Уайлды в конце XVIII века попали в Россию, когда их покровительница Мари-Софи де Вюртенберг вышла замуж за великого князя Павла, который впоследствии стал Павлом I.

Инесса родилась в Париже, куда её мать приехала попробовать свои силы в опере и театре, и пока пела, влюбилась в тенора и на несколько лет задержалась во Франции. В возрасте четырех или пяти лет Инессу решено было отправить домой, в Москву, где бабка и тетка преподавали французский язык в богатейшей семье Арманд. Семье Арманд принадлежало большое здание в центре Москвы на Старой площади, в котором в советское время находился аппарат ЦК КПСС.

В 19 лет Инесса, красивая и живая девушка, вышла замуж за одного из одиннадцати детей промышленника Арманда. Муж Александр занимался текстилем, Инесса пыталась стать учительницей, училась музыке.

Биограф Инессы Арманд Павел Полящук так описывал ее: "Длинные косы уложены в пышную прическу, открыты маленькие уши, чистый лоб, резко очерченный рот и зеленоватые, удивительные глаза: лучистые, внимательно-печальные, пристально глядящие вдаль".

Раз в два года семья Инессы пополнялась детьми: появились Варвара, Инна, Федор и Александр. После появления четвертого ребенка Инесса влюбилась во Владимира - восемнадцатилетнего брата своего мужа - и уехала с ним в Ниццу (Владимир был болен туберкулезом, и врачи посоветовали воздух Лазурного берега. Дети остались в Москве). В 29 лет Инесса родила пятого Арманда - но звали его уже Андрей Владимирович.

От младшего Арманда к ней перешло увлечение разными идеями. После возвращения в Россию на деньги первого мужа, с которым до конца жизни она так и не развелась, Инесса открыла в Пушкино школу и

в конце концов стала сближаться с социалистами-революционерами и стала работать на революцию. После пятого ареста была сослана в Мезень - это от Архангельска десять дней на санях. Два года провела в ссылке. Об одной из своих ссылок Инесса Арманд писала так: "Меня хотели послать ещё на 100 верст к северу, в деревню Койду. Но во-первых, там совсем нет политиков, а во-вторых, там, говорят, вся деревня заражена сифилисом, а мне это не очень улыбается".

"Через два года, - писал французский писатель Жорж Бардавилль, пребывание в Мезени порядком наскучило. Она дождалась, пока окрестные болота замерзнут, и сбежала на тех же санях, на которых и приехала. Путь её лежал из Архангельской губернии в Швейцарию, где поправлял здоровье Владимир. По пути, правда, она заехала в Петербург, на женский конгресс и в любимую Москву, в Третьяковку. Наконец добралась и до Швейцарии. Там у неё на руках Владимир и умер.

Инесса решила перебраться в Бельгию, где поступила на юридический факультет Свободного Бельгийского университета, а через полтора года перевелась на социально-экономический. Революционная деятельность, которую Инесса не бросала ни на день, требовала частых перемещений по всей Европе. Тогда, в Париже, она и познакомилась с Лениным и Крупской. Было это в 1909 году. Ленин с женой и тещей жили на улице Мари-Роз, в доме 4, а Инесса решила поселиться во 2-м, по соседству.

Одно из первых заданий, которое получила Арманд от Ленина, участвовать в копенгагенской конференции социал-демократов. В 1911 году возникла идея основать партийную школу в Лонжюмо - руководство поручили Инессе Арманд".

Ленин и Арманд часто и подолгу разговаривали в кафе на авеню d'Orleans. "Ленин не спускал своих

монгольских глаз с этой маленькой француженки", - вспоминает французский социалист Шарль Раппопорт, иногда присутствовавший на этих встречах. Арманд в одном из своих писем к Ленину так описывала свои чувства в начале их знакомства: "Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умереть бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н. К. (Крупская), я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой. Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал".

Как выглядела в это время Инесса Арманд, видно из агентурного донесения из Парижа в Московское охранное отделение, присланное из ленинской школы в Лонжюмо: "Историю социалистического движения в Бельгии 3 лекции читала эмигрантка Инесса... Инесса... интеллигентка с высшим образованием, полученным за границей; хотя и говорит хорошо по-русски, но, должно думать, по национальности еврейка; свободно владеет европейскими языками; её приметы: около 26-28 лет от роду, среднего роста, худощавая, продолговатое, чистое и белое лицо; темно-русая с рыжеватым оттенком; очень пышная растительность на голове, хотя коса и производит впечатление привязанной; замужняя, имеет сына 7 лет, жила в Лонжюмо в том же доме, где помещалась и школа; обладает весьма интересной наружностью".

После переезда Ленина в Краков Инесса Арманд по его поручению выехала в Россию. И вскоре была там арестована, но, стараниями бывшего мужа спустя полгода была выпущена под залог, что дало ей

возможность до суда скрыться за границу и приехать к Ленину в Поронино.

Это о любви к Инессе писала Надежда Константиновна, когда высказывала мысль, что её муж "никогда не мог бы полюбить женщину, с которой бы он расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе". Ленин ценил в Арманд неистощимую энергию, самостоятельность суждений, твердый характер. Это видно из той характеристики, которую дал Ленин Инессе в письме к ней: "Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту" (середина июля 1914 года). Благодаря её блестящим знанием пяти языков Инесса являлась незаменимой помощницей Ленина на международных конференциях и конгрессах.

В Кракове Крупская, узнав о любви мужа к Инессе, хотела "отстраниться", уйти, но Ленин не желал идти на разрыв с женой. "Оставайся", - просил он Надежду Константиновну.

"Расставание" произошло по инициативе Ленина. Крупская в своих воспоминаниях избегает говорить о "расставании" и пишет: "...предполагалось, что Инесса останется жить в Кракове, выпишет к себе детей из России; я ходила с ней искать квартиру даже, но краковская жизнь была очень замкнутая, напоминала немного ссылку. Не на чем было в Кракове развернуть Инессе свою энергию, которой у неё в этот период было особенно много. Решила она объехать сначала наши заграничные группы, прочесть там ряд рефератов, а потом поселиться в Париже, там налаживать работу нашего комитета заграничных организаций".

После проведения "расставания" между Арманд и Лениным в Кракове, которое было сделано по настоянию Крупской, Арманд была отправлена в Париж. Из Парижа Инесса Арманд тут же пишет письмо Ленину

в Краков, в котором говорится только о любви: "Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты ещё здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью - и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты "провел" расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя...

Ну, дорогой, на сегодня довольно - хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе - я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н. К. (Крупской), брату, Зине (жене Г. Зиновьева). Неужели никто ничего не получил! Крепко тебя целую. Твоя Инесса".

В начале июля 1914 года между Лениным и Арманд шли объяснения в связи с проведенным "расставанием" и уничтожением писем, которые Ленин писал Арманд: "Никогда, никогда я не писал, что я ценю только трех женщин. Никогда!!! Я писал, что самая моя безграничная дружба, абсолютное уважение и доверие посвящены только 2-3 женщинам. Это совсем другая, совсем-совсем другая вещь.

Надеюсь, мы увидимся здесь после съезда и поговорим об этом. Пожалуйста, привези, когда приедешь (т. е. привези с собой) все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. - И так

далее...) Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама и мы поговорим об этом".

Почему имело место "расставание" Ленина с Арманд? Ранее Ленин и Арманд не раз были вместе, и Крупская, казалось, против такого положения вещей не возражала. На этот раз дело осложнялось тем, что француженка оказалась беременной.

Крупская, узнав об этом, решила им - Ленину и Арманд - не мешать и "уйти", но Ленин оказался не готовым расстаться с Надеждой. Он даже просил её, и неоднократно: "Оставайся, оставайся!".

У Инессы Арманд к тому времени уже было пятеро детей: четыре от первого мужа - Александра Арманд, и пятый - от второго мужа, младшего Арманда, Владимира.

Сама Крупская советовала Инессе "поселиться в Париже: там было легче скрытно сделать аборт или родить ребенка. Крупская не возражала и против рождения ребенка, только поставила условие, чтобы ни она, ни Ленин его никогда не видели.

Арманд предпочла родить. Так на свет появилась девочка, которую называли Анной. Ленин считал, что это его ребенок, Инесса не была полностью в этом уверена.

Когда девочка подросла, её отдали на воспитание в дорогой закрытый пансионат.

В это же время все имущество семьи Армандов, находившееся за границей, а оно было значительным, переписали на Анну. Вот почему никто из семьи Армандов не эмигрировал за рубеж из революционной России.

Благодаря этому ребенку Инесса оказалась привязанной к Ленину на всю оставшуюся жизнь.

Ситуацию, в которую попала Арманд из-за общего с Лениным ребенка, несколько объясняет отрывок из её письма, который приводит Лариса Васильева в своей

книге "Кремлевские жены". Инессы в письме своему другу литератору Ивану Ф. Попову признается:

"Уходи, Жан, уходи и не оглядывайся. Ты молод, слабоват характером, поэтичен. Вся эта жизнь не для тебя. Пиши книги и люби, если сможешь. А мне отступать некуда. Я под его гипнозом навсегда. Мне нельзя иначе".

Инесса Арманд имела в виду "уход из революции", но сама этого сделать не могла из-за общего ребенка с Лениным, своей любви к вождю революции. В этом же письме она утверждала: "Если отступление, значит все мои жертвы были напрасны и жизнь прошла зря" (указанная книга, стр. 69-70).

Одному из авторов этой книги удалось встретиться с дочерью Ленина. Это произошло в 1956 году на одной из подмосковных дач.

Встречу организовал один из участников "Красной капеллы", агентурной разведывательной сети, созданной советской разведкой перед второй мировой войной в различных странах Европы, в том числе и в Германии, с центром в Швейцарии.

Меня познакомили с миловидной, невысокой, стройной женщиной. На вид ей ещё не было 40 лет. Волосы у неё были рыжеватого оттенка, чуть скуластое лицо, большие карие глаза спокойно смотрели на собеседника. Держалась она очень корректно, говорила мало, русский знала неважно, но могла изъясняться, по крайней мере понимала собеседника хорошо.

Сопровождающий её человек представил:

- Анна.

Завязался неспешный разговор.

Меня интересовал вопрос: почему мир не знает об Анне, как о дочери Ленина?

Показали фотокопии двух писем: Ленина и Арманд, но переписывать их не разрешили.

В одном письме Ленин просил, настаивал на свидании с дочерью; во втором, ответном письме Арманд говорилось о том, что Ленин никогда не должен видеть свою дочь, потому что это может повредить ей, испортить всю жизнь богатой наследнице Армандов.

Анна инкогнито осмотрела Москву, побывала в "ленинских местах", в музее В. И. Ленина, положила цветы к месту захоронения своей матери в кремлевской стене на Красной площади.

* * *

После начала Первой мировой войны Ленин постоянно держит в поле своего зрения положение, здоровье и устройство Инессы, которая, как и он, оказалась в Швейцарии. В письме, написанном во второй половине сентября 1914 года, Ленин беспокоится: "Надеюсь, что мы скоро встретимся. Как Вы думаете?.. Гуляете ли Вы? Лучше ли Вы теперь питаетесь? Есть ли у Вас книги? газеты?". Владимир Ильич даже интересуется, как Арманд лечит свои зубы: "Отчего ни слова не пишете о том, когда назначил Ваш дантист срок излечения? Или хоть приблизительно?" "Почему не пишете, что Вам говорит дантист? Когда приедете?".

Вернувшись в Швейцарию, Инесса лето проводит в Берне, а осень - в санаторном отеле горной деревушки Зеренберг, где они втроем - Ленин, Крупская и Арманд - жили многие месяцы летом и осенью 1915 года. В тот период Ленин и Арманд часто проводят время вдвоем. Крупская болеет, сидит дома, рано ложится спать

После Февральской революции, находясь в России, Арманд являлась делегатом 7-й (Апрельской) партийной конференции 1917 года, где встречалась с Лениным, и делегатом VI съезда партии в июле 1917 года, на котором Ленин отсутствовал, ибо находился в подполье. Была членом Исполнительной комиссии Московского комитета партии, гласной Московской городской думы.

После октябрьского переворота Инесса работает буквально на износ. Она член Московского окружкома партии, Московского губисполкома, председатель Московского губсовнархоза. С 1918 года - заведующая отделом по работе среди женщин ЦК РКП (б).

В Москве Инесса жила на Манежной площади, напротив Кремля. В том же доме жил Каменев, а на одной лестничной клетке с Арманд - сестра Ленина. Жили скромно. Ленин, руководитель государства, как-то преподнес своей подруге Инессе пару галош.

В Кремле к Инессе относились по-разному. Одни уважали, другие подсмеивались над их отношениями с Лениным. С Крупской между тем сохранялись добрые связи. Инесса дружила с Марией Ильиничной Ульяновой и когда уезжала в ту самую опасную командировку во Францию, именно ей оставила конверт для Ленина - "в случае чего отдать лично в руки".

Об этом периоде взаимоотношений Ленина и Арманд свидетельствует М. В. Фофанова, на петроградской квартире которой Ленин скрывался накануне октябрьского переворота. В эти дни Фофанова передавала письма Ленина по многим адресам, в том числе и Инессе Арманд.

"... В Октябрьской революции Арманд не участвовала, - вспоминала Фофанова. - Письма Ленина к Инессе Федоровне носили личный характер. Я не могла отказать Владимиру Ильичу. О его теплых связях с Инессой Надежда Константиновна знала. На этой почве между Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной были серьезные конфликты ещё до октября. Но особо остро возник конфликт между ними после революции, когда Ильич стал главой Советского правительства. Владимир Ильич назначил Инессу Федоровну председателем совнархоза Московской губернии и поселил её у кремлевских стен, напротив Александровского сада, рядом с квартирой своей

сестры, Анны Ильиничны. Он часто пешком навещал Инессу Федоровну.

Надежда Константиновна заявила Владимиру Ильичу, что если он не прекратит связь с Арманд, то она уйдет от него. К сожалению, семейный конфликт стал достоянием членов ЦК партии и правительства, которые все знали и замечали..."

В 1918 году Арманд по поручению Ленина в составе Советской миссии Красного Креста ездила для работы с личным составом Российского экспедиционного корпуса, интернированного во Франции. Дипломатических отношений у Советской России с Францией не было.

В 1915 году французский генерал Жоффри прибыл в Петербург на переговоры с Николаем II. Жоффри предложил царю обменять 150 тысяч винтовок на отправку 40 тысяч русских на французские фронты. Николай отправил на трех кораблях для начала 25 тысяч человек. Это были рослые блондины с голубыми глазами, могучего телосложения, чтобы продемонстрировать Европе достоинства славянской расы.

Весной 1917 года после Февральской революции в России русские солдаты, воевавшие во Франции, решили создать свой Совет.

На фронт их больше не отправляли - французское командование боялось распространения революционных идей в своих окопах. Часть русских солдат отправили по лагерям, часть осталась в окопах, другие были рассредоточены по африканским батальонам, по дисбатам.

Паспорт Инессе Арманд был выдан датский, и формально она представляла Комитет по делам заключенных Красного Креста. Фактически же, и все это понимали, она выполняла задание Кремля. Французские власти, не долго думая, арестовали всю

делегацию во главе с Арманд и поместили их под домашний арест.

Когда об этом узнал Ленин, он пришел в страшный гнев и пообещал французам расстрелять всю военную миссию Франции в Москве. Арманд была моментально отпущена и в феврале 1919 года на французском корабле вместе с тысячей русских пленных вернулась в Россию. Остальные были отправлены в конце того же года.

Летом 1920 года Арманд, избранная делегатом II конгресса Коммунистического Интернационала, переводила многочисленные речи. Она же организовала и провела Международную конференцию коммунисток. После заседаний Арманд, по воспоминаниям Крупской, "...еле держалась на ногах. Даже её энергии не хватало на ту колоссальную работу, которую ей пришлось провести".

В середине августа 1920 года Ленин направляет Арманд последнее свое письмо:

"Дорогой друг! Грустно очень было узнать, что Вы переутомились и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конечно, тоже помочь: побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите... Арестуют и не выпустят долго... Надо бы поосторожнее. Не лучше ли в Норвегию (там по-английски многие знают) или в Голландию? Или в Германию в качестве француженки, русской (или канадской?) подданной? Лучше бы не во Францию, а то Вас там надолго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию.

Отдыхал я чудесно, загорел, ни строчки не видел, ни одного звонка. Охота раньше была хороша, теперь все разорили. Везде слышал Вашу фамилию: "Вот при них был порядок" и т. д. (Ленин охотился в местах, где

ранее находилось имение семьи Арманд. Вокруг шли аресты и расстрелы собственников и их семей - но Ленин отдал распоряжение, чтобы многочисленную семью "Армандов" не трогали. Никто из этой семьи не пострадал даже в 30-40-е годы).

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? к Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное, устроит. Он там власть. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку.

Ваш Ленин".

Инесса решила отдохнуть на Кавказе с сыном, и Ленин проявляет много заботы об организации их отдыха. 18 августа 1920 г. он обращается к Серго Орджоникидзе, напоминая ему о необходимости организации отдыха Инессы: "...т. Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания".

На Кавказе Инесса начала писать дневник. Вот выдержка из её дневниковой записи от 1 сентября 1920 г., за три недели до смерти: "Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное - почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В. И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть В. И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В. И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые. И люди чувствуют эту мертвенность во мне и они оплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас - иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает..."

Последняя запись Инессы Арманд от 11 сентября 1920 года, за две недели до скоропостижной смерти: "...поражает меня, как мы далеко ушли благодаря революции от прежних романтических представлений о значении любви в человеческой жизни. Для романтиков любовь занимает первое место в жизни человека, она выше всего. И ещё недавно я была гораздо ближе к такому представлению, чем сейчас. Правда, для меня любовь никогда не была единственным. Наряду с любовью было общественное дело. И в моей жизни, и в прошлом было немало случаев, когда ради дела я жертвовала своим счастьем и своей любовью. Но все же раньше казалось, что по своему значению любовь имеет такое же место, как и общественное дело, сейчас это уже не так. Значение любви по сравнению с общественной жизнью становится совсем маленьким, не выдерживая никакого сравнения с общественным делом. Правда, в моей жизни любовь занимает и сейчас большое место, заставляет меня тяжело страдать, занимает значительно мои мысли".

Инесса Арманд заразилась холерой и умерла 24 сентября 1920 года. В условиях гражданской войны не могли найти ни свинцового гроба, ни отдельного вагона. Пришлось вмешиваться лично Ленину, и только 11 октября тело Арманд смогли доставить в Москву.

Инессу хоронили на Красной площади. Среди венков, возложенных на её могилу, был венок из живых белых цветов с надписью на траурной ленте: "Товарищу Инессе от В. И. Ленина".

Бывшей секретарь председателя ВЦИК и секретаря ЦК Я. М. Свердлова Елизавета Драбкина в книге "Зимний перевал" вспоминала:

"Ночь была по-осеннему сырой и темной. Мы сильно продрогли и с нетерпением ждали утра.

Уже почти рассвело, когда, дойдя до почтамта, мы увидели похоронную процессию. Черные худые лошади,

запряженные цугом, с трудом тащили черный катафалк, на котором стоял очень большой и поэтому особенно страшный длинный цинковый ящик, отсвечивающий тусклым блеском.

Стоя у обочины, мы пропустили мимо себя этих еле переставлявших ноги костлявых лошадей, этот катафалк, покрытый облезшей черной краской, и увидели идущего за ним Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. Было что-то невообразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове. Мы поняли, что в этом страшном ящике находится гроб с телом Инессы".

"Не только лицо Ленина, - вспоминала секретарь Коминтерна, итальянская социалиста Анжелика Балабанова, - весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел быть наедине со своим горем. Он казался меньше ростом, лицо его было прикрыто кепкой, глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах. Всякий раз, как движение толпы напирало на нашу группу, он не оказывал никакого сопротивления толчкам, как будто был благодарен за то, что мог вплотную приблизиться к гробу".

Всех пятерых детей Инессы Арманд усыновили Ленин и Крупская.

* * *

В печати появилось несколько легенд и домыслов и о других любовницах Ленина. Кое-какие сведения, говорят о том, что почва для таких предположений имеется. А. Г. Латышев в своей книге "Рассекреченный Ленин" на стр. 288 пишет: "Личная жизнь властителей судеб миллионов людей, будь то Наполеон или Ленин, Сталин или Гитлер, всегда вызвала повышенный интерес. Как пишет Н. Валентинов в книге "Встречи с Лениным", ещё в 30-е годы в издательстве "Bandinieri"

увидела свет книга "Тайные любовные увлечения Ленина", написанная двумя авторами: французом и русским (первый, скорее всего, был только переводчиком)... Книга рассказывала об интимных отношениях Ленина с некоей Елизаветой К. - дамой "аристократического происхождения". В ней приводились письма Ленина к этой К., которые даже на глаз неспециалиста выглядели фальшивкой.

А Д. Волкогонов приводит документ из Архива Президента, согласно которому С. Тихомиров, которому было поручено участвовать в собирании и хранении ленинского наследия, в ходе своей поездки в Париж в середине 30-х годов вел переговоры с бывшим большевиком Г. А. Алексинским... В записке с грифом "сов. секретно" Тихомиров докладывал:

"При первой встрече он показал мне очень осторожно письма, судя по всему, написанные Лениным. Почерк, насколько я мог убедиться (вчитываться в них Алексинский не давал), абсолютно схож с ленинским. Эти письма, как говорит Алексинский, писались Лениным одной писательнице, которая была в близких отношениях с ним, но не была членом партии. Лицо это не хочет передавать эти письма нам, пока жива Надежда Константиновна. Эта женщина вполне обеспечена, так как получала средства от нас из Москвы и они проходили через Менжинского или через Дзержинского, а сейчас получает регулярно соответствующую сумму из вклада в банке".

Как мы видим из этой цитаты, речь идет о двух женщинах: одной дамы "аристократического происхождения", и о "писательнице."

"Писательница" не была любовницей Ленина, а лишь агентом НКВД и попросту получала деньги за свою службу.

Вторая женщина - чистый вымысел авторов книги "Тайные любовные увлечения Ленина". Письма Ленина, которые в ней цитируются, - фальшивка. Текст надуман от начала до конца.

Вот одно из воспоминаний Елизаветы К.:

"Он (Ленин) производил впечатление человека очень неловкого и мало опытного в обращении с женщинами и старательно избегал всех тем, которые большинство мужчин любят затрагивать, когда они находятся наедине с не старой и не очень безобразной женщиной. Но я инстинктивно чувствовала, что я ему нравлюсь. Однажды я обожгла себе руки угольком, выпавшим из самовара, который мой гость раздувал слишком сильно. Я вскрикнула от боли. Он обернулся и, схватив мою руку, поцеловал её и потом покраснел, как провинившийся школьник. Вероятно, ему стало очень неловко, потому что в этот день он сократил свой визит, отказался слушать музыку и ушел со смущенным и недовольным видом". (Цит. по газете "Комсомольская правда", 2.11.99 г.).

Следует сказать, что Ленин никогда не ставил самовар и не умел это делать. Далее. Он никогда не целовал руки женщинам, за исключением одного случая: поцеловал руки своей матери, утешая её после казни царским режимом своего старшего брата Александра.

К домыслам относится и то, что российский писатель Борис Соколов на страницах своей книги "Арманд и Крупская: женщины вождя" (Смоленск: Русич, 1999) в поисках "тайной любовницы" Ленина соединил двух женщин в одну "аристократку" и "писательницу", дал ей имя Елизаветы К. и считает, что "теоретически когда-нибудь можно будет восстановить её имя".

БОЛЕЗНЬ

Болезнь Ленина - склероз сосудов головного мозга - стала прогрессировать, и врачи посоветовали ему взять отдых, пока на время. Ленин поселился в бывшем барском имении Горки под Москвой. Выбор пал на это место потому, что в имении было свое электричество.

Вся болезнь Ленина может быть разделена на три больших периода. Начало первого из них относится к марту 1922 года, второго - к декабрю 22-го года и третьего - к марту 23-го года. Болезнь проявлялась скачками, делая промежутки, во время которых Ленин чувствовал себя относительно хорошо, но потом она обострялась, процесс развивался дальше, болезнь прогрессировала.

Ленин не раз болел в годы после революции. В августе 1918 года был ранен (покушение эсерки Ф. Каплан), в марте 1920 был очень болен, с конца 1921 года (после смерти Инессы Арманд) и до конца марта 1922 года был болен и отошел от дел, но поправился и 27 марта 1922 года сделал на XI съезде партии политический отчет ЦК. 25 мая 1922 года произошел первый удар у Ленина, и до октября 1922 года он практически был не у дел. В декабре 1922 года Ленин снова занимается делами.

Со слов Крупской:

"С июля шло выздоровление, и, в связи с этим, совершенно изменилось настроение. Владимир Ильич много шутил, смеялся, даже напевал иногда "Интернационал", "Червоный штандарт", "В долине Дагестана".

В Большом доме в Горках мы устроили Владимира Ильича так, как он хотел, в той комнате, в которой он жил раньше, до болезни - самой скромной во всем доме, - сняли со стен картины, поставили ширму, поставили кресло, столик. Комната и теперь стоит так, как была. Кресло стояло против окна, а из окна было видно село Горки. Как-то раз (кажется, в декабре 1920 г.) Ильич

был в Горках. В самую большую избу набились все хозяева деревни, негде было яблоку упасть, Ильич делал доклад, а после долго беседовал с собравшимися. Заботился он потом о том, чтобы провели электричество в Горки (что и было сделано), чтобы давали крестьянам семена, рассаду, машины...

Со свиданиями дело налаживалось плохо - раньше всего он случайно встретился с Евгением Алексеевичем Преображенским, очень обрадовался, но на вопрос, доволен ли он, покачал головой. Виделся с Евгением Алексеевичем ещё раз, потом два раза с Иваном Ивановичем Скворцовым, с Пятницким, с Воронским, с Шумкиным, Панковым (крестьянином, ставящим в Горках хозяйство), с богородскими рабочими, с Крестинским. Каждое свидание волновало Владимира Ильича. На вопрос, не хочет ли он повидать кого-нибудь из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой, знал что это будет непомерно тяжело. Но он очень охотно слушал рассказы о них. После каждой поездки в город надо было рассказать, что делала и кого видела. Каждый раз - я ездила в Москву редко, обычно раз в неделю, после обеда - Владимир Ильич давал поручения. В начале октября Владимир Ильич раз собрался со мной ехать в город. Тогда врачи боялись, как бы он не захотел там остаться, и потому мы всячески отговаривали его от поездки, но в один прекрасный день он отправился в гараж, сел в машину и настоял, чтобы ехать в Москву (Поездка в Москву состоялась 18-19 октября 1923 г.). Там он обошел все комнаты, зашел к себе в кабинет, заглянул в Совнарком, потом захотел поехать по городу - ездили мимо сельскохозяйственной выставки. Разобрал свои тетрадки, отобрал три тома Гегеля, взял их с собой... На другой день стал торопить ехать обратно в Горки.

Больше разговора о Москве не было".

ОШИБКА ЛЕНИНА

Во время болезни Крупская под диктовку Ленина написала письмо Троцкому по поводу монополии внешней торговли.

Об этом письме узнал Сталин. Это произошло в начале марта 1923 года. Сталин позвонил Крупской и наговорил ей немало грубых слов. Он сказал, что она нарушила запрещение врачей об изоляции Ленина от политической деятельности и он передает дело о ней в Центральную Контрольную комиссию партии. Крупская прибежала к Ленину в слезах.

Узнав о ссоре Сталина с Крупской, Ленин продиктовал секретарше письмо Сталину:

"Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать её. Хотя она вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через неё же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения".

Из воспоминаний секретаря Крупской В. Дридзо:

"Сейчас, когда в некоторых публикациях все чаще стало упоминаться имя Надежды Константиновны Крупской и отношение к ней Сталина, я хочу рассказать о том, что мне доподлинно известно.

Почему В. И. Ленин только через два месяца после грубого разговора Сталина с Надеждой Константиновной написал ему письмо, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней?

Возможно, только я одна знаю, как это было в действительности, так как Надежда Константиновна часто рассказывала мне об этом. Было это в самом начале марта 1923 года. Надежда Константиновна и Владимир Ильич о чем-то беседовали. Зазвонил

телефон. Надежда Константиновна пошла к телефону (телефон в квартире Ленина всегда стоял в коридоре). Когда она вернулась, Владимир Ильич спросил:

- Кто звонил?

- Это Сталин, мы с ним помирились.

- То есть как?

И пришлось Надежде Константиновне рассказать все, что произошло в декабре 1922 года, когда Сталин ей позвонил, очень грубо с ней разговаривал, грозил Контрольной комиссией. Надежда Константиновна просила Владимира Ильича не придавать этому значения, так как все уладилось и она забыла об этом. Но Владимир Ильич был непреклонен, он был глубоко оскорблен неуважительным отношением Сталина к Надежде Константиновне и продиктовал 5 марта 1923 года письмо Сталину с копией Зиновьеву и Каменеву, в котором потребовал, чтобы Сталин извинился.

Сталину пришлось извиниться, но он этого не забыл и не простил Надежде Константиновне, и это повлияло на его отношение к ней".

23 и 26 декабря 1922 года Ленин продиктовал первое "письмо съезду" (он имел в виду XII съезд партии, который должен был произойти в марте - апреле 1923 г.), в котором речь шла о расширении состава ЦК.

24 и 25 декабря Ленин продиктовал второе "письмо съезду". Это и есть то, что обычно называют "Завещание" Ленина. В нем он давал характеристики видным лидерам партии, ставя вопрос о руководстве партией в случае своей смерти, и в общем склонялся к руководству коллегиальному, но выдвигал все же на первое место Троцкого. Это письмо было адресовано в сущности тому же ближайшему съезду (им должен был быть XII съезд, в апреле 1923 года), но Ленин приказал его запечатать и указать, что оно должно быть вскрыто только после его смерти. Дежурная секретарша,

правда, слов о его смерти на конверте не поместила, но сказала обо всем этом и Крупской, и другим секретаршам. И Крупская, связанная этим приказом, к XII съезду конверта не вскрыла - Ленин был ещё жив.

Между тем Ленин, продолжая думать над этими вопросами, через несколько дней пришел к убеждению, что Сталина необходимо с поста генерального секретаря снять. 4 или 5 января 1923 года он сделал об этом известную приписку к "Завещанию", в которой, говоря о грубости и других недостатках Сталина, советовал партии его с поста генерального секретаря удалить. Эта приписка была присоединена к "письму съезду", запечатана и также Крупской перед XII съездом вскрыта не была. Но содержание "Завещания" секретарши Ленина знали и Крупской рассказали.

В своем посмертном "Завещании" Ленин высказал, что вместо Сталина Генсеком может быть другой человек. 24 декабря 1922 года он писал: "Тов. Сталин, сделавшись Генсеком, сосредоточил в своих руках необычайную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью...".

В новом году через 10 дней, 4 января 1923 г., Ленин решил в "Завещании" дополнить свою характеристику Сталина и продиктовал следующее: "Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...".

Ленин ошибся в своем "Завещании" - поезд уже ушел: расстановка сил в руководстве партии была такова, что большинство членов ЦК считала приемлемой фигурой на пост Генсека Сталина, а не кого-либо другого. Возможно, Ленин из-за своей болезни этого не знал или не считался с этой

расстановкой сил в ЦК, полагаясь на свой авторитет вождя партии, либо увлекся эмоциональной стороной характеристики качеств Сталина в общении с людьми.

Как бы там ни было, но при формировании руководящих органов партии после XIII съезда (май 1924 г.) Сталин занял принципиальную позицию и, ссылаясь на "Завещание", отказался от поста Генсека. Однако большинство членов ЦК, в их числе были Зиновьев и Каменев, убедили Сталина взять свою отставку обратно. Сталин обещал учесть замечания Ленина в свой адрес. В этот период Сталин считался с мнением других членов ЦК, и никто ещё не мог упрекнуть его, выступавшего за "коллективное руководство", в личной диктатуре. К тому же он обвинял Троцкого в желании стать единоличным руководителем. В тех условиях вопрос о грубости Сталина, активно боровшегося против Троцкого и его многочисленных сторонников, как-то не показался членам ЦК вопросом, достойным пристального внимания.

Отношение Сталина к женщине, к супруге Ленина, повлияло на самого Ленина, так что он перенес это влияние на политику, - по вопросам партийного строительства и предложил заменить Сталина на посту генерального секретаря другим партийным деятелем.

Сталин, по свидетельству Троцкого, назвал ленинское "Завещание" запиской больного человека, находящегося под влиянием "баб".

Сталин имел в виду двух "баб" - Н. К. Крупскую и сестру Ленина М. И. Ульянову.

* * *

О болезни Ленина свидетельствует его лечащий врач Владимир Розанов:

"Владимир Ильич в это время жил в маленьком домике наверху; большой дом ещё отделялся. Раньше нас из Химок приехал уже Ф. А. Гетье и

осмотрел Владимира Ильича; сначала, по словам окружающих, можно было подумать, что заболевание просто гастрическое, хотели связать его с рыбой, якобы не совсем свежей, которую Владимир Ильич съел накануне, хотя все другие ели, но ни с кем ничего не случилось. Ночью Владимир Ильич спал плохо, долго сидел в саду, гулял. Ф. А. Гетье передал, что у Владимира Ильича рвота уже кончилась, болит голова, но скверно то, что у него имеются явления пареза правых конечностей и некоторые непорядки со стороны органа речи. Было назначено соответствующее лечение, главным образом покой. Решено было вызвать на консультацию невропатолога, насколько помню, профессора В. В. Крамера. И так в этот день грозный призрак тяжелой болезни впервые выявился, впервые смерть определенно погрозила своим пальцем. Все это, конечно, поняли; близкие почувствовали, а мы, врачи, осознали. Одно дело разобраться в точной диагностике, поставить топическую диагностику, определить природу, причину страдания, другое дело - сразу схватить, что дело грозное и вряд ли одолимое, - это всегда тяжело врачу. Я не невропатолог, но опыт в мозговой хирургии большой; невольно мысль заработала в определенном, хирургическом направлении, все-таки порой наиболее верном при терапии некоторых мозговых страданий. Но какие диагностики я ни прикидывал, хирургии не было места для вмешательства... Болезнь могла длиться недели, дни, годы, но грядущее рисовалось далеко не радостное. Конечно, могло быть что-либо наследственное или перенесенное незаметно, но это было маловероятно.

10 марта 1923 года, вечером, ко мне позвонил В. А. Обух и сказал, что меня просят принять участие в постоянных дежурствах у Владимира Ильича, которому плохо; на другой день мне о том же позвонил тов.

Сталин и сказал, что он и его товарищи, зная, что Владимир Ильич ко мне относится очень хорошо, просят, чтобы я уделял этому дежурству возможно больше времени.

Я увидел Владимира Ильича 11-го числа и нашел его в очень тяжелом состоянии: высокая температура, полный паралич правых конечностей, афазия. Несмотря на затемненное сознание, Владимир Ильич узнал меня, он не только несколько раз пожал мне руку своей здоровой рукой, но, видно довольный моим приходом, стал гладить мою руку. Начался длительный, трудный уход за тяжелым больным.

Свежий воздух, уход, хорошее питание делали свое дело, и Владимир Ильич постепенно поправлялся, полнел. Явилась возможность учиться речи. Гуляли, пользовались каждым днем, когда можно было поехать в сад, в парк. Сознание полное. Владимир Ильич усмехался на шутки. Искали грибы, что Владимир Ильич делал с большим удовольствием, много смеялся над моим неумением искать грибы, подтрунивал надо мной, когда я проходил мимо грибов, которые он сам видел далеко издали".

Со слов художника Юрия Анненкова:

"В декабре 1923 года Лев Борисович Каменев... предложил мне поехать в местечко Горки, куда ввиду болезни укрылся Ленин со своей женой. Я вижу, как сейчас, уютнейший барский, а не рабоче-крестьянский, желтоватый особнячок. Каменев хотел, чтобы я сделал последний набросок с Ленина. Нас встретила Крупская. Она сказала, что о портрете и думать нельзя. Действительно, полулежавший в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с беспомощной искривленной младенческой улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, но не для портрета Ленина".

О последнем дне жизни Ленина 21 января 1924 года рассказывает врач В. П. Осипов: "...состояние вялости продолжалось, больной оставался в постели около четырех часов, мы с профессором Ферстером (немецкий профессор из Бреславля, который был приглашен ещё в марте 1922 года) пошли к Владимиру Ильичу посмотреть, в каком он состоянии. Мы навещали его утром, днем и вечером, по мере надобности. Выяснилось, что у больного появился аппетит, он захотел поест; разрешено было дать ему бульон. В шесть часов недомогание усилилось, утратилось сознание, и появились судорожные движения в руках и ногах, особенно в правой стороне. Правые конечности были напряжены до того, что нельзя было согнуть ногу в коленке, судороги были также и в левой стороне тела. Этот припадок сопровождался резким учащением дыхания и сердечной деятельности. Число дыханий поднялось до 36, а число сердечных сокращений достигло 120 - 130 в минуту, и появился один очень угрожающий симптом, который заключается в нарушении правильности дыхательного ритма (тип чейн-стокса), это мозговой тип дыхания, очень опасный, почти всегда указывающий на приближение рокового конца. Конечно, морфий, камфара и все, что могло понадобиться, было приготовлено. Через некоторое время дыхание выровнялось, число дыханий понизилось до 26, а пульс до 90 и был хорошего наполнения. В это время мы измерили температуру - термометр показал 42,3 градуса, непрерывное судорожное состояние привело к такому резкому повышению температуры; ртуть поднялась настолько, что дальше в термометре не было места.

Судорожное состояние начало ослабевать, и мы уже начали питать некоторую надежду, что припадок закончится благополучно, но ровно в 6 час. 50 мин. вдруг наступил резкий прилив крови к лицу, лицо

покраснело до багрового цвета, затем последовал глубокий вздох и мментальная смерть. Было применено искусственное дыхание, которое продолжалось 25 минут, но оно ни к каким положительным результатам не привело. Смерть наступила от паралича дыхания и сердца, центры которых находятся в продолговатом мозгу".

Произведенное вскрытие обнаружило сильнейший атеросклероз сосудов мозга. В пожилом возрасте это бывает в легкой степени, сильный склероз развивается в старческие годы, а Ленину было лишь пятьдесят три года, поэтому склероз у него был преждевременным. Почему у человека пятидесяти трех лет, который вел умеренный образ жизни, не пил и не курил, стал возможным такой процесс? На этот вопрос ответил В. П. Осипов: "Ответ на этот вопрос мы находим в наследственности Владимира Ильича. Его отец умер как раз пятидесяти трех лет и тоже от склероза мозговых сосудов. Мать умерла значительно позже, под семьдесят лет, но умерла тоже от склероза, однако в этом возрасте склероз не удивителен. Наследственное предрасположение отразилось на сыне, у которого развился преждевременный склероз. В связи с этой предрасполагающей причиной целый ряд моментов, которые были в жизни покойного, обострили его болезненное расположение и способствовали развитию склероза; сюда относится усиленная и напряженная мозговая деятельность. А если вы вспомните различного рода потрясения и жизнь Владимира Ильича в сибирской ссылке, тяжелую революцию, во главе которой он стоял и которую вынес на своих плечах, то вы легко представите себе, сколько потрясающих моментов было у этого человека; сколько было чрезмерной, напряженной работы, которая способствовала усилению наследственного склероза".

В акте вскрытия указывалось: "Основой болезни умершего является распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания. Вследствие сужения просвета артерий мозга и нарушения его питания от недостаточности подтока крови наступали очаговые размягчения ткани мозга, объясняющие все предшествовавшие симптомы болезни (параличи, расстройства речи). Непосредственной причиной смерти явилось 1) усиление нарушения кровообращения в головном мозгу и 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку в области четверохолмия".

В газете "Известия" от 25 января 1924 года нарком здравоохранения Н. А. Семашко подробно изложил протокол патологоанатомического исследования: склероз поразил прежде всего мозг, то есть тот орган, который выполнял самую напряженную работу за всю жизнь Владимира Ильича, болезнь поражает обыкновенно наиболее уязвимое место, а таким уязвимым местом у Ленина был головной мозг: он постоянно был в напряженной работе, систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударяли прежде всего по мозгу.

Кроме вскрытия произведены микроскопические исследования. Заключение подтвердило данные вскрытия, и было установлено, что "единственной основой всех изменений является атеросклероз артериальной системы, с преимущественным поражением артерий мозга. Никаких указаний на специфический характер процесса (сифилис и др.) ни в сосудистой системе, ни в других органах не обнаружено".

Из воспоминаний М. И. Ульяновой: "Как бы то ни было, все врачи признавали, что заболевание Владимира Ильича очень серьезно, хотя один Россолимо, например, в разговоре с Анной Ильиничной на другой день консилиума заявил, что "положение

крайне серьезно и надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если бы в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов".

СМЕРТЬ, НО НЕ ЗАБВЕНИЕ

Как жила Надежда Константиновна после смерти Ленина? Л. Троцкий приводит слова Крупской, сказанные ею в 1926 году: "Будь Ильич жив, он, наверное, уже сидел бы в тюрьме". Несогласие со сталинскими методами коллективизации Крупская выразила и в своей речи на Бауманской районной партийной конференции летом 1930 года. Она заявила, что коллективизация, проводимая Сталиным, не имеет ничего общего с ленинским кооперативным планом. Руководители ЦК не советовались ни с партией, ни с народом.

При жизни уважение к ней внешне соблюдалось. До последних своих дней она жила в той же квартире в Кремле, в которой они жили с Владимиром Ильичом и Марией Ильиничной. Возили её те же шоферы - Гиль, Горохов, Космачев. На XIII и XIV съездах партии избиралась в ЦКК, а с XV съезда была членом ЦК. Избиралась во ВЦИК, ЦИК СССР, была депутатом Верховного Совета первого созыва и членом Президиума.

Однажды Крупская попросилась в отставку. Политбюро отставку не приняло, обязало выполнять прежние обязанности заместителя наркома. В последние годы Крупская не часто появлялась в своем кабинете в наркомате. Писала статьи на педагогические темы, куда без неё вставляли абзацы и страницы, восхваляющие Сталина, и она молча соглашалась с этим. Позволяла делать значительные купюры в своих воспоминаниях о Ленине, беспрекословно шла на другие компромиссы. Ее заступничество за репрессированных большевиков не

давало никаких результатов, даже в тех случаях, когда она сама бывала у Сталина. В последний год своей жизни она с такими просьбами ни к Сталину, ни в органы НКВД не обращалась.

Троцкий в своем двухтомнике "Сталин" вспоминает о последних днях Ленина в Горках: "Ленин был день и ночь окружен заботами жены и сестры. Две женщины бодрствовали над больным, как раньше над здоровым: жена Ленина Н. К. Крупская, верная подруга и неутомимая участница всей его работы с молодости до старости, и Мария Ульянова, младшая сестра. Никогда не знавшая собственной семьи, Ульянова все ресурсы своей души перенесла на брата. В её характере были некоторые черты, общие с братом: верность, настойчивость, непримиримость; однако при умственной ограниченности эти черты получали нередко карикатурный характер. Ульянова ревновала Ленина к Крупской и доставляла последней немало горьких часов. Пока Ленин был жив, он в качестве высшего авторитета для обеих выравнивал, как мог, их отношения".

В день 70-летия Н. К. Крупской, 26 февраля 1939 года, все центральные газеты на видных местах поместили приветствие Надежде Константиновне Крупской следующего содержания:

"Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР в день Вашего семидесятилетия шлют Вам, старому большевику и другу Ленина, свой горячий привет.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР желают Вам здоровья и многих лет дальнейшей плодотворной работы для великого дела коммунизма, на пользу нашей партии и трудящихся Советского Союза".

В Кремль на имя юбиляра шел поток поздравительных телеграмм и писем, а она в это время

находилась в Кремлевской больнице. В ночь на 27 февраля состояние Надежды Константиновны резко ухудшилось, она почти не приходила в сознание. В 6 часов 15 минут утра 27 февраля Крупская скончалась.

28 февраля газеты вышли в свет в траурных рамках. ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров опубликовали извещение о кончине Надежды Константиновны: "Смерть тов. Крупской, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, является большой потерей для партии и трудящихся Союза ССР".

Был объявлен диагноз болезни - тромб кишечника, в результате которого началось воспаление брюшины. В Кремлевской больнице была сделана операция, но она не помогла, больная скончалась от отравления.

Есть версия, что Н. Крупская отравилась, испробовав торт, который ей прислал на день рождения Сталин. Версия эта не подтверждена. Вместе с Крупской торт ели ещё несколько человек и у них никаких признаков отравления не было.

2. СТАЛИН И. В.

И. В. СТАЛИН ГЛАЗАМИ ЛЮБОВНИЦЫ

Внешне И. В. Сталин ничем не выделялся среди многих других людей. Среднего роста, не суетлив, лицо изрыто оспой, ходил не спеша, вразвалку, не расставался с курительной трубкой. Левая рука у него была повреждена ещё в детстве и почти всегда чуть согнута, это видно даже на фотографиях.

В пожилом возрасте страдал ревматизмом, и хотя вел кабинетный образ жизни, не сидел за столом, а ходил по кабинету. По двум причинам: при ходьбе меньше болели ноги от ревматизма и лучше думалось. Все сложные вопросы он анализировал, прохаживаясь по дорожкам садового участка или по коврам своего кабинета в Кремле.

Одна из постоянных любовниц Сталина ведущая оперная актриса Большого театра, народная артистка

РСФСР, народная артистка Грузинской ССР, трижды лауреат Сталинской премии В. А. Давыдова рассказывает о своем высокопоставленном любовнике: "Сталин - кривоногий, низкорослый, костлявый, неуравновешенный, грубый, завистливо-капризный - лежит рядом со мной на одной кровати, и я обязана его целовать, обнимать, ласкать...

Рассмотрела его как следует: роста маленького, тело на редкость некрасивое, костлявое, ключицы выпирают, позвонки выделяются, туловище узкое и короткое, а руки и ноги чрезмерно длинные. Правая рука длиннее левой...

В его характере: злобность, помноженная на злопамятство, мстительность и неверие...

Со Сталиным я была в интимной связи 19 лет. Он меня любил по-своему и всегда с нетерпением ждал моего появления... Могу сказать, что все годы вынуждена была претворяться, играть в страсть".

И. В. Сталин, по свидетельству его бывшего секретаря Бориса Бажанова, "всегда спокоен, хорошо владеет собой. Скрытен и хитер чрезвычайно. Мстителен необыкновенно. Никогда ничего не прощает и не забывает - отомстит через 20 лет... Он не глуп и не лишен природного здравого смысла, с которым он очень хорошо управляется".

У Сталина было ещё два качества. Он не любил критику, терпеть не мог критики в свой адрес. Он также никогда не считал себя виноватым, виноватыми были другие, и за это он наказывал их очень сурово, вплоть до расстрела.

И. В. Сталин обладал большой волей, твердостью и решительностью, но в то же время был осторожен и осмотрителен в делах, умел прислушиваться к чужим советам.

Был ли И. В. Сталин храбрым? Да, он был храбрым и смелым, но при этом и осторожным. О его храбрости

свидетельствует тот факт, что И. В. Сталин не покинул Москву в октябрьские дни 1941 г., когда враг стоял у ворот столицы, а её население охватила сильнейшая паника.

Очень был внимателен к собеседникам и быстро улавливал суть решения какого-либо вопроса.

И. В. Сталин мало болел, редко пользовался врачами, в конце жизни лечился сам с помощью "домашней" аптечки и как большинство людей верил, что болезнь "сама пройдет", а смерть "еще пока не наступит".

И. В. Сталин - грузин по национальности, но сильно обрусел. Из воспоминаний его дочери Светланы: "Отец полюбил Россию очень сильно и глубоко на всю жизнь. Я не знаю ни одного грузина, который настолько бы забыл свои национальные черты и настолько сильно полюбил бы все русское. Еще в Сибири отец полюбил Россию по-настоящему: и людей, и язык, и природу".

И. В. Сталин в первую половину своей жизни любил рыбную ловлю, пешие прогулки, занимался приготовлением шашлыка на природе, играл в бильярд.

Став пожилым, И. В. Сталин часто по вечерам и ночью проводил время за столом с едой и питьем в компании с членами Политбюро, ел и пил мало, но если пил, то только грузинские вина. Он не терпел роскоши, одевался скромно, в первые двадцать лет после революции носил простые костюмы полувоенного типа, сапоги, военную шинель, долго донашивал старую одежду.

Полуботинки носил, что называется, "до дыр". Вот история одних сталинских полуботинок, рассказанная охраной: "Выходные туфли у Сталина имелись только одни. Еще довоенные (время - 1949 год). Кожа уже вся потрескалась. Подошвы истерлись. В общем, дышали на ладан. Всем было страшно неловко, что Сталин ходил в них на работе и приемах, в театре и других людных

местах. Вся охрана решила сшить новые туфли. Ночью Матрена Бутузова (обслуга на ближней даче в Кунцево) поставила их к дивану, а старые унесла. Утром Сталин позвал Орлова (охранник) и спокойным, мягким голосом спросил:

- Где мои ботинки?

- Товарищ Сталин, ведь вы - Генеральный секретарь нашей партии, Генералиссимус, глава правительства! Вы же постоянно находитесь в общественных местах! Каждый день принимаете иностранных послов и гостей.

- Лучше верните мне ботинки, - прервал его Сталин и продолжал носить их до последних дней".

После смерти жены Н. Аллилуевой в 1932 году Сталин, по свидетельству своей охраны, не жил "монахом". Это надо понимать так, что Сталин больше официально не женился и ни в одну женщину по-настоящему не влюблялся, но все же находил время общаться с женщинами. У него были короткие, изредка длительные и не слишком частые связи с отдельными женщинами, но никто из них не мог повлиять уже ни на его поведение, ни на образ жизни. Внебрачными детьми, носивших фамилии матерей, Сталин не интересовался.

И. В. Сталин сам не пользовался деньгами и ни за что не платил. Он и другие руководители страны пользовались всем без денег - дачами, квартирами, автомобилями, проездами по железной дороге, самолетами, отдыхали на курортах.

Большую часть жизни И. В. Сталин в быту, где бы он ни находился, обслуживался работниками органов госбезопасности, все они имели чины от сержанта до генерала и получали зарплату по месту службы.

И. В. Сталин имел квартиру в Кремле, но в основном жил на дачах, главным образом на ближней даче под Москвой в Кунцево.

Всего у И. В. Сталина под Москвой было четыре дачи: в Кунцево, в Семеновском, в Липках и в Зубалово. Последние три И. В. Сталин после смерти жены посещал редко.

Вот рассказ о сталинских дачах его охранника А. Т. Рыбина: "Скоро вместе с Жагорниковым и Горундаевым я поехал на строительство сталинской дачи в районе Кунцево. Это место едва ли можно назвать райским. С севера за сосновым лесом пролегало Можайское шоссе, откуда слышался постоянный гул транспорта, неслись частые сигналы и выхлопные газы. Западнее, в деревне Давыдково, вечерами под гармошку вовсю горланили пьяные мужики, которых бранили голосистые жены. Киевская товарная станция, где не умолкал грохот буферов при сцепке вагонов, а маневровый паровоз почему-то непрестанно издавал пронзительные гудки. От всего этого содома не спасали ни сосны, ни дощатый забор.

Одноэтажная дача из семи комнат строилась в 1931 г. круглые сутки. Спальня Сталина была где-то двадцати метров. Стены зала обили мореной фанерой под дуб, а комнат - в основном под соломку. Швы прикрыли такими же рейками. Откуда-то привезли деревянную полуторную кровать, на которой мы спали поочередно. Потом её занял Сталин. Никаких бассейнов или массажных на даче не имелось. Никакой роскоши - тоже. Солидно выглядел только красивый паркетный пол в зале.

Застеклили две просторные террасы. На крыше сделали солярий с будкой от дождя. В отдалении поставили кухню и небольшую баню с хорошей каменкой. В соседней с баней комнате поместили бильярдный стол.

Забор был обыкновенный - из досок. Без всякой колючей проволоки сверху. Правда, высотой в пять

метров. А в 1938 году появился второй внутренний. Трехметровой высоты, с прорезями смотровых глазков.

Смотреть готовую дачу приехали И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С. К. Орджоникидзе. Пожилой архитектор Мержанов по старому обычаю снял картуз и держал его левой рукой на уровне груди, а правой здоровался с гостями. Под конец все поднялись на просторный солярий. Сопровождавший их Г. Ягода все время держался поодаль и потому остался внизу, около своей машины. Дачу приняли комендант Ефимов с помощником Мозжухиным. А мы с Горундаевым стали выполнять обязанности личной охраны И. В. Сталина. Он появлялся все чаще. Затем начал жить постоянно. В Кремль ездил на черном "Паккарде". Иногда после работы отдыхал на солярии. Во время дождя укрывался в небольшой деревянной будке.

С конца июля до 3 ноября Сталин обычно находился в Сочи. Его дача располагалась вблизи Большой Мацесты на горе. В тридцать втором году я уже поехал туда. Мы, сотрудники охраны, жили в общежитии поблизости от дачи. Сталин регулярно принимал сероводородные ванны в Малой Мацесте - лечил полиартрит. Боли в ногах не давали ему долго сидеть. Если стоял, то обязательно переминался. При ходьбе становилось легче. Поэтому во время работы или совещания он всегда прохаживался по кабинету.

Навещали его тут Ворошилов, Киров и Калинин. Сталин очень любил принимать гостей, но сам почти не пил. Водку - совсем, коньяк - тоже редко. Признавал только вина "Цинандали" и "Телиани".

Каждую ночь он работал до двух-трех часов. Лишь тогда в кабинете гасло электричество. Днем, часа в четыре, обязательно приходил на городошную площадку, огороженную сеткой. С ним в паре всегда играл рабочий кухни Харьковский. В другой паре чередовались Ворошилов или Киров с Власиком,

возглавлявшим охрану Сталина. По вечерам хозяин и гости сражались на бильярде. Проигравшие проползали на четвереньках под столом, по которому дубасили киями хохочущие победители. Подыгрывать руководству в бильярд или городки строго запрещалось. Поэтому и Сталину приходилось оказываться под столом.

До 1942 года Сталин пережидал воздушные тревоги в кремлевском бомбоубежище. Наконец, небольшое появилось на даче. В основном - для спокойствия Власика, очень переживавшего, что Верховный Главнокомандующий незащищен перед любой шальной бомбой. В 1943 году на даче надстроили второй этаж. Заодно Сталин ликвидировал свой прежний кабинет, соединив его с большим залом, где проводились все заседания Политбюро и принимались различные руководители. В зале поставили три больших дивана, на которых спал Сталин, при случае падая от усталости на ближайший. От страшного нервного напряжения во время войны его года два изводила бессонница. Ликвидация кабинета объяснялась не только тем, что много места требовали разложенные всюду карты всех фронтов. Просто во время войны у Сталина появилось кислородное голодание. Потом для лучшей циркуляции воздуха в густом лесу на территории дачи даже прорубили сквозные просеки.

Все равно Сталин предпочитал работать в беседке или на террасе. Зимой - в тулупе и валенках. Их было целых три пары. Новые валенки подшивали толстой кошмой. Приезжая из Кремля Сталин надевал чесанки, мягкие, удобные для больных ног, мерзнувших в обычной обуви при длительной работе за столом.

Никаких железных дверей, кроме военного бомбоубежища, на даче не имелось. Все внутренние двери были сделаны из простого дерева и с половины застеклены. Дверь в зале-кабинете Сталина была

абсолютно такой же и для лучшего движения воздуха никогда не закрывалась. Конечно, при необходимости захлопывалась на обычный английский замок "линг". Ключи от него всегда находились у коменданта или дежурного офицера. Никакой сверхсложной внутренней системы запоров, которые, де, мог открывать лишь сам Сталин при помощи специального электрического устройства, в помещении не существовало.

На письменном столе все документы и канцелярские принадлежности лежали в образцовом порядке. Сталин к нему привык, точно зная, где что находится, и ничего не разрешал переключивать.

Во время уборки Матрена Бутузова все аккуратно возвращала на место. Что касается надстроенного второго этажа, то он оставался пустым. Сталин туда поднимался всего два раза, так и не решив, чем занять помещение. Около прежней спальни Сталина имелся санузел с умывальником и ванной. Когда он бывал там, никто не видел.

...Некоторые специалисты утверждают, будто Сталин был человеком с неустойчивой психикой. Орлов и Лозгачев - другие охранники - работали с ним значительно больше, чем я. Они дружно признают: да, порой Сталин бывал вспыльчив, но быстро отходил. Признавал только правду, пусть даже самую горькую. На работе и дома имел одинаково ровный характер. До последних дней обладал отменной памятью, остроумием и находчивостью.

...Вторая дача, "Семеновское", находилась в ста десяти километрах от Москвы, в бывшем владении фаворита Екатерины II Григория Орлова и его братьев. Там в тридцатые годы ОГПУ выстроило такой же одноэтажный дом с шестью комнатами и двумя застекленными террасами. Вокруг зеленел сосновый лес. Имелись три пруда. Самым же примечательным

был родник - пятиключник. Каждая струя этого чуда природы была разной высоты и красы.

Сталин приезжал в Семеновское редко. Может, полюбоваться на пятиключник да с компанией отдохнуть на острове посреди самого большого пруда. Однажды он посоветовал направить ключевую воду в зацветающие пруды. Местная рыба от неё почему-то стала чахнуть. Сожалея об этом, Сталин предложил исправить ошибку. Воду пустили в речку Лопасню, текущую к деревне Семеновская.

Во время войны эта дача уцелела просто чудом. На ближайших железнодорожных станциях Барыбино и Михнево разгружались из эшелонов дальневосточные и сибирские войска. Поэтому налеты вражеской авиации усилились до предела. Некоторые бомбы по ветру заносило сюда. Постоянно велся минометный обстрел территории. Приближение фашистских войск вынудило заминировать дачу. Коменданту Соловову даже пришлось выяснять у начальства, взрывать ли ее? Генерал ответил:

- Взорвешь дачу раньше времени - расстреляем. Сдашь её немцам - найдем и повесим. Так что решай сам по обстановке.

Соловов рванул к Сталину. Войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Захарова получили приказ оставаться на занимаемых позициях. Так они спасли дачу. За что Соловов поднес командиру ополченцев, очень страдавшему язвой желудка, полный стакан спирта. В старом доме братьев Орловых разместился полевой госпиталь. При свете керосиновых ламп врачи оперировали раненых бойцов. Минометный обстрел территории не прекращался.

Сталин тоже продолжал сюда приезжать...

В 1946 году Сталин поехал отдохнуть на юг. Тогда на Рице сталинской дачи ещё не имелось. Всем пришлось ночевать в бильярдной, оставшейся ещё с царских

времен. Постелили на полу матрасы, накрыли их простынями. Добыли подушки с одеялами. Сталин лег вместе с нами, голова - под бильярдом, а ноги - снаружи. Бдительная охрана от усталости тут же крепко заснула. Утром Сталин пожаловался:

- Друзья, у вас кто-то сильно храпел, спать не давал. Организуйте мне что-нибудь отдельно.

Нашли в чаще небольшой сарайчик, привели его в порядок, поставив железные койки с постелью. Но долго там спать Сталину не пришлось. Решив все вопросы по строительству, он вернулся в Сочи. Здесь во время отдыха Сталин любил порыбачить на Черной речке. Текла она с перекатами, порой совсем по мели. Воду имела чистую, холодную и отличную на вкус. Там, где было широко и глубоко, водились осетры. Общее руководство Сталин сразу брал на себя. Следуя по берегу, обнаруживал в ямах рыбу и показывал, куда бросать толовую шашку. После броска мы быстро уводили Сталина от реки. Мгновенно всплескивал фонтан воды, раздавался взрыв. В штатском Сталин иногда забавно бегал по берегу рысцой, как все мы грешные, азартно вдохновляя нас на рыбацкие подвиги.

После взрыва, смотрим, всплывали два-три осетра. Елизаров на резиновой лодке подплавал и укладывал добычу в корзину. А Кашеваров на перекате перекрывал горловину реки сеткой и вылавливал мелюзгу. Больше трех-четырех осетров Сталин брать не разрешал - на сегодня нам хватит. Повар Суздаловский готовил на берегу походный стол, разводил костер и подвешивал на тагане котел. Когда все поспевало, Сталин каждого из нас оделял стопкой вина. Мы, конечно, дружно голосили:

- За ваше здоровье, товарищ Сталин!

- Пейте не за мое, а за здоровье Елизарова, который наловил рыбы, поправлял нас вождь...

Сталин был очень артельным человеком, веселым и щедрым. Мало кто из членов Политбюро так просто общался со своей охраной. Нередко где-нибудь на горе в лесочке мы жарили шашлык. Верней, непосредственно у шашлычного горила Сталин стоял сам, никому не доверяя эту важную операцию, и давал нам необходимые указания. Один подносил дрова. Второй железные прутья готовил. Третий мясо на них насаживал. Четвертый стол накрывал...

Противник неравных браков, он часто высмеивал маршала Кулика, который женился на восемнадцатилетней подруге своей дочери. Завидев его, Сталин подмигивал:

- Смотрите, жених ковыляет... Как бы не шлепнулся на ровном месте.

Раз мы шли в Сочи мимо пляжа. Увидев жирных, развалившихся женщин с раскинутыми ногами, он весь передернулся:

- Какое безобразие! Пойдемте отсюда!.."

И. В. Сталин никогда в жизни физической работой не занимался и всегда избегал её. Он участвовал в различных заседаниях, совещаниях, в собраниях различного рода, но и помимо заседаний много работал. Некоторые руководители считали, что после заседаний и принятия решений "они хорошо поработали". После такой работы руководители обедали и уезжали отдыхать кто в театр, на концерты, на футбол, а кто и "к девочкам".

Об одном из таких советских руководителей периода Сталина пишет жена брата первой жены Сталина Мария Анисимовна Сванидзе в своем дневнике 28.VI.1935 года - о расстрелянном Енукидзе Авеле Софроновиче, занимавшем пост в 1923-1935 гг. члена и секретаря Президиума ЦИК СССР. В тот день (28.VI.1935 г.) И. В. Сталин спросил М. А. Сванидзе, довольна ли

она, что Авель понес наказание. (Авель был другом семьи Сталина).

"Я сказала то, что думала. Сказала, что я не верила в то, что наше государство правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд (кроме ЦК, конечно, где всегда все правильно оценивалось), а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали, нравов и быта. Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на наш быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив, он смрадил все вокруг себя, ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех, в особенности в первые годы после революции, он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек... Он с каждым годом переходил на все более и более юных и, наконец, докатился до девочек 9-11 лет, развращая их воображение, растлеывая их если не физически, то морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам, более неустойчивым морально. В учреждение набирался штат только по половым признакам, нравившимся Авелю. Чтобы оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всем - шел широко на встречу мужу, бросавшему семью, детей или просто сводил мужа с ненужной ему балериной, машинисткой и пр. Чтобы не быть слишком на виду у партии, окружал себя беспартийными (аппарат, секретарши, друзья и знакомые из театрального мира). Под видом "доброего" дяди благодетельствовал только тех, которые ему импонировали чувственно прямо или косвенно...".

* * *

Сталин (Джугашвили) родился 9 (21) декабря 1879 года в небольшом грузинском городе Гори в большой семье. Отец Виссарион Иванович Джугашвили, родом из крестьян, был в Гори сапожником. Он вскоре покинул семью и переехал в Тифлис, где некоторое время работал на обувной фабрике. Затем вернулся в Гори уже больным и умер, когда его сын был подростком. Позднее Сталин никогда не вспоминал об отце.

Мать И. В. Сталина, Екатерина Георгиевна Геладзе, родилась тоже в крестьянской семье. На жизнь она зарабатывала шитьем и стиркой белья. Времени для воспитания детей у неё не было, и маленький Сосо (так называли Сталина в детстве) большую часть времени проводил на улице. Он был не единственным ребенком в семье Джугашвили, но другие дети рано умерли. В раннем детстве Сталин переболел оспой, оставившей след на его лице. Среди различных кличек, под которыми он позднее фигурировал в документах, была и кличка "Рябой".

В детстве Сталин не отличался большими способностями, но был упорен и много читал. Небольшого роста и физически слабый, Сосо не мог рассчитывать на успех в мальчишеских потасовках. Он стал скрытным и мстительным. Стремление к успеху рано овладело умом и чувствами Сталина. Но он был беден, считался инородцем и понимал, что бедный грузинский юноша из провинциального городка немногое сможет добиться в царской России.

Большое впечатление на молодого Сталина произвели книги и судьба грузинского писателя А. Казбеги - одного из богатейших помещиков Грузии, который освободил своих крестьян от податей, отказался от богатства и почти десять лет жил в горах как простой пастух. Лишь с 1880 по 1886 г. он занимался писательским трудом. Депрессия и тяжелая душевная болезнь скоро свели его в могилу. Особенно

нравился Сталину роман Казбеги "Отцеубийца" о борьбе крестьян-горцев за свою независимость и свободу. Один из героев романа - неустрашимый Коба стал героем для молодого Сосо. Он даже начал называть себя Кобой, и это имя стало первой партийной кличкой Джугашвили.

Когда Сосо исполнилось восемь лет, мать определила его в Городское духовное училище. Четырехлетний курс в училище Сталин прошел за шесть лет. Ему было трудно, так как обучение велось в основном на русском языке. Сталин научился хорошо писать по-русски, однако свободно говорить так и не мог до конца жизни. Он говорил по-русски лишь тихим голосом, медленно и с сильным грузинским акцентом.

Сталин с отличием окончил духовное училище и в 1894 г. поступил в Тифлисскую духовную семинарию.

Семинария, несомненно, повлияла на Сталина и в другом отношении: она развила и ранее присущие ему изворотливость, хитрость и грубость.

В начале 1917 г. один из ссыльных в Красноярске на встрече у большевика Л. Б. Каменева так описывает И. В. Сталина: "Он почти непрерывно курил трубку, у него было лицо, поврежденное оспой, низкий лоб, над которым возвышались густые и растрепанные волосы, рот, закрытый грязными усами. Его маленькие темно-коричневые, почти черные глаза глядели с хмурым выражением под густыми бровями".

Весьма интересны отношения между В. И. Лениным и И. В. Сталиным. О них писал Л. Троцкий:

"После завоевания власти Сталин стал чувствовать себя и действовать более уверенно, не переставая, однако, оставаться фигурой второго плана. Я заметил вскоре, что Ленин "выдвигает" Сталина. Не очень задерживаясь вниманием на этом факте, я ни на минуту не сомневался, что Лениным руководят не личные пристрастия, а деловые соображения. Постепенно они выяснились мне. Ленин ценил в Сталине характер:

твёрдость, выдержку, настойчивость, отчасти и хитрость как необходимое качество в борьбе... Помню, во время гражданской войны я расспрашивал члена ЦК Серебрякова, который тогда работал вместе со Сталиным в Реввоенсовете Южного фронта: "Нужно ли там участие их обоих? Не смог ли Серебряков в целях экономии сил справиться и без Сталина". Подумав, Серебряков ответил: "Нет, так нажимать, как Сталин, я не умею, это не моя специальность". Способность "нажимать" Ленин в Сталине очень ценил. Сталин чувствовал себя тем увереннее, чем больше креп и рос государственный аппарат "нажимания".

Сталин ушел с военной работы почти в самом конце гражданской войны. К этому времени советская власть утвердилась почти во всех национальных районах и ему надо было сосредоточить внимание на руководстве наркоматом по делам национальностей, немного меньше он уделяет внимания наркомату рабоче-крестьянской инспекции. Ему приходилось участвовать в заседаниях не только Политбюро и Оргбюро, но и в нескольких постоянных комиссиях ЦК ВКП(б).

В. И. Ленин был настолько расположен в 1918-1921 гг. к Сталину, что лично заботился о том, чтобы подыскать ему в Кремле спокойную квартиру. Он сделал выговор Г. Орджоникидзе за то, что тот оторвал Сталина от отдыха на Северном Кавказе.

Ленин просил разыскать врача, лечившего Сталина, и прислать его заключение о состоянии здоровья Сталина.

Однажды полушутя, полусерьезно Ленин предложил Сталину жениться на младшей своей сестре - Марии Ильиничне. Он был уверен, что Сталин все ещё холост, и удивился, когда тот сказал, что женился и что его жена работает в Секретариате ЦК.

На пленуме ЦК ВКП(б) 3 апреля 1922 г. И. В. Сталин был избран в Политбюро и Оргбюро ЦК, было решено

утвердить новую должность Генерального секретаря ЦК и назначить на неё Сталина.

Е. Я. Драбкина, бывший секретарь Я. М. Свердлова, писала по этому поводу: "Это было событие из числа тех, которым никто не придавал особого значения и даже в партийных кругах не обратили на него внимания".

Но между тем именно И. В. Сталин превратился в ключевую фигуру партийного аппарата, под его руководством происходили перевыборы партийных органов на местах, что позволило ему произвести массовую перестановку кадров в составе губкомов, обкомов и ЦК национальных компартий.

Умер И. В. Сталин 5 марта 1953 года. Сначала набальзамированное тело И. В. Сталина было помещено в Мавзолее В. И. Ленина, затем предано земле у Кремлевской стены.

Умирал И. В. Сталин на 74-м году своей жизни тяжело, как и жил. Смерть произошла после нескольких дней болезни сердечно-сосудистого характера. Сказались тяжелые годы войны, сидячий образ жизни, ночные бдения и тяжелые переживания личного плана, которые сопутствовали этому человеку всю жизнь. Сталин с раннего детства боролся, сражался, ненавидел, много переживал, на его долю выпало мало любви, ласки, сентиментальности, высоких эмоций, счастливых переживаний. Своих детей от второй жены он называл "холодными", видимо, они пошли в него.

В последние старческие годы в связи с обострением ревматизма, гипертонии и других болезней, когда он иногда терял сознание, действительность воспринималась им в более мрачных тонах, раздражительность трудно сдерживалась, а главное, появилось безразличие, и оно относилось ко всему, что его окружало.

Вспоминает дочь И. В. Сталина, Светлана Аллилуева:

"Отец умирал страшно и трудно... Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо постепенно изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент - не знаю, так ли в самом деле, но так казалось, очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившимися над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут - это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, - тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела... Душа отлетела. Тело успокоилось, лицо побелело и приняло свой знакомый облик, через несколько мгновений оно стало невозмутимым, спокойным и красивым".

Последний жест И. В. Сталина - жест прощания. Он был реалистом и понимал, что умирает, и показал рукой на небо, куда он уходил.

ПЕРВАЯ СЕМЬЯ

И. В. Сталин был женат дважды. Первая жена, Екатерина Семеновна Сванидзе, рано умерла (1907 г.), оставив сына Якова.

Фотография 1907 года запечатлела обросшего бородой Сталина с родственниками первой жены Екатерины Сванидзе у её гроба.

Близкие люди называли Якова "слабохарактерным". Вот что о нем пишет Б. Бажанов (бывший секретарь Сталина в 30-е годы): "На квартире Сталина жил и его старший сын - от первого брака - Яков. Почему-то его никогда не называли иначе, чем Яшка. Это был очень сдержанный, молчаливый и скрытный юноша... Вид у него был забитый. Поражала одна его особенность, которую можно назвать нервной глухотой. Он был всегда погружен в свои какие-то скрытые внутренние переживания. Можно было обращаться к нему и говорить он вас не слышал, вид у него был отсутствующий. Потом он вдруг реагировал, что с ним говорят, спохватывался и слышал все хорошо.

Сталин его не любил и всячески угнетал. Яша хотел учиться - Сталин послал его на завод рабочим. Отца он ненавидел скрытой и глубокой ненавистью. Он старался всегда остаться незамеченным, не играл до войны никакой роли. Мобилизованный и отправленный на фронт, он попал в плен к немцам. Когда немецкие власти предложили Сталину обменять какого-то крупного немецкого генерала на его сына, находившегося у них в плену, Сталин ответил: "У меня нет сына". Яшка остался в плену и в конце немецкого отступления был гестаповцами расстрелян".

И все же Яков был яркой личностью, но его личные качества все время подавлялись отцом, который не мог спокойно терпеть те же черты характера у Якова, которые были и у него.

Из протокола допроса немцами военнопленного старшего лейтенанта Я.И. Джугашвили 18 июля 1941 г.:

"- Как же Вы попали к нам?

- Я, т.е. собственно не я, а остатки дивизии были окружены в районе Ласново.

- Вы добровольно пришли к нам или были захвачены в бою?

- Не добровольно. Я был вынужден.

- Вы были взяты в плен один или же с товарищами и сколько их было?

- К сожалению, совершенное вами окружение вызвало такую панику, что все разбежались в разные стороны. Видите ли, нас окружили, все разбежались, я находился в это время у командира дивизии.

- Вы были командиром дивизии?

- Нет, я командир батареи, но в тот момент, когда нам стало ясно, что мы окружены, - в это время я находился у командира дивизии, в штабе. Я побежал к своим, но в этот момент меня подозвала группа красноармейцев, которая хотела пробиться. Они попросили меня принять командование и атаковать ваши части. Я это сделал, но красноармейцы, должно быть, испугались, я остался один, я не знал, где находятся мои артиллеристы, ни одного из них я не встретил...".

Все близкие родственники первой жены Сталина - Екатерины Сванидзе были в хороших отношениях со Сталиным, бывали у него дома, на даче, вместе обедали, но впоследствии большинство их было репрессировано и расстреляно.

Александр Семенович Сванидзе был родным братом первой жены Сталина. До революции учился в Йенском университете, знал западные и восточные языки, экономику и особенно финансовое дело. После революции, возвратившись в Грузию, он стал членом ЦК и первым наркомфином республики. Его женой была Мария Анисимовна Корона из богатой семьи. Он окончила Высшие женские курсы в Петербурге и консерваторию в Тифлисе, пела в грузинской опере. Своего сына они назвали Джонрид - в честь американского журналиста Джона Рида, написавшего известную книгу об Октябрьской революции "Десять дней, которые потрясли мир".

После революции А. С. Сванидзе работал в Берлине, Лондоне, Женеве. Возглавлял в Москве Внешторгбанк. В последние годы своей жизни, с 1935 года по 1937, был зам. председателя правления Госбанка СССР.

Сталин знал его с детства и был с ним очень близок, но это не спасло А. С. Сванидзе от ареста в 1937 году. Одновременно арестовали и его жену, Марию Анисимовну. Обоим дали по десять лет. М. А. Сванидзе была осуждена 29 декабря 1939 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР за то, что "скрывала антисоветскую деятельность своего мужа, вела антисоветские разговоры, осуждала карательную политику Советской власти и высказывала террористические намерения против одного из руководителей Коммунистической партии и Советского правительства".

Срок супруги Сванидзе отбывали в разных лагерях. Сванидзе - под Ухтой, его жена - в Долинском, в Казахстане. Их сына Джоника приютила у себя его бывшая воспитательница, работавшая в то время на швейной фабрике. Сестру Александра Семеновича, Марику, тоже арестовали, и она погибла в тюрьме. Попал в заключение и брат Марии Анисимовны.

Александр Семенович Сванидзе и его жена Мария Анисимовна Сванидзе (еврейка по национальности) погибли. А. С. Сванидзе был расстрелян 20 августа 1941 г. 3 марта 1942 года Особое совещание при НКВД СССР вынесло постановление о расстреле М. А. Сванидзе, которое было приведено в исполнение в тот же день. Вместе с женой А. С. Сванидзе была расстреляна его сестра Мария Семеновна Сванидзе (Марику). Сын А. С. Сванидзе - Джонрид (Иван) Сванидзе был осужден к ссылке на пять лет в 1948 году, откуда вернулся в 1956 году.

ВТОРАЯ СЕМЬЯ

Второй женой И. В. Сталина была Надежда Сергеевна Аллилуева. Они встретились, когда ей было 16 лет, а ему 38. К этому времени он вернулся из ссылки после Февральской революции в 1917 году.

По семейному преданию Аллилуевых, в 1903 году Иосиф Сталин спас Надю Аллилуеву, когда она в двухлетнем возрасте, играя в Баку на набережной (семья её жила в то время в Баку), свалилась в море, и Сталин, которому тогда было 24 года, вытащил её из воды.

"Для мамы, впечатлительной и романтической, такая завязка наверное имела огромное значение, - пишет С. Аллилуева, - когда она встретила с отцом позже, шестнадцатилетней гимназисткой, а он приехал из Сибири, ссыльный революционер 38-ми лет, давний друг семьи...".

Надя родилась в Баку - в семье Сергея Яковлевича Аллилуева. Она была младшим ребенком. У неё были два брата - Павел и Федор, а также сестра Анна. Глава семьи - из воронежских крестьян, его бабка была цыганкой. По словам Светланы Аллилуевой, от цыган пошли у всех Аллилуевых южный, экзотический облик, черные глаза, ослепительные зубы и смуглая кожа, худощавость. Отец Нади освоил слесарное дело и работал в железнодорожных мастерских Закавказья. Жил он и в Тбилиси, и в Баку, и в Батуми. Стал членом РСДРП в 1898 году. В 1900-х годах семья переехала в Петербург. С. Аллилуев работал мастером в Обществе электрического освещения и неплохо зарабатывал.

Сергей Яковлевич был высоким, всегда аккуратно одетым человеком, носил бородку клинышком и седые усы. По характеру отец Нади был обходителен, приветлив, ладил с людьми. В Петербурге семья жила в четырехкомнатной квартире. Все дети учились в гимназии.

Сергей Аллилуев женился на 14-летней Ольге Федоренко. Ее отец вырос и жил в Грузии. Мать Сергея была грузинкой. А его отец был женат на немке, из семьи колонистов. Молодая жена Сергея Аллилуева свободно говорила по-немецки и по-грузински.

Сталин знал рабочего Аллилуева с конца 90-х годов. Встречался с ним в Тифлисе и Баку. В 1910 году, когда Сталин нелегально покинул свою очередную ссылку в Вологде и приехал в Петербург, он остановился на квартире семьи Аллилуевых. Оказавшись в ссылке в заполярной туруханской тайге, он поддерживал связь с Аллилуевыми. Ольга Евгеньевна посылала Сталину посылки с теплыми вещами, деньги.

После Февральской революции 1917 года Сталин из сибирской ссылки приехал в Петроград. Здесь он направился на квартиру к старым знакомым. Аллилуевы приняли его тепло, приютили. Днями он где-то пропадал, возвращался домой поздно. Его всегда ждали горячий чай с бубликами и неподдельный интерес сестер к молчаливому, чаще всего угрюмому революционеру. В июльские дни 1917 года в квартире Аллилуевых несколько суток скрывался Ленин, которому отвели маленькую комнатку гимназистки Нади.

После Октябрьской революции Сталин стал наркомом по делам национальностей. Надежда Аллилуева работает у него в аппарате секретаршей. В начале 1918 года правительство переезжает в Москву. Надежда тоже перебирается в Москву. Недавняя гимназистка соединяет свою судьбу со Сталиным. В Москве вступила в партию, ездила с мужем па Царицынский фронт. Потом работала в секретариате Совнаркома и личном секретариате Ленина, была у него дежурным секретарем в Горках.

В 1921 году во время очередной чистки её исключили из партии с формулировкой "за

недостаточную общественную деятельность". Ленин считал необходимым обратиться к руководителям комиссии по чистке с письмом, считая своим долгом довести до сведения комиссии обстоятельства, оставшиеся неизвестными "ввиду молодости Надежды Сергеевны Аллилуевой".

"Лично я, - сообщал Ленин, - наблюдал её работу как секретарши в Управлении делами СНК, т. е. мне очень близко. Считаю, однако, необходимым указать, что всю семью Аллилуевых, т. е. отца, мать и двух дочерей, я знаю с периода до Октябрьской революции. В частности, во время июльских дней, когда мне и Зиновьеву приходилось прятаться и опасность была очень велика, меня прятала именно эта семья, и все четверо, пользуясь полным доверием тогдашних большевиков-партийцев, не только прятали нас обоих, но и оказывали целый ряд конспиративных услуг, без которых нам бы не удалось уйти от ищеек Керенского".

Надежду Аллилуеву в партии восстановили.

После кончины Ленина она переходит на работу в редакцию журнала "Революция и культура", который издавался газетой "Правда", потом поступает в Промышленную академию, откуда её отозвали и направили в Московский горком партии. В академии она училась на факультете искусственного волокна. Там же учились её приятельницы - жена А. А. Андреева Дора Моисеевна Хазан и Мария Марковна Каганович. Секретарем партийной ячейки у них был молодой Хрущев, приехавший из Донбасса. Надежда Аллилуева была избрана студентами группом.

В своих воспоминаниях Н. Хрущев упоминает период учебы в Промышленной академии: "Когда она училась в Промышленной академии, то очень мало людей знали, что она жена Сталина. Аллилуева и Аллилуева. У нас ещё один был Аллилуев - горняк. Надя никогда не пользовалась доступными ей привилегиями. Она

никогда не ездила в Промышленную академию на машине и не уезжала из академии в Кремль на машине. Нет, она приезжала трамваем. Она ничем не выделялась в массе студентов. Ограниченный круг людей знал, что Аллилуева жена Сталина. Это было умно с её стороны - не показывать, что она близка к человеку, который в политическом мире среди друзей и врагов считается человеком "номер один".

О том, что Сталин и его жена были разными по характеру людьми, свидетельствует и Б. Бажанов: "Надя ни в чем не была похожа на Сталина. Она была очень хорошим, порядочным и честным человеком. Она не была красива, но у неё было милое, открытое и симпатичное лицо.

Когда я познакомился с Надей, у меня было впечатление, что вокруг неё какая-то пустота - женщин-подруг у неё в это время как-то не было, а мужская публика боялась к ней приближаться - вдруг Сталин заподозрит, что ухаживают за его женой, - сживет со свету. У меня было явное ощущение, что жена почти диктатора нуждается в самых простых человеческих отношениях...

Домашняя её жизнь была трудна. Дома Сталин был тиран. Постоянно сдерживая себя в деловых отношениях с людьми, он не церемонился с домашними. Не раз Надя говорила мне, вздыхая: "Третий день молчит, ни с кем не разговаривает и не отвечает, когда к нему обращаются, необычайно тяжелый человек". Но разговоров о Сталине я старался избегать - я уже представлял себе, что такое Сталин, бедная Надя только начинала, видимо, открывать его аморальность и бесчеловечность и не хотела сама верить в эти открытия".

В 1919 году семье Сталина выделили дачу в Зубалове. Дом в Зубалове не строили по индивидуальному проекту, а воспользовались

брошенной усадьбой, которая называлась по имени бывшего хозяина - нефтепромышленника Зубалова, владевшего нефтеперегонными заводами в Баку и Батуми. Здесь же, неподалеку, поселились А. И. Микоян, К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников.

Надежда работала, с детьми занималась няня. До 1929-1930 годов, по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, мать сама вела хозяйство, получала пайки и карточки. В доме был нормальный быт, которым руководила хозяйка дома. Охраны не было. Единственный охранявший ездил только со Сталиным в машине и к дому никакого отношения не имел. Сталин в то время ходил по московским улицам без охраны.

Летом в Зубалове былолюдно. Здесь часто появлялся Бухарин. Он играл с детьми, учил няню ездить на велосипеде и стрелять из духового ружья. Приезжал Г. К. Орджоникидзе, который дружил со Сталиным. Близкими подругами были их жены. Появлялся Буденный с гармошкой, под которую пел Ворошилов. В пении иногда участвовал и Сталин, у него был высокий и чистый голос, хотя говорил он, наоборот, глуховато и негромко.

Наде удавалось объединить и сдружить между собой всех разношерстных и разнохарактерных родственников. Наряду с привлекательностью, умом, необыкновенной деликатностью она обладала большой твердостью, упорством и требовательностью в том, что ей казалось непреложным. В 1927 году, во время борьбы Сталина с Троцким, когда Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, а их видный сторонник дипломат А. А. Иоффе покончил с собой, на похоронах за его гробом в числе провожавших в последний путь шла Надежда Аллилуева.

В Москву были перевезены родители Надежды. Они жили в кремлевской квартире Сталина, на лето перебирались в Зубалово. После смерти Надежды в

1932 году её родители стали жить порознь. Отец ушел в себя, подолгу не выходил из своей комнаты. Жил попеременно то в Зубалове, то у старшей дочери Анны. Потом засел за воспоминания, которые вышли в 1946 году. Напечатанными он их так и не увидел - умер в 1945 году почти в восьмидесятилетнем возрасте. Его супруга Ольга Евгеньевна была темпераментной, влезала во все мелочи, бурно выражала восторг и недовольство. Она умерла в 1951 году от стенокардического спазма, в возрасте 76 лет.

В 1921 году в семье Сталиных родился первый ребенок, которого назвали Василием. Ребенком, главным образом, занимались родители жены и прислуга.

В 1926 году родился второй ребенок - девочка. Ее назвали Светланой. Жена Сталина все эти годы занималась общественной работой. За новым ребенком в семье присматривала воспитательница.

И. В. Сталин тяжело и трудно сходилась с людьми, поэтому у него и не появлялось желания жениться в третий раз, тем более что к моменту гибели второй жены ему было 53 года.

Н. Аллилуева покончила с собой в ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. К тому времени произошел тяжелый семейный разлад. Н. Аллилуева была красивой, нежной, решительной и даже смелой женщиной, если принять во внимание, что во время гражданской войны она сопровождала мужа на Царицынский фронт.

Она жила с мужем, как "у бога за пазухой". По современным понятиям это квартира в центре Москвы, роскошная дача под Москвой в Зубалове, машина, поездки на юг, прислуга, воспитатели и учителя для детей, полное обеспечение.

Интересно содержание писем, которыми обменивались Сталин и его жена. Приводим некоторые из них:

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ 8 сентября 1930 г.
Татьяка!

Письмо получил. Книги тоже. Английского самоучителя Московского (по методу Розенталя) у меня здесь не оказалось. Поищи хорошенько и пришли.

К лечению зубов уже приступил. Удалили негодный зуб, обтачивают боковые зубы и, вообще, работа идет вовсю. Врач думает кончить все мое зубное дело к концу сентября.

Никуда не ездил и ездить не собираюсь. Чувствую себя лучше. Определенно поправляюсь.

Посылаю тебе лимоны. Они тебе понадобятся.

Как дело с Васькой, с Сатанкой?

Целую кепку ного, очень ного.

Твой Иосиф

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ 12 сентября 1930 г.

Здравствуй Иосиф!

Письмо получила. За лимоны спасибо, конечно, пригодятся. Живем неплохо, но совсем уже по зимнему - сегодня ночью было - 7° по С. Утром все крыши были совершенно белые от инея. Очень хорошо, что ты греешься на солнце и лечишь зубы. Вообще же Москва вся шумит, стучит, разрыта и т. п., но все же постепенно все налаживается. Настроение у публики (в трамваях и в др. общественных местах) сносное-жужжат, но не зло. Всех нас в Москве развлек прилет Цеппелина зрелище было, действительно достойное внимания. Глазела вся Москва на эту замечательную машину. По поводу стихотворца Демьяна все скулили, что мало пожертвовал, мы отчислили однодневный заработок. Видела новую оперу "Алмас", где Максакова совершенно исключительно станцевала лезгинку (армянскую), я давно не видела танца так художественно выполненного. Тебе, думаю, очень понравится танец, да и опера.

Да, все же как я не искала твоего экземпляра учебника не нашла, посылаю другой экземпляр. Не сердись, но нигде не нашла. В Зубалове паровое отопление уже работает и вообще все в порядке, очевидно, скоро закончат. В день прилета цеппелина Вася на велосипеде ездил из Кремля на аэродром через весь город. Справился неплохо, но, конечно, устал.

Очень умно делаешь, что не разъезжаешь, это во всех отношениях рискованно.

Целую тебя.

Надя.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ 19 сентября 1930 г
Здравствуй Иосиф!

Как твое здоровье. Приехавшие т. т. (Уханов и ещё кто-то) рассказывают, что ты очень плохо выглядишь и чувствуешь себя. Я же знаю, что ты поправляешься (это из писем). По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как это я могла оставить тебя одного и тому подобные, по сути совершенно справедливые, вещи. Я объяснила свой отъезд занятиями, по существу же это конечно не так. Это лето я не чувствовала, что тебе будет приятно продление моего отъезда, а наоборот. Прошлом лето это очень чувствовалось, а это нет. Оставаться же с таким настроением, конечно, не было смысла, т. к. это уже меняет весь смысл и пользу моего пребывания. И я считаю, что упреков я не заслужила, но в их понимании, конечно, да.

На днях была у Молотовых, по его предложению, проинформироваться. Это очень хорошо, т. к. иначе я знаю только то, что в печати. В общем приятно мало. Насчет же твоего приезда Авель говорит т. т., я его не видела, что вернешься в конце октября; неужели ты будешь сидеть там так долго.

Ответь если не очень недоволен будешь моим письмом, а в прочем как хочешь.

Всего хорошего. Целую.

Надя.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

24 сентября 1930 г.

Татьяка!

Получил посылку от тебя. Посылаю тебе персики с нашего дерева.

Я здоров и чувствую себя, как нельзя лучше. Возможно, что Уханов видел меня в тот самый день, когда Шапиро поточил у меня восемь (8!) зубов сразу, и у меня настроение было тогда, возможно, неважное. Но этот эпизод не имеет отношения к моему здоровью, которое я считаю поправившимся коренным образом.

Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость. Что касается твоего предположения насчет нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки также несправедливы, как несправедливы попреки Молотовых в отношении тебя. Так, Татьяна.

Я приеду, конечно, не в конце октября, а много раньше, в середине октября, как я говорил тебе в Сочи. В видах конспирации я пустил слух через Поскребышева, о том, что смогу приехать лишь в конце октября. Авель, видимо, стал жертвой такого слуха. Не хотелось бы только, чтобы ты стала звонить об этом. О сроке моего приезда знают Татьяна, Молотов и, кажется, Серго.

Ну, всего хорошего.

Целую кепко ного.

Твой Иосиф.

24/IX-30

Р. С. Как здоровье ребят?

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

30 сентября 1930 г.

Здравствуй Иосиф

еще раз начинаю с того же - письмо получила. Очень рада, что тебе хорошо на южном солнце. В Москве сейчас тоже неплохо, погода улучшилась, но в лесу определенная осень. День проходит быстро. Пока все здоровы. За восемь зубов молодец. Я же соревнуюсь с горлом, сделал мне профессор Свержевский операцию, вырезал 4 куска мяса, пришлось полежать четыре дня, а теперь я можно сказать, вышла из полного ремонта. Чувствую себя хорошо, даже поправилась за время лежания с горлом.

Персики оказались замечательными. Неужели это с того дерева? Они замечательно красивы. Теперь тебе, при всем нежелании, но все же скоро придется возвращаться в Москву, мы тебя ждем, но не торопим, отдыхай получше.

Привет. Целую тебя.

Надя.

Р. С. Да, Каганович квартирой очень остался доволен и взял её. Вообще был тронут твоим вниманием. Сейчас вернулась с конференции ударников, где говорил Каганович. Очень неплохо, а также Ярославский. После была Кармен под управлением Голованова, замечательно.

Н. А.

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ 6 октября 1930 г.
Москва. 6. X. 30 г.

Что-то от тебя никаких вестей, последнее время. Справлялась у Двинского о почте, сказал, что давно не было. Наверное путешествие на перепелов увлекло, или просто лень писать.

А в Москве уже вьюга снежная. Сейчас кружит во всю. Вообще погода очень странная, холодно. Бедные москвичи зябнут, т. к. до 15. X. Москвотоп дал приказ не топить. Больных видимо-невидимо. Занимаемся в пальто, так как иначе все время нужно дрожать.

Вообще же у меня дела идут неплохо. Чувствую себя тоже совсем хорошо. Словом теперь у меня прошла уже усталость от моего "кругосветного" путешествия и вообще дела, вызвавшие всю эту суетню также дали резкое улучшение.

О тебе я слышала от молодой интересной женщины, что ты выглядишь великолепно, она тебя видела у Калинина на обеде, что замечательно был веселый и тормозил всех, смущенных твоей персоной. Очень рада.

Ну, не сердись за глупое письмо, но не знаю стоит ли тебе писать в Сочи о скучных вещах, которых к сожалению, достаточно в Московской жизни. Поправляйся. Всего хорошего.

Целую.

Надя.

Р. С. Зубалово абсолютно готово очень, очень хорошо вышло.

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

8 октября 1930 г.

Татьяка!

Получил твое письмо.

Ты что-то в последнее время начинаешь меня хвалить.

Что это значит? Хорошо, или плохо?

Новостей у меня, к сожалению, никаких. Живу неплохо, ожидаю лучшего. У нас тут испортилась погода, будь она проклята. Придется бежать в Москву.

Ты намекаешь на какие-то мои поездки. Сообщаю, что никуда (абсолютно никуда!) не ездил и ездить не собираюсь.

Целую очень ного, кепко ного.

Твой Иосиф

8/X-30

И. В. СТАЛИН Н. С. АЛЛИЛУЕВОЙ

9 сентября 1931 г.

Здравствуй, Татка!

Как доехала, обошлось без приключений? Как ребятишки, Сатанка?

Приехала Зина (без жены Кирова). Остановилась в Зензиновке - считает, что там лучше, чем в Пузановке. Что же, - очень приятно.

У нас тут все идет по-старому: игра в городки, игра в кегли, ещё раз игра в городки и т. д. Молотов успел уже дважды побывать у нас, а жена его, кажется, куда-то отлучилась.

Пока все.

Целую.

Иосиф.

9/IX. 31

Н. С. АЛЛИЛУЕВА И. В. СТАЛИНУ

Не позднее 12 сентября 1931 г.

Здравствуй Иосиф.

Доехала хорошо. В Москве очень холодно, возможно, что мне после юга так показалось, но прохладно основательно.

Москва выглядит лучше, но местами похожа на женщину запудривающую свои недостатки, особенно во время дождя, когда после дождя краска стекает полосами. В общем, чтобы Москве дать настоящий желаемый вид требуются, конечно, не только эти меры и не эти возможности, но на данное время и это прогресс.

По пути меня огорчили те же кучи, которые нам попались по пути в Сочи на протяжении десятков верст, правда их несколько меньше, но именно несколько. Звонила Кирову, он решил выехать к тебе 12.IX, но только усиленно согласовывает средства сообщения. О Гротте он расскажет тебе все сам.

Улицы Москвы уже в лучшем состоянии, местами даже очень хорошо. Очень красивый вид с Тверской на

Красную площадь. Храм разбирают медленно, но уже "величие" голов уничтожено.

В Кремле чисто, но двор, где гараж, безобразен, в нем ничего не сделали и даже ремонтную грязь не тронули. Это, мне кажется, нехорошо. Словом тебе наскучили мои хозяйские сообщения. Группа была очень довольна, что я поддержала 100% дисциплину, нужно сказать, что в первый же день нам дали столько новых всяких сведений, что, конечно, при таких условиях опаздывать нельзя не только из за 100%-сти.

Да, в отношении этого жестокого случая, опубликованного в "Известиях", выяснено, что убийство совершено с целью ограбления, т. к. у этого преподавателя были с собой деньги, полученные на оборудование кабинета по математике. Кто убийцы и др. подробностей пока неизвестно. На общий состав преподавателей эта история произвела очень тяжелое впечатление, несмотря на то, что это лицо новое в стенах учреждения. За работу преподаватели принялись с энергией, хотя нужно сказать, что настроение в отношении питания среднее и у слушателей, и у педагогов, всех одолевают "хвостики" и целый ряд чисто организационных неналаженностей в этих делах и, главным образом, в вопросах самого элементарного обмундирования. Цены в магазинах очень высокие, большое затоваривание из-за этого.

Не сердись, что так подробно, но так хотелось бы, чтобы эти недочеты выпали из жизни людей и тогда было бы прекрасно всем и работали бы все исключительно хорошо.

Посылаю тебе просимое по электротехнике. Дополнительные выпуска я заказала, но к сегодняшнему дню не успели дослать, со следующей почтой получишь, тоже и с немецкой книгой для чтения - посылаю то, что есть у нас дома, а учебник для взрослого пришлю со следующей почтой.

Обязательно отдыхай хорошенько и лучше бы никакими делами не заниматься.

Звонил мне Серго, жаловался на ругательное твое не то письмо, не то телеграмму, но, видимо, очень утомлен. Я передала от тебя привет.

Дети здоровы, уже в Москве.

Желаю тебе всего, всего хорошего.

Целую. Надя.

Но к 1932 году Н. Аллилуевой исполнился 31 год, и вместо безоглядной любви к мужу она все чаще задается вопросом: кто он есть? А он груб, иногда даже жесток, жесток тогда, когда ему что-либо нужно. А Н. Аллилуева становится взрослее, самостоятельнее и уже грубость мужа воспринимает, как оскорбление её женского достоинства, начинает понимать его политику в стране, и все это вызывает у неё протест, но протестовать она не умеет и не в состоянии противостоять воле мужа. Все это привело к тяжелому эмоциональному взрыву. И она подошла к роковой черте - самоубийству.

Светлана Аллилуева о своей маме Н. Аллилуевой: "Мать родилась в Баку, и её детство прошло на Кавказе. Южная её внешность иногда заставляла тех, кто плохо знает Грузию, принимать её за грузинку - с правильным овалом лица, черными бровями, чуть вздернутым носом, смуглой кожей и мягкими карими глазами в черных прямых ресницах.

Правда, у мамы к этому облику было добавлено что-то от цыган какая-то восточная томность, печальные глаза и длинные суховатые пальцы".

Следующий отрывок из воспоминаний Светланы Аллилуевой дает нам возможность понять, как произошел разлад в семье, и добавляет штрихи к пониманию характера И. В. Сталина.

"Мама была так молода, у неё вся жизнь ещё была впереди. В 1931 году ей только лишь исполнилось 30

лет. Она училась в Промышленной академии на факультете искусственного волокна. Это была новая область для тех лет, новая промышленная химия. Из мамы получился бы отличный специалист. Остались её тетрадки - аккуратные, чистенькие, наверное, образцовые. Она отлично чертила, и дома в её комнате стояла чертежная доска.

...Она была после нас, детей, самой молодой в доме. Учительницы, няня - все были старше, всем было за сорок; экономка наша, Каролина Васильевна, повариха Елизавета Леонидовна были пожилые женщины за пятьдесят лет. Но все равно, все любили молодую, красивую, деликатную хозяйку - она была признанный авторитет. Старший брат мой Яша был моложе мамы только на семь лет. Она очень нежно к нему относилась, заботилась о нем, утешала его в первом неудачном браке, когда родилась дочка и вскоре умерла. Мама очень огорчалась и старалась сделать жизнь Яши возможно более спокойной, но это было вряд ли возможно, так как отец был недоволен его переездом в Москву (на этом настоял дядя - Алеша Сванидзе), недоволен его первой женитьбой, его учебой, его характером - словом, всем.

Должно быть, на маму произвела очень тягостное впечатление попытка Яши покончить с собой. Доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яша выстрелил в себя у нас в кухне на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя, - пуля прошла навылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек: "Ха, не попал!" - любил он поиздеваться. Мама была потрясена. И этот выстрел, должно быть, запал ей в сердце надолго и отозвался в нем.

...На фото домашних пикников в лесу, которые все так любили, и отец, и мама - веселые, смеющиеся. Много веселых, счастливых, здоровых лиц вокруг. Отец

выглядит гораздо моложе своих пятидесяти лет (ему было пятьдесят в 1928 году).

...Мамина сестра, Анна Сергеевна, говорила мне не так давно, что в последние годы своей жизни маме все чаще приходило в голову уйти от отца. Анна Сергеевна всегда говорит, что мама была "великомученицей", что отец был для неё слишком резким, грубым и невнимательным, что это страшно раздражало маму, очень любившую его. Как-то ещё в 1926 году, когда мне было полгода, родители рассорились, и мама, забрав меня, брата и няню, уехала в Ленинград к дедушке, чтобы больше не возвращаться. Она намеревалась начать там работать и постепенно создать себе самостоятельную жизнь. Ссора вышла из-за грубости отца, повод был невелик, но, очевидно, это было уже давно накопленное раздражение. Однако обида прошла. Няня моя рассказывала мне, что отец позвонил из Москвы и хотел приехать "мириться" и забрать всех домой. Но мама ответила в телефон, не без злого остроумия: "Зачем тебе ехать, это будет слишком дорого стоить государству! Я приеду сама". И все возвратились домой...

Анна Сергеевна говорит, что в самые последние недели, когда мама заканчивала Академию, у неё был план уехать к сестре в Харьков... чтобы устроиться по своей специальности и жить там. Анна Сергеевна все время повторяет, что у мамы это было настойчивой мыслью, что ей очень хотелось освободиться от своего "высокого положения", которое её только угнетало. Это очень похоже на истину. Мама не принадлежала к числу практических женщин - то, что ей "давало" её "положение", абсолютно не имело для неё значения.

...Все дело было в том, что у мамы было свое понимание жизни, которое она упорно отстаивала. Компромисс был не в её характере. Она принадлежала сама к молодому поколению революции, к тем

энтузиастам - труженикам первых пятилеток, которые были убежденными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в свои новые идеалы человека, освобожденного революцией от мещанства и от всех прежних пороков. Мама верила во все это со всей силой революционного идеализма, и вокруг неё было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением её веру. И среди всех самым высоким идеалом нового человека показался ей некогда отец. Таким он был в глазах юной гимназистки, только что вернувшийся из Сибири "несгибаемый революционер", друг её родителей. Таким он был для неё долго, но не всегда...

И я думаю, что именно потому, что она была женщиной умной и внутренне бесконечно правдивой, она своим сердцем поняла, в конце концов, что отец не тот новый человек, каким он ей казался в юности, и её постигло здесь страшное, опустошающее разочарование.

Моя няня говорила мне, что последнее время перед смертью мама была необыкновенно грустной, раздражительной. К ней приехала в гости её гимназическая подруга, они сидели и разговаривали в моей детской комнате (там всегда была "мамина гостиная"), и няня слышала, как мама все повторяла, что "все надоело", "все опостылело", "ничего не радует"; а приятельница её спрашивала: "Ну, а дети, дети?" "Все, и дети", - повторяла мама. И няня моя поняла, что раз так, значит действительно ей надоела жизнь...

К сожалению, никого из близких не было в Москве в ту осень 1932 года. Павлуша и семья Сванидзе были в Берлине; Анна Сергеевна с мужем - в Харькове, дедушка был в Сочи. Мама заканчивала Академию и была чрезвычайно переутомлена.

Ей, с её некрепкими нервами, совершенно нельзя было пить вино; оно действовало на неё дурно, поэтому она не любила и боялась, когда пьют другие. Отец как-то рассказывал мне, как ей сделалось плохо после вечеринки в Академии, - она вернулась домой совсем больная оттого, что выпила немного, и ей стало сводить судорогой руки. Он уложил её, утешал, и она сказала: "А ты все-таки немножко любишь меня!..". Это он сам рассказывал мне уже после войны, - в последние годы он все чаще и чаще возвращался мыслью к маме и все искал "виновных" в её смерти.

Мое последнее свидание с ней было чуть ли не накануне её смерти, во всяком случае за один-два дня. Она позвала меня в свою комнату, усадила на свою любимую тахту (все, кто жил на Кавказе, не могут отказаться от этой традиционной тахты) и долго внушала, какой я должна быть и как должна себя вести. "Не пей вина! - говорила она, - никогда не пей вина" Это были отголоски её вечного спора с отцом, по кавказской привычке всегда дававшего детям пить хорошее виноградное вино. В её глазах это было началом, которое не приведет к добру. Наверное, она была права, - брата моего, Василия, впоследствии погубил алкоголизм. Я долго сидела у неё в тот день на тахте. и оттого, что встречи с мамой вообще были редки, хорошо запомнила эту, последнюю.

"Ты все-таки немножко любишь меня!" - сказала она отцу, которого она сама продолжала любить, несмотря ни на что. Она любила его со всей силой цельной натуры однолюба, как ни восставал её разум, сердце было покорено однажды, раз и навсегда. К тому же мама была хорошей семьянинкой, для неё слишком много значили муж, дом, дети и её собственный долг перед ними. Поэтому - я так думаю - вряд ли она смогла бы уйти от отца, хотя у неё не раз возникала такая мысль. Вряд ли...

Ее называли "строгой", "серьезной" не по годам, - она выглядела старше своих лет только потому, что была необычайно сдержанна, деловита и не любила позволять себе "распускаться". ...Это сдерживание себя, эта страшная внутренняя самодисциплина и напряжение, это недовольство и раздражение, загоняемое внутрь, сжимавшееся внутри все сильнее и сильнее, как пружина, должны были в конце концов неминуемо кончиться взрывом, пружина должна была распрямиться со страшной силой...

Так и произошло. А повод был не так уж и значителен сам по себе и ни на кого не произвел особого впечатления, вроде "и повода-то не было". Всего-навсего небольшая ссора на праздничном банкете в честь XV годовщины Октября. "Всего-навсего" отец сказал ей: "Эй, ты, пей!" А она "всего-навсего" вскрикнула вдруг: "Я тебе не - Эй!" - и встала и при всех ушла вон из-за стола.

Моя няня, незадолго до своей смерти, когда уж почувствовала, что недолго осталось ей жить, как-то начала мне рассказывать, как все это случилось. Ей не хотелось уносить с собой это, хотелось очистить душу, исповедаться. Мы сидели с ней в лесочке, недалеко от той дачи, где я сижу и пишу сейчас, и она говорила.

Каролина Васильевна Тиль, наша экономка, утром всегда будила маму, спавшую в своей комнате. Отец ложился у себя в кабинете или в маленькой комнатке с телефоном, возле столовой. Он и в ту ночь спал там, поздно возвратясь с того самого праздничного банкета, с которого мама вернулась раньше.

Комнаты эти были далеко от служебных помещений, надо было идти туда коридорчиком мимо наших детских. А из столовой комната, где спал наш отец, была влево; а в мамину комнату из столовой надо было пройти вправо и ещё этим коридорчиком. Комната её

выходила окнами в Александровский сад, к Троицким воротам.

...Каролина Васильевна рано утром, как всегда, приготовила завтрак в кухне и пошла будить маму. Трясаясь от страха, она прибежала к нам в детскую и позвала с собой няню, - она ничего не могла говорить. Они пошли вместе. Мама лежала вся в крови возле своей кровати; в руке был маленький пистолет "Вальтер", привезенный ей когда-то Павлушей из Берлина. Звук его выстрела был слишком слабый, чтобы его могли услышать в доме. Она уже была холодной. Две женщины, изнемогая от страха, что сейчас может войти отец, положили тело на постель, привели его в порядок. Потом, теряясь, не зная, что делать, побежали звонить тем, кто был для них существеннее, - начальнику охраны. Авелю Софроновичу Енукидзе, Полине Семеновне Молотовой, близкой маминой подруге.

Вскоре все прибежали. Отец все спал в своей комнатухе, слева от столовой. Пришли В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов. Все были потрясены и не могли поверить...

Наконец, и отец вышел в столовую. "Иосиф, Нади больше нет с нами", сказали ему.

Так мне рассказывала моя няня. Я верю ей больше, чем кому-либо другому. Во-первых, потому, что она была человеком абсолютно бесхитростным. Во-вторых, потому, что этот её рассказ был исповедью предо мной, а простая женщина, настоящая христианка не может лгать в этом никогда.

...Отец был потрясен случившимся. Он был потрясен, потому что он не понимал: за что? Почему ему нанесли такой ужасный удар в спину? Он был слишком умен, чтобы не понять, что самоубийца всегда думает "наказать" кого-то - "вот, мол", "на, вот тебе", "ты

будешь знать!". Это он понял, но он не мог осознать - почему? За что его так наказали?

И он спрашивал окружающих: разве он был невнимателен? Разве он не любил и не уважал её как жену, как человека? Неужели так важно, что он не мог пойти с ней лишней раз в театр? Неужели это важно?

Первые дни он был потрясен. Он говорил, что ему самому не хочется больше жить. (Это говорила мне вдова дяди Павлуши, которая вместе с Анной Сергеевной оставалась первые дни у нас в доме день и ночь). Отца боялись оставить одного, в таком он был состоянии. Временами на него находила какая-то злоба, ярость. Это объяснялось тем, что мама оставила ему письмо.

Очевидно, она написала его ночью. Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, но оно было, об этом мне говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто личное письмо; это было письмо отчасти политическое.

И, прочитав его, отец мог думать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет.

Он был потрясен этим и разгневан".

Обратимся снова к воспоминаниям Светланы Аллилуевой. Описывая сцену похорон матери, она отмечает, что отец был потрясен её смертью и разгневан. Когда он пришел прощаться на гражданскую панихиду, то, подойдя на минутку к гробу, вдруг оттолкнул его от себя руками и, повернувшись, ушел прочь. На кладбище не поехал. Он считал, что жена ушла от него как его личный враг. То есть расценил её смерть не как свою вину, а как предательство по отношению к себе.

В этой связи можно вспомнить бехтеревское определение параноиков "вину они переносят на свои

жертвы". А профессор Бехтерев считал Сталина "параноиком", и поэтому у Сталина всегда были виноваты другие, но не он сам.

В 1927 году Крамер, профессор кафедры нервных болезней 2-го МГУ, осматривал Сталина по поводу развивающейся атрофии мышц левой руки. Он предложил консультацию известному специалисту - психотерапевту Бехтереву. Сталин вспоминает, что Бехтерев консультировал больного Ленина, и дал свое согласие.

Бехтерев осматривал Сталина дважды.

Бехтерев свой диагноз "паранойя", не думая о последствиях, сообщает врачу, пригласившему его на консультацию.

Сталин ознакомился с заключением Бехтерева и реагировал на него очень резко. Сталин опасался, что заключение станет достоянием оппозиции, ведь Бехтерев был членом Ленинградского совета и мог поделиться своими выводами о психическом состоянии Сталина с председателем Ленинградского совета Зиновьевым.

В понятие "паранойя", по отношению к Сталину, Бехтерев вкладывал психопатию (психическое заболевание), когда человек сохраняет способность к логическим действиям. Лживость и лицемерие, непомерная жестокость и стремление завуалировать свои мотивы "высшей целью", крайний эгоцентризм в сочетании с не менее крайней подозрительностью характеризуют людей типа Сталина - "нероновского типа", как говорил Бехтерев.

С легкой руки Бехтерева определение Сталина как "параноика" прочно вошло на страницы многих книг о нем. Но он не был "параноиком" - легче всего всю вину за массовые репрессии перекладывать на то, что Сталин был больным человеком. Это не так. Сталин не был психопатом, но был жестоким и безжалостным. К

тому же следует сказать, что многие люди всегда винят других людей в своих бедах, но только не себя, по принципу из известной басни Клылова "Волк и ягненок": "Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать".

О причинах самоубийства жены Сталина говорится в книге "Хрущев вспоминает: пленки гласности":

"После смерти Сталина я узнал историю смерти Аллилуевой. Конечно, эта история никак документально не подтверждена. Власик, начальник охраны Сталина, рассказал, что после парада все отправились обедать к военному комиссару Клименту Ворошилову на его большую квартиру. После парадов и других подобных мероприятий все обычно шли к Ворошилову обедать.

Командующий парадом и некоторые члены Политбюро отправились туда прямо с Красной площади. Все выпили, как обычно в таких случаях. Наконец все разошлись. Ушел и Сталин. Но он не пошел домой.

Было уже поздно. Кто знает, какой это был час. Надежда Сергеевна начала беспокоиться. Она стала искать его, звонить на одну из дач. И спросила дежурного офицера, нет ли там Сталина.

- Да, - ответил он. - Товарищ Сталин здесь.

- Кто с ним?

Он сказал, что с ним женщина, назвал её имя. Это была жена одного военного, Гусева, который тоже был на том обеде. Когда Сталин ушел, он взял её с собой. Мне говорили, что она очень красивая. И Сталин спал с ней на этой даче, а Аллилуева узнала об этом от дежурного офицера.

Утром - когда, точно не знаю - Сталин приехал домой, но Надежды Сергеевны уже не было в живых. Она не оставила никакой записки, а если записка и была, нам никогда об этом не говорили.

Позже Власик сказал:

- Тот офицер - неопытный дурак. Она спросила его, а он взял и сказал ей все.

Потом пошли слухи, что, возможно, Сталин убил её. Эта версия не очень ясна, первая кажется более правдоподобной".

Сын И. В. Сталина Василий, его первенец во втором браке, родился в тяжелый для Советской России 1921 год, год разрухи и голода. Но сам Василий с момента рождения и до смерти голода и лишений не испытал. Его ранние годы прошли на даче Зубалово под наблюдением специального педагога. В детстве Василию довелось общаться с членами семей маршалов Ворошилова, Шапошникова, друга всех генсеков Микояна, которые занимали соседские дачи.

Василий унаследовал тяжелые черты характера отца: "делаю, что хочу", "дай, что хочу" и очень не любил что-либо делать, когда нужно было приложить собственные усилия. Уже в начальных классах школы выявилось у него нежелание заниматься и трудиться над учебниками, как это делали все дети.

Читал Василий мало. К занятиям относился легкомысленно, учился плохо, был одним из наиболее трудных подростков в школе, очень хотел верховодить, но это у него не всегда получалось: в школе было немало по-настоящему одаренных и интересных ребят, не дававших ему спуска. Учителя его побаивались, вопросов практически не задавали. А если такое и случалось, он мог и нагрубить учителю при всем классе.

После окончания девятого класса Василий поступил в Качинскую военную авиационную школу. Уже будучи курсантом училища, Василий на каникулы приехал в Москву к отцу. На самом популярном в те годы катке - на Петровке он познакомился с Галиной Бурдонской, в то время студенткой редакционно-издательского факультета Полиграфического института. "Василий по натуре был человеком шальной смелости, - рассказывала Г. Бурдонская. Ухаживая за мной, он не раз пролетал над станцией метро "Кировская" на

небольшом самолете. За такие вольности его наказывали. Но наказывали робко, и И. В. Сталину об этом не докладывали".

И в авиационном училище В. И. Сталин не давал себе труда учиться.

Василий Иосифович Сталин вышел из Качинской авиашколы в звании младшего лейтенанта без диплома о присвоении квалификации летчика ВВС. Ему была выдана справка, что прослушал курс вышеназванной школы.

В Люберцах, куда он попал после училища, ему пришлось проходить летную программу в объеме авиашколы - сначала на У-2, потом на И-16, на УТП-4 и самостоятельно на И-16.

Зимой 1942 г., будучи начальником инспекции, Василий несколько раз навещал своих детей и сестру. Вот что писала об этом С. И. Аллилуева в своих воспоминаниях, характеризуя обстановку, в которой он жил: "...Возле него толпилось много незнакомых летчиков, все были подобострастны перед молоденьким начальником, которому едва исполнилось двадцать лет. Это подхалимничество и погубило его потом. Возле него не было никого из старых друзей, которые были с ним наравне... Эти же все заискивали, жены их навещали Галю и тоже искали с ней дружбы.

В доме нашем была толчея. Кругом была неразбериха - и в головах наших тоже. И не было никого, с кем бы душу отвести, кто бы научил, кто бы сказал умное, твердое, честное слово...

В дом вошел неведомый ему дух пьяного разгула. К Василию приезжали гости: спортсмены, актеры, его друзья летчики и постоянно устраивались обильные возлияния, гремела радиола. Шло веселье, как будто не было войны".

Всего через два года после начала службы, в 1942 г., Василию было присвоено воинское звание гвардии

полковник.

Будучи на командных должностях в военной авиации, В. И. Сталин допускал в обращении с подчиненными грубость, был крайне раздражителен.

На земле же он продолжал позволять себе многое. Неоднократно были случаи, когда допускал рукоприкладство. Проезжая по дороге, он запросто мог остановить не понравившуюся ему встречную машину и ударить водителя за то, что тот якобы не так уступил ему дорогу.

Будучи командиром авиационного корпуса в Германии после войны, Василий проявил себя как страстный охотник, рыболов, продолжал увлекаться охотничьими собаками. Одного из летчиков Василий наградил двумя породистыми охотничьими щенками. Но так случилось, что, бегая по территории аэродрома, они случайно съели банку клея и околели. Гнев Василия был страшен.

Из письма сослуживца В. И. Сталина по корпусу И. Кравцова: "Хорошо помню, что в то время В. И. Сталин занимал двухэтажный особняк, охраняли его пограничники в зеленых фуражках. За продовольствием для него всегда ездили пограничники на тележке, в упряжке два ишака. У него тогда было двое детей: дочь и сын в возрасте примерно от 5 до 9 лет. О его жестокости знали, и боялись его не только мы, военные, но и особенно немецкое население. После его инцидента с капитаном комендатуры гор. Витниток он примерно через 2-3 недели улетел в Москву. Мы все легко вздохнули и втайне думали, что батя, И. В. Сталин, сделает внушение сыну. Однако каково было наше удивление, когда мы увидели на обложке журнала "Огонек" командующего военно-воздушным парадом в кабине самолета - В. Сталина. Причем обратили внимание на погоны, оказывается, ему было присвоено очередное звание генерал-лейтенант".

18 июня 1948 г. в двадцать семь лет Василий Иосифович Сталин примет пост командующего ВВС Московского военного округа. Приказ о его назначении подпишет Маршал Советского Союза Н. А. Булганин. Подпись его отца - И. В. Сталина - будет стоять под выпиской из постановления Совета Министров СССР от 11 мая 1949 года о присвоении ему звания генерал-лейтенанта авиации. Тогда же он был избран депутатом Верховного Совета СССР.

В своей жизни В. И. Сталин, как и его отец, решал все проблемы в духе того времени - приказами и устрашением. Он унаследовал черты характера отца, - был крайне нетерпим к возражениям. Он мог неожиданно, несправедливо и даже грубо обрушить упреки на кого угодно, у него совершенно отсутствовало чувство меры.

Высокий должностной пост, покровительство высшего руководства создали вокруг Василия обстановку вседозволенности и злоупотреблений. Он начал спиваться, не выходя неделями на службу. После неудачного авиационного парада в 1952 году отец сам подписал приказ о снятии сына с должности, в присутствии своих ближайших помощников обозвал его неучем, дураком.

Смерть отца потрясла Василия.

6 марта 1953 года первые полосы центральных газет появились в траурном обрамлении. Все они опубликовали сообщение: 5 марта в 21 ч. 50 мин. скончался И. В. Сталин. 9 марта на Красной площади состоялись официальные похороны, тело Сталина внесли в Мавзолей. А 26 марта генерал-лейтенант авиации В. И. Сталин в соответствии с Положением о прохождении военной службы офицерским составом был уволен из кадров Советской Армии в запас по статье 59 пункту "с" без права ношения военной формы одежды.

Апрель 1953 г. он провел в ресторанах, кутежах, понося всех и вся. В дни перед арестом он чувствовал себя неуютно. 23 апреля он приехал в штаб ВВС заплатить партийные взносы. Их у него не приняли. Оттуда он позвонил министру обороны Маршалу Советского Союза Н. А. Булганину, но тот отказался от разговора. 23 апреля Василий на улице встретил трех курсантов из Севастополя, прибывших в Москву для участия в майском параде. Он пригласил их к себе домой на Гоголевский бульвар. Накормил их. В кинозале показал им фильмы, играл с ними в бильярд и даже отдал им почти все наличные деньги, затем отвез их на Ходынское поле в подразделение. 28 апреля того же года его арестовали. Всплыли факты растрат, превышения власти. Военная коллегия Верховного суда СССР осудила его на 8 лет.

В марте 1955 года Василий из Владимирской тюрьмы был переведен в Москву, в Центральный госпиталь МВД СССР и помещен в терапевтическое отделение. Обострились болезни.

Вскоре его вновь вернули во Владимирскую тюрьму. Сюда к нему приезжали его сестра и жена, родственники, стремившиеся облегчить его участь. Светлана описывала эти дни так: "Этого мучительного свидания я не забуду никогда. Мы встретились у начальника тюрьмы в кабинете. На стене висел огромный портрет отца, под которым сидел в своем кресле начальник тюрьмы, а на диване перед ним Василий. Он требовал от нас ходить, звонить, говорить о нем, где только можно, выволить его из тюрьмы. Он был в отчаянии и не скрывал этого. Он метался, ища, кого бы попросить, кому бы написать. Он писал всем членам правительства, вспоминал общие встречи, обещая, уверяя, что будет другим.

Прошло почти семь лет после ареста Василия. Он потом говорил, что Хрущев принял его, как родной

отец. Они расцеловались и оба плакали. Все кончилось хорошо.

Василия оставили в Москве. В апреле 1960 года его вновь вернут в Лефортовскую тюрьму "досиживать" свои 8 лет. Отсюда он выйдет весной 1961 года. К этому моменту это будет полный инвалид: больная печень, прогрессирующая язва желудка".

Дочь Василия - Надежда Сталина рассказала:

"После смерти И. В. Сталина отец каждый день ожидал ареста. И на квартире, и на даче он был в полном одиночестве. Друзья и соратники покинули его. Аллилуева кривит душой, когда говорит, что отец провел последний месяц в пьянствах и кутежах. Он знал, что в ближайшие дни последует его арест. Видимо, поэтому он и просит меня быть с ним. Однажды, вернувшись из школы, я обнаружила пустую квартиру, отца уже увели, а дома шел обыск. Тогда многие документы пропали безвозвратно. Во 2-й Владимирской тюрьме отца содержали под фамилией Василия Павловича Васильева, я с мамой каждую неделю навещала его. Это были одночасовые встречи в обеденный перерыв. Отец любил наши приезды, очень их ждал. Во время встречи отец утверждал, что суда над ним не было. Часто, когда мы его ожидали, через открытую дверь в коридоре было видно, как его вели. В телогрейке, ушанке, в кирзовых сапогах, он шел слегка прихрамывая, руки за спиной. Сзади конвоир, одной рукой придерживающий ремень карабина, а другой державший палку отца, которую ему давали уже в комнате свиданий. Если отец спотыкался и размыкал руки, тут же следовал удар прикладом. Он действительно был в отчаянии. В письмах, которые передавал через нас и посылал официально, он доказывал, что его вины нет. Он требовал суда. Но все было бесполезно.

После перевода в Лефортово ограниченность в передвижении отрицательно сказалась на нем и во многом подточила его здоровье. Что касается его автомобильной катастрофы и заключения отца после этого в Лефортовскую тюрьму, то, на наш взгляд, она была устроена. Все это было на моих глазах, когда мы ехали с отцом. После выхода из Лефортово его сразу выслали из Москвы в Казань сроком на пять лет. Дальнейшую связь мы поддерживали с ним по телефону. 18 марта 1962 года он позвонил мне. Мы говорили долго. Он очень просил приехать. Встреча, к сожалению, не состоялась при его жизни. Смерть моего отца и до сегодняшнего дня для меня загадка. Заключения о его смерти не было".

Вероятнее всего, Василий действительно был заключен в тюрьму на основании решения Особого совещания КГБ СССР. Л. П. Берия, несомненно, завладевший после смерти И. В. Сталина многими его личными документами, среди которых, возможно, имелось досье и на Берию, да и на других руководителей, опасался, что Василий мог что-то знать об этом и где-то проговориться. Как человек безалаберный, Василий мог дать любой повод для ареста.

После смерти Василия Сталина 19 марта 1962 года остались семеро детей - четверо собственных и трое усыновленных.

* * *

Из всех детей И. В. Сталин больше всех любил Светлану.

Это видно из писем, которыми обменивались отец и дочь. Дочь писала ему в шутливой форме "приказы", а отец в ответах докладывал ей об их исполнении, ласково называл её хозяйкой. Если же она сердилась на отца, то грозила пожаловаться на него повару, на что

отец отвечал ей: "Пожалей меня. Если ты скажешь повару, то я совсем пропал".

"Сетанке-хозяйке.

Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твоё здоровье? Не хвораешь ли? Как проводишь время? Лельку не встречала? Как ты жива? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет как нет. Нехорошо. Ты обижаешь папку. Ну, целую. Жду твоего ответа.

Твой папка".

А вот другое:

"Здравствуй Сетанка!

Спасибо за подарки. Спасибо также за приказ. Видно, ты не забыла папку. Если Вася и учитель уедут в Москву, ты оставайся в Сочи и дожидайся меня. Ладно? Ну, целую.

Твой папка".

На сохранившихся фотографиях - счастливый отец, чаще в сапогах и кепке, рядом с дочерью или она у него на руках. Лица их радостны. Девочка одета нарядно. Во взглядах отца нельзя не заметить любовь к дочери.

После смерти матери жизнь Светланы проходила в основном в Кремле или на даче рядом с отцом. Отец следил за её учебой и почти каждый день интересовался ею, регулярно подписывал дневник. Дочкой он был доволен. Училась она хорошо. Но часто засиживалась допоздна, утром опаздывала на занятия. Как и Василий, в школу она ходила под наблюдением охранника, питалась отдельно от остальных учащихся. Учителя отмечали её склонность к литературе. Перед окончанием школы учительница литературы даже написала И. В. Сталину письмо, в котором говорила о целесообразности её поступления на филологический факультет. Того же хотела и Светлана. "В литераторы хочешь, - недовольно проговорил отец, - так и тянет тебя в эту богему! Они же необразованные все, и ты

хочешь быть такой... Нет, ты получи хорошее образование, ну, хотя бы на историческом. Надо знать историю общества, литературу - это тоже необходимо. Изучи историю, а потом занимайся чем хочешь".

Отец настоял на поступлении Светланы на исторический факультет МГУ, где она начала учебу в 1943 году. После его окончания её стремление к филологии было оценено отцом, получило его поддержку, и в итоге она поступила в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, после чего ей была присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

Во время празднования Нового 1952 года в присутствии многочисленных гостей отец преподал ей жестокий урок, когда она, уставшая, не захотела танцевать в кругу людей много старше её и бывших уже изрядно пьяными. В ответ на её отказ отец схватил её за волосы и, дернув, затащил плачущую в круг. Его отцовские чувства даже по отношению к дочери имели очень своеобразную форму выражения - он не мог терпеть неповиновения.

Светлана проявила себя способным литератором. Живя в СССР, она перевела с английского языка книгу "Мюнхенский сговор". Позже, уже за рубежом, написала и издала три книги собственных воспоминаний: в 1967 году - "Двадцать писем к другу", в 1970 году - "Всего один год", в 1984 году "Далекие звуки".

Смерть отца изменила жизнь дочери Сталина. Эту смерть она восприняла как страшную трагедию, как уход одного из самых близких ей людей, который любил её и которого любила она, кого она многие годы считала несильным, способным преодолеть все, хотя признаки надвигающейся старости не проходили мимо её глаз.

Сложно складывалась и личная жизнь Светланы, женщины совсем не красавицы, но с большими

сексуальными задатками, ибо в её крови была и часть цыганской. В семнадцать лет она увлеклась тридцатидевятилетним А. Я. Каплером. Это стало известно отцу. "Мне все известно, - сказал он. - Твой Каплер - английский шпион. - "А я люблю его! - сказала дочь. - Любишь?! выкрикнул отец с невероятной злостью к самому этому слову. Я получила две пощечины впервые в своей жизни. "Подумайте, няня, до чего она дошла! - он не мог больше сдерживаться, - идет война, а она занята..." - и он произнес грубые мужицкие слова.

Каплер провел в заключении десять лет.

Студенткой Светлана вышла замуж за Г. И. Морозова, еврея, сына заместителя директора научно-исследовательского института в Москве. Григорий учился в одном классе с её братом Василием. Он бывал в их доме, и вполне естественным выглядит её увлечение красивым молодым человеком.

Отец Светланы браку не препятствовал, но с её мужем не встречался. В их семейную жизнь Сталин не вмешивался. Этот брак распался через три года. От него у Светланы остался сын. Удивительно, как чутко реагировало сталинское окружение на изменения в родственных отношениях вождя. Буквально сразу последовала серия разводов на национальной почве. И первой этому примеру последовала дочь Маленкова Воля, которая развелась со своим первым мужем Шамбергом, хотя сам Маленков никогда антисемитом не был. Вскоре Светлана вышла замуж за Ю. А. Жданова, сына А. Жданова. Это был брак без особой любви, без особой привязанности, по здравому размышлению. Это замужество также не принесло Светлане счастья. Вскоре они расстались. Дочь Ю. А. Жданова Катю Светлана воспитывала без мужа.

После окончания школы Светлана жила отдельно от отца. По её просьбе ей была выделена хорошая

квартира в "доме на набережной". В ней она прожила вплоть до 1967 года. После её отъезда из СССР некоторое время в ней жил её сын Иосиф.

Не удался и следующий брак: со Сванидзе Иваном Александровичем, дело о разводе рассматривалось в нарсуде Тимирязевского района.

После 1953 года Светлана часто меняла работу. Она работала в Литературном институте, потом в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Вероятно, работа удовлетворения не приносила. Существенно изменилось и отношение к ней со стороны многих знавших её людей - от заискивания до вражды, от прежних симпатий до отчуждения.

Она обратилась к религии. "Я крестилась в Москве в мае 1962 года. Я, безусловно, верующий человек, хотя формальная принадлежность к церкви и формальные ритуалы имеют для меня очень малое значение". Обращение к Богу, но всей видимости, отражало поиски новых нравственных ориентиров в результате глубокого разочарования во всем своем окружении, да и в самой себе. Имея прекрасные профессиональные способности, высокую научную квалификацию, она тем не менее потеряла всякую профессиональную перспективу.

И Светлана уехала из СССР, бросила все, даже своих детей, близких друзей. Ее официальная версия: "...Мое невозвращение в 1967 году было основано не на политических, а на человеческих мотивах. Напомню здесь, что, уезжая тогда в Индию, чтобы отвезти туда прах близкого друга-индийца, я не собиралась стать дефектором, я надеялась тогда через месяц вернуться домой. Однако в те годы я отдала свою дань слепой идеализации так называемого "свободного мира", того мира, с которым мое поколение совершенно было незнакомо".

После отъезда Светланы из СССР её лишили советского гражданства. За рубежом же ей посвящали

свои страницы самые престижные органы печати.

Светлана рассказала о том, как она писала свои книги: "Я уже сказала, что с самого первого момента, как только попала в Соединенные Штаты, я оказалась в руках, во-первых, очень сильной адвокатской фирмы из Нью-Йорка, которая была, так сказать, рукой правительства во всем этом. Еще в Швейцарии в 1967 году мне дали подписать ряд легальных бумаг, смысл которых я не могла понять, и этот смысл не был мне объяснен. Эти документы, подписанные мною, поставили меня в положение совершенной несправедливости: как автор, я лишалась всех прав на свою книгу, я должна была делать то, что эта фирма говорила. Я помню, как мне предложили поехать туда, потом поехать сюда. Я бы хотела первые месяцы быть в Нью-Йорке, чтобы посмотреть этот город и все, что там есть. Нет, меня все время пересылали из одного места в другое, что было малоинтересно.

Дальше. Моя первая книга мемуаров "Двадцать писем к другу". Эта фирма находилась в очень тесном контакте с Государственным департаментом и с ЦРУ. Дальше возник вопрос о второй книге, потому что мои мемуары о детстве и о семье Америку не удовлетворяли. Написание книги "Всего один год" было буквально коллективным творчеством. Моими страницами была глава об Индии. Тут я писала все, что хотела. В дальнейшем мне начали говорить и подсказывать, что писать, чего не писать, исключить всю историю о том, как мы летели из Дели через Рим в Швейцарию, что и почему. Рукопись читалась и перечитывались целым рядом лиц, большинство из которых я упомянула в конце, выразив им всем ироническую благодарность, против чего они не возражали. Но некоторые лица были там даже не упомянуты, потому что не принято называть имена лиц, которые работают в Интеллидженс".

"Сияющее от радости лицо Светланы, дочери Сталина, изысканное американское общество впервые увидело её в 1967 г., когда она приехала в США. Изящная, жизнерадостная женщина 41 года с рыжими, вьющимися локонами, розовыми щеками, робкими голубыми глазами и привлекательной улыбкой, казалось, светилась чувством добра и искренности. Казалось также, что она одновременно и наслаждалась своей известностью - феноменальным успехом своей первой книги "Двадцать писем к другу", которая принесла ей полтора миллиона долларов. Появившиеся поклонники стали посылать ей домой в Принстон (штат Нью-Джерси) цветы, письма, всевозможные подарки и даже предложения на брак. В общественных кругах и кругах деловых людей не без успеха ухаживали за ней", - так писал о ней журнал "Шпигель" в мае 1985 года.

В дальнейшем Светлана получила приглашение погостить от вдовы архитектора Райта, урожденной Лазович, в свое время приехавшей из Грузии. Через три недели после приезда к ней Светлана вышла замуж за В. В. Питерса, главного архитектора "Танзимет-Веста". От этого брака 21 мая 1971 года родилась дочь Ольга, которая в 1978 году получила гражданство США.

Брак С. И. Аллилуевой с В. В. Питерсом был непродолжительным. В 1972 году он был расторгнут, а она получила права родительской опеки.

Вот как охарактеризовала С. Аллилуева своего мужа: "...Архитектор Вильямс Весли Питерс - слабый человек. Он делает то, что ему говорят... Он вступил в брак со мной, потому что так хотели окружавшие его сотрудники и боссы. И он сделал это, переоценив мое финансовое благополучие. Как только он выяснил эту переоценку, так весь его интерес к его семье и новорожденной дочери улетучился. Наш брак распался очень скоро, менее чем через два года. В соглашении, подписанном им в июле 1972 года в городе Феникс,

штат Аризона, в конторе фирмы "Люкс энд Рока", он отказался в мою пользу от всех прав на нашу дочь, предоставив мне всю полноту опеки над ней. С тех пор он не потратил ни копейки на её воспитание, а своим правом посещения постоянно пренебрегал, посетив её всего лишь четыре раза за 12 лет! Меня удивляет его интерес к дочери теперь, хотя я должна бы помнить, что мистер Питерс всегда с удовольствием откликался на интервьюирование и считал, что личная реклама полезна для популяризации его архитектурной фирмы. Я сделаю со своей стороны все возможное, чтобы осмеять его неуклюжие попытки вмешаться через столько лет в жизнь нашей дочери. Он сделал сам все возможное, чтобы отдалить девочку от себя, и в результате она его очень мало знает".

В дальнейшем С. Аллилуева жила в нескольких городах США, а до приезда в СССР, - в Англии. В 1984 году в Индии была издана её книга воспоминаний "Далекие звуки". От издания этой книги особого удовлетворения она в отличие от "Двадцати писем к другу" не получила.

Возвращение её на Родину говорит о том, что, видимо, то, что она хотела найти за её пределами, сделать ей это не удалось.

Вот текст её заявления для прессы от 16 ноября 1984 года:

"Попав в этот самый "свободный мир", я не была в нем свободна ни одного дня. Там я была в руках бизнесменов, адвокатов, политических дельцов, издателей, которые превратили имя моего отца и мою жизнь в сенсационный товар. Я стала в эти годы любимой дрессированной собачкой Си-ай-эй (ЦРУ), тех, что дошли даже до того, что стали говорить мне, что я должна писать, о чем и как. Старый друг, швейцарский адвокат доктор Питер Хафтер из Цюриха, хорошо знает из личной переписки со мной, как быстро испарился мой

идеализм по отношению к Америке. Продолжать сегодня идеализировать США было бы совершенно невозможно. Я знаю многих, кому возвратиться домой мешает только страх перед возможным наказанием. Я говорю о тех, кто, как и я, остался там, одурманенный идеализмом псевдодемократии. Те, кто ехал туда, чтобы разбогатеть, они разбогатели, конечно, и процветают. Им там хорошо.

Все эти годы меня не покидало чувство глубокой вины. Сколько я ни старалась вполне искренне жить так, как все американцы, и наслаждаться жизнью, у меня этого не получилось. Позже я сделала попытки переехать в какую-нибудь мирную, небольшую страну вроде Швейцарии, Швеции, Греции, даже, может быть, в Индию, но мне удалось лишь только два года назад выбраться в Англию. Это к вопросу о свободе. То, что я хотела, я сделать не могла. Я только сумела выехать в Англию. Только тогда и только там возник наконец контакт с моим сыном через переписку и телефон. До того я была совершенно отрезана от всякой информации о моих детях.

Моя жизнь за границей постепенно утрачивала всякий смысл. Моей целью было не обогащение, а жизнь среди писателей, художников, интеллигенции. Я хотела заниматься фотографией, языками. Однако из этого ничего не вышло".

Возвратившись на Родину после почти восемнадцатилетнего отсутствия, Светлана встретила теплое отношение. Москву она увидела неузнаваемо изменившейся. Она с удовольствием встречалась со своими родственниками, беседовала с ними, старалась найти контакты, восстановить добрые отношения.

В Москве она не осталась. Она выехала в Тбилиси, объяснив это своей привычкой жить в небольших городах, вдали от столичной суеты. До этого в Грузии она бывала несколько раз. В Грузии, как и в Москве, её

встретили с большим пониманием. Она поселилась в двухкомнатной квартире улучшенного типа, ей было установлено денежное содержание, специальное обеспечение и право использования для поездок государственного автомобиля. В Тбилиси она встретила свое шестидесятилетие, которое было отмечено посещением музея её отца. Дочь её ходила в школу, занималась конным спортом. Но что-то, однако, и здесь её не устроило. Вскоре она начала срываться, в гневе обрушиваясь на дочь, на знакомых, устраивала скандалы. Окончательно оттолкнула от себя сына, который, несмотря на устроенный ему ранее скандал, попытался вновь наладить с ней отношения, когда она лежала в больнице на обследовании. Многие тбилисцы не раз были свидетелями её скандалов с дочерью Ольгой. А её старшая дочь так и не встретила с ней.

Прожив неполных два года в Советском Союзе, С. Аллилуева направила в ЦК КПСС письмо с просьбой разрешить ей выезд из СССР, мотивировав его отсутствием взаимопонимания с детьми. В Москве ей такое разрешение было дано незамедлительно, и она покинула во второй раз свою Родину, сохранив за собой двойное гражданство - СССР и США.

Своими впечатлениями от встреч со Светланой Аллилуевой поделился её племянник Е. Я. Джугашвили (сын Якова Джугашвили):

"Первое, что меня поразило, удивило и насторожило, - это нежелание С. Аллилуевой видеть своего сына Иосифа с женой у меня дома, куда я её пригласил на ужин. В моем доме в их адрес были сказаны оскорбительные слова.

Спустя какое-то время С. Аллилуева написала письмо моей жене, где советовала бросить меня и самой воспитывать "прекрасных деток". Как я потом выяснил, развестись с женой она требовала и от Иосифа.

При всей её довольно скромной одежде, я уверен, она постоянно ощущала на своей голове корону и часто пускала в ход приказные формулировки, а свою дочь неоднократно обижала. Работники музея в Гори были свидетелями её повелительных распоряжений и требований особого внимания к её персоне...".

После выезда из СССР Светлана Аллилуева поселилась в Англии.

Жизнь наградила её суровой и во многом драматической судьбой. Так уж устроен мир, что детям часто приходится расплачиваться за деяния своих родителей. Ее отец оставил в наследство суровое и очень противоречивое отношение к ней окружающих. Чтобы все это вынести, надо обладать очень сильным характером. Светлана же как женщина, как впечатлительный человек, к тому же с травмированной психикой, вынести этот тяжелый груз не смогла.

УНИЧТОЖЕНИЕ СЕМЬИ АЛЛИЛУЕВЫХ

После смерти Надежды, жены Сталина, уничтожение семьи Аллилуевых не заставило себя долго ждать.

Первый выбор Сталина пал на старшего брата Павла и его жену Евгению Александровну. Павел Сергеевич, похожий на младшую сестру и внешне, и внутренне, только, пожалуй, более мягкий, был профессиональным военным. Во время гражданской войны он воевал под Архангельском, в Туркестане.

После окончания гражданской войны стал участником экспедиции на Крайний Север. На реке Норилке экспедиция обнаружила запасы каменного угля и железной руды. Позже здесь был основан город Норильск. В конце двадцатых годов Павел работал в Германии в качестве военпреда. В 1938 году, выйдя на работу после очередного отпуска, генералу Аллилуеву стало плохо, и он умер в своем кабинете от сердечного приступа - так на него подействовали массовые аресты

сотрудников его управления. Через десять лет, в 1948 году, эту внезапную смерть вспомнит Берия и использует её против вдовы Павла Аллилуева Евгении Александровны. Ей предъявили обвинения в отравлении мужа и осудили на десять лет, а освободили лишь в 1954 году.

Трагично сложилась судьба старшей сестры Анны. Она рано вышла замуж за Станислава Францевича Реденса - польского большевика. Реденс работал в ЧК на Украине, в Грузии. В Тбилиси он повстречался с Берией и сразу не понравился ему. Лаврентий Павлович сделал все возможное, чтобы выжить Реденса из Грузии. Был найден благовидный предлог - перевод в московскую ЧК. На первых выборах в Верховный Совет СССР в 1936 году Реденса избирают депутатом. Но в 1938 году в Москве появляется Берия. Реденса сразу же откомандировали в Казахстан, и он с семьей переехал в Алма-Ату. Пробыл там недолго - вскоре его вызвали в Москву. Ехал с тяжелым чувством. Оно оправдалось - к семье он уже никогда не вернулся.

За Реденса пытались вступиться Павел Аллилуев, когда он был ещё жив, и А. Сванидзе. Но Сталин был непреклонен. Как пишет Светлана Аллилуева, отец не терпел, когда вмешивались в его оценки людей. Если он выбрасывал кого-либо, давно знакомого ему, из своего сердца, если переводил в своей душе этого человека в разряд "врагов", то невозможно было заводить с ним разговор об этом человеке. Сделать "обратный перевод" его из врагов, из мнимых врагов, назад - он не был в состоянии и только бесился от подобных попыток.

Реденса расстреляли, и Сталин сам сообщил об этом его жене. После этого Анну Сергеевну перестали допускать в Зубалово и тем более в кремлевскую квартиру Сталина. Старики Аллилуевы, потрясенные смертью двоих детей, оплакивали зятя, пытались, как могли, поддержать старшую дочь. Анна Сергеевна

просила помощи у старых друзей мужа - Ворошилова, Молотова, Кагановича. Она не верила, что Реденс расстрелян. Ее принимали, угощали чаем, старались утешить - и только.

В 1947 году вышла книга, написанная Анной Сергеевной. Это были воспоминания о революции, о семье Аллилуевых. Ознакомившись с ней, Сталин пришел в бешенство. В результате автор воспоминаний в 1948 году вместе с вдовой брата Павла получила десять лет одиночного заключения.

Вернувшись в 1954 году из тюрьмы совсем больным человеком, Анна Сергеевна не узнавала своих взрослых сыновей, сидела целыми днями в комнате, равнодушная ко всем новостям: что умер Сталин, что не существует больше заклятого врага их семьи Бериин. Тяжелая форма шизофрении поразила её. Она умерла в 1964 году в больничной палате. После десяти лет тюремной одиночки она боялась запертых дверей. В больнице, несмотря на протесты, её запирали на ночь. Однажды утром её обнаружили мертвой. До последних своих дней она верила, что Реденс жив, несмотря на то, что ей прислали официальное извещение о его посмертной реабилитации.

Еще до смерти Нади судьба сломила её брата Федора, способного молодого человека, имевшего склонности к математике, физике, химии. Он сошел с ума, участвуя в действиях боевых дружин Камо в Тифлисе. Однажды Камо инсценировал налет на отряд. Все разгромлено, все схвачены и связаны, на полу - труп командира, рядом валяется окровавленный комок - его сердце. Что будет делать боец, захваченный в плен? Это испытание Федор на выдержал и в результате нервного потрясения стал инвалидом. Всю жизнь он не работал, получал пенсию.

СПОСОБНОСТИ И ХАРАКТЕР

Сталину в начале 1917 года шел 38-й год. Он в то время находился в Красноярске. Призванный вместе с группой ссыльных в армию, Сталин не прошел медкомиссию из-за слабой левой руки.

А ссылка заканчивалась, ему разрешили остаться в Красноярске. Большую часть свободных вечеров он проводил у Л. Б. Каменева, на этих вечерах встречался с другими ссыльными.

Представьте себе такую сценку. Все сидят за столом и ужинают. На столе вареная свекла в миске, картошка, селедка, хлеб.

Один из сидящих за столом спрашивает Сталина:

- Ты свеклу ел?

- Ел половинку.

- Ты её хотя бы очистил?

- Да, ножом соскреб кожу.

- А чего ты только половину очистил?

- А мне больше не нужно!

Вопрошающий ничего больше не говорит, но удивленно смотрит на Сталина.

Обычно все чистили свеклу друг для друга - кто первый за неё брался. Но чтобы половинку - потому, что ему лично больше не нужно?

И так во всем. Сталин мыл только свой стакан, тогда как один из них всегда мыл посуду за всех.

Во время ужина на стол ставились глиняные миски с едой, из которых каждый накладывал себе в тарелку. Как поступал Сталин? Он просто пододвигал к себе миску с понравившейся едой, совершенно не считаясь с желаниями других, просто не думая о них.

Что это - эгоизм, невоспитанность?

Возможно, это и невоспитанность, но не эгоизм. Когда Сталин умер, у него не оказалось никакого личного имущества, а только 900 рублей на сберкнижке, впоследствии обнаружили ещё 30 тыс. рублей.

Сравним этот случай с другим примером. Когда умер другой великий человек - Наполеон, у него на "сберкнижке" оказалось 550 миллионов франков - сумма огромная даже на первую четверть XIX века.

Так кем же был Сталин? Да, он был великим человеком, но очень жестоким. Из истории известно, что почти все диктаторы и деспоты были жестокими людьми.

Те два примера, которые мы привели, могут свидетельствовать о том, что Сталин был невоспитан в широком смысле этого слова.

При этом Сталин был целеустремленным человеком и делал только то, что считал нужным, и никто не мог помешать ему. Это маленькие штрихи, но они характеризуют человека.

"Он принял Россию с сохой и оставил её оснащенной атомным оружием"; объективным наблюдателям со стороны он "казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов", к тому же И. В. Сталин "был необычайно сильной личностью".

Сталин был гением, и, возможно, если иметь в виду жесточайшие репрессии во время его правления, то его можно назвать ещё и "кровавым гением" строительства социализма в России.

Вышеприведенные определения Сталина как личности принадлежат его классовому врагу У. Черчиллю, бывшему премьер-министру Англии в годы второй мировой войны, и сказаны им в 1959 году:

"Большое счастье для России. что в годы тяжелых испытаний её возглавлял гений, непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычной энергии, эрудиции, неsgiбаемой воли, резким, жестоким, беспощадным как в деле, так и в беде, которому я, воспитанный в

английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам. В его произведениях всегда звучала исполнительская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логическим и осмысленной мудростью, был непревзойденным мастером находить пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты несчастья и торжества оставался одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Сталин был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой и оставил её оснащенной атомным оружием. Нет, что бы мы ни говорили о нем, - таких история и народы не забывают". (Британская энциклопедия. Речь произнесена У. Черчиллем 23.12.1959 г.)

К способностям И. В. Сталина следует отнести и феноменальную память. Такая память - признак великих людей. Подобной памятью обладал и Наполеон. Она нужна им, чтобы уметь в уме сопоставлять мельчайшие детали дела, которым они заняты, уметь запомнить образы, эмоции, чувства, звуки и

накладывать их (сравнивать) даже через двадцать лет на схожие события и быстро реагировать, т. е. приходиться к правильным решениям. (Конечно, не каждый человек, обладающий хорошей памятью, становится великим.)

В характере И. В. Сталина - постоянное напряжение и неослабное внимание к делу, которым он занимался, или к лицу, с которым встречался. Он умел безжалостно отбрасывать все условности, сдерживающие его или препятствующие ему на пути к успеху своего дела. Он всегда готов был отразить коварство или обман. Он требовал от людей полной откровенности и сам стремился донести до других только самую суть дела, без лишних слов. Он мог быть и терпеливым, и снисходительным, но если он воспринимал людей, их поступки, их высказывания как препятствие на своем пути, в своем деле, он считал их врагами и беспощадно уничтожал. Это особенно выявлялось тогда, когда он считал, что его обманывают, "предают" - во всех случаях он приходил в бешенство, но внешне был сдержан. Помогало ему реально видеть действительность то, что он не был отягощен человеческими слабостями: жадностью, чревоугодием, похотью. Его характеризовала также определенная нервозность, при которой он умел хорошо себя сдерживать, и почти никто не мог понять (жена, дочь, окружающие соратники, исключением был Л. Берия), что его мучает.

Римскому писателю Публию Сервилию принадлежит известный афоризм: "Когда двое делают одно и то же, получается не одно и то же". Так вот, И. В. Сталин "одно и то же" всегда стремился делать сам, а если из "двух" второй ему мешал, то он его уничтожал.

ЛЮБОВНИЦА - АРТИСТКА БОЛЬШОГО ТЕАТРА

После смерти жены Сталин не встречался со случайными женщинами, а искал более или менее

постоянные связи.

В основном он находил себе женщин среди артисток Большого театра, посещал этот театр часто, после спектаклей беседовал с артистами в своей ложе.

Известная певица Галина Вишневская рассказывает о Сталине: "Говорил он очень медленно, тихо и мало. От этого каждое его слово, взгляд, жест приобретали особую значительность и тайный смысл, которых на самом деле они не имели, но артисты потом долгое время вспоминали их и гадали, что же скрыто за сказанным и за "недоговоренностью". А он просто плохо владел русским языком. Вероятно, он, как актер, уже давно набрал целый арсенал выразительных средств, безотказно действовавших на приближенных, и применял их по обстоятельствам".

Вот как Сталин приглашал к себе в постель женщин:

"...В середине тридцатых генсек увлекался известной балериной Большого театра. Как вспоминал И. М. Гронский, Сталин нередко возвращался от неё в Кремль в два-три часа ночи. Позднее ему приглянулась прославленная меццо-сопрано, исполнительница главных ролей в спектаклях Большого. Ее почтительно называли "царь-бабой" за эффектную внешность, редкую красоту. Осенью 1937-го на одном из кремлевских приемов к ней подошел охранник и сообщил, что после концерта проводит её к Вождю.

Певица содрогнулась. Нечистоплотный уродец, он же вдвое старше ее!.. Как он смеет!.. Певица пожаловалась на свою судьбу сидевшей рядом Зинаиде Гавриловне, вдове Орджоникидзе, но... пошла. Неповторимо прекрасная царская невеста из оперы Римского-Корсакова попала в каменные чертоги генсека.

И вышла оттуда лауреатом Сталинской премии. Потом ещё и ещё раз получала эту премию. Под конец

жизни Сталин зачислил народную артистку в партию". (Из книги А. Антонова-Овсеенко. Театр Иосифа Сталина. М., 1995, стр. 132-134)

К оперной певице Вере Александровне Давыдовой Сталин приглядывался давно, ещё до смерти жены. Из Ленинграда, где она пела в Мариинском театре, "перетацил" в Москву, на ведущие оперные роли в Большом театре.

Вот как вспоминает В. А. Давыдова о первой встрече со Сталиным:

"Дома в кармане шубки я обнаружила записку: "Около Манежа Вас будет ожидать машина. Шофер доставит Вас на место. Записку сохраните". Почерк незнакомый. Подписи нет. Ощутила жуткий страх. Посоветоваться не с кем, время позднее. На улице холодная, зимняя вьюжная ночь. Сопоставила отдельные факты. Вспомнила, как Сталин смотрел на меня во время первой встречи в ложе Большого театра. Почему в этот новогодний вечер я оказалась рядом с ним за столом? Стала отгонять навязчивую мысль, что он просто влюбился. Взяла себя в руки. В конце концов, красивые женщины созданы для того, чтобы нравиться мужчинам. Во все века об этом писали мудрецы, философы, поэты, драматурги.

У ворот Кремля ко мне подошел человек средних лет. Он вежливо поздоровался, испытующе взглянул на меня, затем сказал:

- Вас ожидает автомобиль, в машине согреетесь, на улице нынче зябко, тридцать два градуса мороза.

Высокий, худой незнакомец проводил меня до машины, предупредительно открыл дверцу, помог сесть. Заревел мотор, машина набирала скорость. Показались очертания Киевского вокзала, старые домики Дорогомилловской заставы. Мы подъехали к глухому забору. Шофер просигналил. Из караульного помещения вышли военные и штатские.

- У вас, дамочка, какие документы имеются? - спросил дядя исполинского роста, по-видимому, старший. Предъявила паспорт и удостоверение личности. Ворота автоматически открылись. Показался красивый особняк, похожий на старинную усадьбу конца XVIII века. Молчаливая женщина провела меня в уютную гостиную. Раскрасневшаяся с мороза, я прямо в шубе плюхнулась на диван.

- А, вы уже здесь, В. А.? - услышала я знакомый, нерусский гортанный говор Сталина.

- Да, Иосиф Виссарионович, мы только что приехали.

- Сейчас распорядимся, чтобы вас раздели.

Женщина взяла шубу, муфту, шапочку, перчатки. Взгляд её больших серых глаз ничего не выражал.

- Вы, наверное, проголодались? - мягко проговорил Сталин. - Пойдемте в столовую. Там, кажется, для нас накрыли стол. В нашем доме не надо стесняться.

Как приятно ступать по мягкому, пушистому ковру! На небольшом столе ажурная белоснежная скатерть. Два прибора, изысканная посуда. Вилки, ножи, ложки из старого добротного серебра.

Нас угощает приветливая, немолодая русская женщина. Таких деликатесов не имел даже избалованный буфет Большого театра. При виде яств ощутила волчий аппетит. С наслаждением пила ароматные вина столетней давности. Не верилось, что в первый день января я ем свежие огурцы, редис, помидоры, груши, яблоки. Немного обалдела. Увидев мое смятение, Сталин тихо сказал:

- Вам из наших скромных запасов приготовят вино, икру, рыбу, сладости, овощи, фрукты.

- Большое спасибо, И. В.! Время теперь позднее, пора собираться домой, да и Вы, наверно, устали?

- В. А, нам нужно серьезно поговорить. Если не возражаете, пройдемте в другую комнату, нам там никто не будет мешать.

Понять Сталина трудно: акцент ужасный. Переспрашивать не решилась. После крепкого горячего кофе, вкуснейшего грога стало совсем хорошо. Боязнь и растерянность улетучились. Я пошла за ним. Оказалось, что И. В. ростом ниже меня. Мы вошли в комнату, где стояла большая низкая кушетка. Сталин попросил разрешения снять френч. На плечи он накинул восточный халат, сел рядом, спросил:

- Можно потушить свет? В темноте легче разговаривать. Хочется побеседовать с Вами по душам.

Не дождавшись ответа, он погасил свет. Я очутилась в темноте. И. В. меня обнял. Я смолчала. Он умело расстегнул кофточку. Сердце мое затрепетало.

- Товарищ Сталин! Иосиф Виссарионович, родненький, не надо, я боюсь! Пустите меня домой!..

На мой жалкий лепет он не обратил никакого внимания, только в темноте загорелись ярким пламенем его звериные глаза. Я ещё раз попыталась вырваться из его цепких объятий, но все было напрасно. Путь к отступлению был отрезан. Сталин продолжал меня целовать, ласкать, его щетинистые усы кололи лицо, подбородок, впивались в глаза...

Утром привела себя в порядок, перекусила. Чисто выбритый, надушенный Сталин спросил:

- В. А., как Вы себя чувствуете?

Я промолчала. Он попросил вернуть записку и тут же порвал её на мелкие клочки.

- В. А., вы получили квартиру?

- Нет, И. В. Живу в театральном общежитии, собираюсь снять комнату в общей квартире.

Сталин улыбнулся:

- Надеюсь, вы умеете молчать и не станете распространяться относительно того, как мы вместе провели новогоднюю ночь?

- Конечно, товарищ Сталин!

- Можете называть меня по имени-отчеству.

Во время прощания его серо-коричневые глаза с налетом желтизны снова вспыхнули

Мороз вернул силы. Сгибаясь под тяжестью сталинских даров, шофер внес в мою комнату коробки с продуктами...

Я на каждом шагу чувствовала его внимание, понимала, что он не отстанет до тех пор, пока не найдет лучшей замены. Устраивала ли меня такая перспектива? Сталину было 54 года, мне - 28. Разница огромная! Но могла ли я воспротивиться и восстать против его притязаний? Он был хозяином положения. В любую минуту по его прихоти могла наступить творческая и физическая смерть.

Прошел месяц. За это время он ни разу не появился в театре. В последнюю субботу, когда выходила из служебного подъезда, ко мне подошел шофер Василий Петрович.

- Если, В. А., вам надобно домой, можем отвезти и немного подождать.

Понравилась мне предупредительность шофера. Дома сняла грим, переоделась: я знала, что Сталин не любит декольтированные платья. Ради него надела туфли на низких каблуках.

Василий Петрович попросил меня сесть на заднее сиденье. Обратила внимание, что темные занавески на окнах были задернуты. Снова знакомая дача. Кругом стоит патриархальная тишина. Прислуживающие дядьки-роботы с бесцветными глазами помогли раздеться. Не заметила, как появился Сталин.

- Нам сказали, что Вы, товарищ Давыдова, получили замечательную трехкомнатную квартиру.

- Огромное вам спасибо! Квартира действительно чудесная. И. В., я очень Вас прошу, называйте меня тоже по имени-отчеству.

Сталин побагровел:

- Запомните, Вера Александровна, нас нельзя перебивать и тем более учить, перечить, указывать. Мы достаточно хорошо знаем, как и с кем надо говорить.

Глаза его наливались злобой. Я была не рада, что так опрометчиво его перебила. Сталин, разозлившись, ушел, хлопнув дверью. Я остолбенела, не понимая и не зная, что мне делать, как дальше себя вести.

Через час всесильно-вельможный кавалер, готовый выполнить любую женскую прихоть, вошел в гостиную.

- Кушать хотите? - спросил он просто.

- Спасибо, я сыта, поужинала в театре. С удовольствием выпью чашечку кофе.

В спальне он проговорил, дымя трубкой:

- Хочу увидеть тебя голую при свете, не надо стесняться. Ты обязана мне во всем помогать. - Сталин аккуратно сложил свое белье. - Ну, что Вы сидите, как истукан! Мы зря теряем драгоценное время.

- И. В., родной, разве с женщинами так разговаривают?

Сталин потушил свет, потом хрипло позвал. Я пошла на голос в кромешную тьму...

Он принес очищенные апельсины, груши, напитки, орешки, миндаль, вино, шоколад. Я ни к чему не притронулась. Вытянув ноги, отдыhalа.

- Верочка, когда находитесь в гостях, не следует обижать хозяина, тем более кавказца.

Случайно на ночном столике увидела книгу профессора Фореля "Половой вопрос".

- Можете взять, - вяло проговорил И. В., - книга поучительная. Это наш подарок.

Я ни о чем его не спрашивала, знала, что придет время, когда он сам захочет рассказать о самом личном и сокровенном.

И. В. заснул. Мне тоже удалось задремать. Разбудило ласковое прикосновение его рук.

- На пути нашем не будет остановок и привалов, - сказал он, - мы идем дальше. Ты красивая, возбуждаешь, горячишь кавказскую кровь. Мне трудно сдерживать себя...

Утром он тихо встал. Ушел, не попрощавшись. Экономка-домоправительница ласково проговорила:

- В. А., вы очень хорошо сделали, что к нам приехали. Мы всегда рады людям. Я вот для вас завтрак приготовила: салатик, бифштексик из вырезки, картошечку поджарила, какао сварила. Все свеженькое, откушайте, не обессудьте, а то И. В. обидятся, подумают, что вы нашими харчами пренебрегаете.

Я с аппетитом поела. Молчаливая женщина принесла одежду. У старухи глаза черные навывкате, нос широченный, губы тонкой змейкой, зубы стиснуты вот ударит!" (Здесь и далее приводятся цитаты о любовных связях В. А. Давыдовой с И. В. Сталиным из книги Леонарда Гендлина "Исповедь любовницы Сталина", Минск, 1994, сс. 8, 30, 321-322, 340-347, 373, 390).

Во время встреч с Давыдовой И. В. Сталин делал ей различные замечания, например в таком духе:

"Когда кипит кровь, ей надо дать возможность остыть, а потом найти для неё благоприятный выход...

Когда тебе хочется, ты умеешь ласкать! Вам, артистам, особенно балеринам и певицам, верить нельзя. Правду у вас все равно не узнаешь".

Еще об одной встрече со Сталиным состоявшейся перед самой войной, рассказывает В. А. Давыдова:

"Поезжай в Сочи, одна будешь жить на даче. Могу с тобой отправить Поскребышева. Он, бедный, тоже переутомился, несколько лет работает без отдыха. Будет охранять тебя от злых духов!

- Спасибо, милый!

От моих слов И.В. зарделся. Он почувствовал себя снова молодым и сильным, как в старые добрые времена.

- К тебе ещё пристают телки из Большого?
- Только Барсова шипит. У нее, по-видимому, начинается климакс.
- Скоро утихомирится! Верочка, ты в чем-нибудь нуждаешься?
- Я мечтаю поменять квартиру.
- У тебя сколько комнат?
- Три.
- Для одного человека совсем неплохо, бывает и хуже. Так и быть, за хорошее поведение прибавим ещё одну, получишь 4-комнатную квартиру в центре Москвы. Это будет скромный подарок к твоему возвращению из отпуска.

Мои руки обвили его дряблую, морщинистую шею.

- Верочка, чем объяснить, что ты изменилась в лучшую сторону? Ты была совсем другой. Кто растопил лед в твоём сердце?

Не ответила, боясь, что он может подумать, что я приласкалась к нему из-за лишней комнаты. От Сталина всего можно было ожидать.

- Как обстоят твои финансовые дела?

- Спасибо, все в порядке.

Отдыхала в тиши, никто нас тревожил. Сталин звонил только по воскресным дням. Персонал на даче тот же. Два раза в неделю показывали заграничные фильмы. В моем распоряжении лодки, яхты, автомобили с шоферами, врачи, городской комитет партии и все чиновники горисполкома. В порядке подхалимства они предложили устроить несколько сольных концертов. Я отказалась. Наслаждалась морем и воздухом, на яхте и автомобиле объехала весь Кавказ и Крым. Восхитительно прошел последний мой довоенный отпуск.

В Москве в аэропорту меня встретил представительный молодой человек:

- В. А., мне поручено показать вам новую квартиру.

Я забыла об обещании Сталина. Квартира понравилась - большая, просторная, уютная и удобная. Уже была завезена роскошная мебель, чудесная посуда, даже номер телефона остался тот же. Вечером переехала. И. В. все предусмотрел. Ночью меня с ним соединили.

- Дорогой, я звоню из новой квартиры. Тронута. За все спасибо".

* * *

В прежних биографиях И. В. Сталина мы можем найти такую фразу: "Сталин наиболее верный и до конца последовательный ученик Ленина".

И это верно. Можно утверждать, не боясь ошибиться, что без Ленина не было бы и Сталина.

Все, что делал Сталин, основано на трудах Ленина, хотя некоторые из положений "ленинизма" Сталин очень способно развил уже в своих трудах применительно к новым условиям построения социализма в России.

Сам о себе Сталин говорил: "Что касается меня, я только ученик Ленина и моя цель - быть достойным его учеником".

Но не во всем Сталин был верным учеником Ленина. Он не был холоден, как Ленин, с женщинами. У него были красивые молодые любовницы и не одна, как у Ленина. У Ленина не было детей, у Сталина было трое "законных" рожденных в браке и несколько внебрачных.

В сибирской ссылке у Сталина родился сын от местной женщины. Семья Сталина знала об этом, но ребенок не получил фамилию отца. Его рождение и существование стали в советское время государственным секретом. Из-за этого его нарекли другим отчеством и дали другую фамилией. Сын Сталина стал называться Константином Степановичем Кузаковым. Закончил вуз в Ленинграде, а венцом его успехов стали посты заместителя начальника

управления пропаганды ЦК ВКП(б) и первого заместителя министра кинематографии СССР.

Из рассказа К. Кузакова о своем рождении и своей судьбе главному редактору информагенства "Росинформ" Е. Жирнову ("АиФ", № 39, 95):

- Константин Степанович, когда вы впервые узнали о том, что Сталин ваш отец?

- Я был ещё совсем маленьким... У нас в Сольвычегодске на пустыре недалеко от нашего дома ссыльные устроили футбольное поле, и я часто бегал туда смотреть на игру. На краю поля подбирал мячи и подавал игрокам. Тогда, конечно, я не понимал, насколько сильно отличаюсь от своих сверстников. Черные-пречерные волосы, словом, ребенок, как теперь говорят, кавказской национальности. На меня все поглядывали с любопытством, и как-то заметил, что один ссыльный пристально смотрит на меня. Потом он подошел ко мне, спросил, как зовут. Я ответил: "Костя". - "Так это ты сын Джугашвили говорит. - Похож, похож...".

- Вы тогда же спросили у мамы: правда ли это?

- Я спрашивал её об этом позже. Мама была женщиной доброй, хотя и с железным характером, и одновременно гордой. Иногда просто суровой, губы всегда плотно сжаты. Крепкая была женщина. И до последних своих дней. Очень разумная. Когда я спросил, правда ли то, что говорят, она ответила: "Ты мой сын. А об остальном ни с кем никогда не говори".

- Но что-то о Сталине она вам рассказывала?

- Да, кое-что вспоминала. Сталину нужно было наладить связь с товарищами по партии. В этом ему помогала мама. Делалось все просто. Она договорилась с соседями, чтобы на их имя приходили письма для Сталина. Мама забирала почту и приносила её квартиранту.

- Ваша семья была большой?

- У меня было три брата и две сестры от первого, если так можно сказать, брака мамы. Ее муж - Степан Михайлович - умер за два года до моего рождения. И самое интересное то, что меня, незаконнорожденного, вся семья обожала, особенно баловали сестры. Смешно, но старшая сестра была замужем за жандармом.

Мама на моей памяти нигде не работала. Занималась только семьей. После смерти мужа она начала сдавать комнату ссыльным. Потом комнату перегородили, и, получилась крохотная квартира. Я никогда не интересовался, сколько платили постояльцы. Она говорила: "Не думай о деньгах. Как живем, так и проживем".

- А как в ваш дом попал Сталин?

- Мама рассказывала так. Пришел в дом грузин, спросил, здесь ли жил Давид, - так звали предыдущего жильца. "Жил", - говорит мама. - "Он порекомендовал мне поселиться у вас". Это и был Иосиф Виссарионович.

- А когда "звание" сына Сталина стало помогать вам?

- Получилось это как-то для меня незаметно. Я учился в предпоследнем классе школы, когда к нам на товарищеский матч по футболу приехала команда из окружного центра - Великого Устюга. Вдруг ко мне подошел Вася Слепухин секретарь окружкома комсомола. "Ты куда собираешься после окончания школы?" - спрашивает. Отвечаю, что хотел бы изучать политэкономия. Вася пообещал дать мне комсомольскую путевку в институт. Дали мне направление в Ленинградский финансово-экономический. После экзаменов приходит ко мне в общежитие Слепухин. Он уже год как учился в этом институте и там тоже был избран комсомольским секретарем. "Ну, - говорит, - сын Сталина, отец-то теперь будет доволен". Я даже испугался. Думаю,

разболтает всем, беды не оберешься. Но прошло все благополучно.

После института я был оставлен на преподавательской работе. Читал много лекций и через некоторое время был приглашен работать в лекторскую группу обкома партии. Хотя коммунистом и не был.

- Не хотели вступать или не могли?

- Когда я решил вступить в партию, началась чистка, и прием был закрыт. Коммунистом я стал только в 1939 году. И очень скоро попал в аппарат ЦК. Дело было так. Я читал лекции на курсах секретарей райкомов. Смотрю, в зал вошел Жданов. Посидел, послушал. Мне потом передали, что ему понравилось. Через короткое время меня телеграммой вызвали в Агитпроп ЦК в Москву. А Агитпропом руководил Жданов. Мне предложили стать инструктором, и я согласился. Ездил, проверял, как идет изучение "Краткого курса истории ВКП(б)". Скоро стал помощником начальника отдела, потом управления, и пошло, пошло...

- Жданов звал о вашем происхождении?

- Большим секретом это не было. Думаю, и для него тоже.

Но я всегда ухитрялся уходить от ответа, когда меня об этом спрашивали. Но, полагаю, мое продвижение во службе связано и с моими способностями. Хотя не могу отрицать, что, приближая меня к себе, Жданов хотел стать ближе к Сталину.

- К вам благоволили и другие члены руководства?

- Очень хорошо ко мне относился Поскребышев. Он же передавал мне и личные поручения Сталина. Одно время я чувствовал особое отношение ко мне Маленкова. Он попытался устроить мне личный прием у Сталина.

- Встреча состоялась?

- Ничего не вышло, причем по моей вине. Перед этим мы работали на Старой площади до самого утра, и, вернувшись домой, я крепко уснул. Семья была на даче. Мне звонили и по вертушке, и по городскому телефону, а я спал. Проснулся, позвонил к себе в отдел, узнать, как дела. Сказали, что нужно срочно перезвонить Поскребышеву. Тот на меня шуметь: "Слушай, мы тебя искали-искали, Маленков сам тебе звонил. Товарищ Сталин хотел видеть тебя. Теперь поздно, к нему зашли маршалы, это надолго".

- Почему он вдруг захотел поговорить с вами? Ведь вы работали в ЦК не один год?

- Перед этим произошла такая история. На съездах партии и сессиях Верховного Совета СССР создавалась редакционная комиссия. Делегаты или депутаты за день до выступления сдавали в неё тексты своих выступлений. В комиссию входили люди из аппарата ЦК, Совнаркома и Президиума Верховного Совета. От ЦК, как правило, назначали меня. Я занимался политическим редактированием речей.

За несколько дней до несостоявшейся встречи со Сталиным на сессии один из депутатов сдал на проверку речь, в которой просто обрушился на советских и партийных руководителей Прибалтики. А было негласное указание прибалтов не критиковать. Я в перерыве заседания подошел к Жданову. "Что делать?" спрашиваю. Андрей Александрович просмотрел речь, помолчал. Потом говорит: "Пойдем, посоветуемся с Молотовым". И мы пошли в буфет Президиума. Молотов начал читать, и вдруг я вижу, что на нас смотрит Сталин. Он рядом, в двух шагах. Тут Молотов говорит: "Я бы не стал эту речь давать, но надо посоветоваться". И глазами показывает на Сталина. Я даже шага не успел сделать в сторону Сталина. Раздался звонок, и члены Политбюро пошли в зал. Сталин остановился и смотрел на меря. Я чувствовал, что ему хочется что-то

сказать мне. Мне хотелось рвануться к нему но что-то остановило меня. Наверное, подсознательно я понимал, что ничего, кроме больших неприятностей, публичное признание родства мне не принесет. Сталин махнул трубкой и медленно пошел...

- Вы больше не виделись с ним?

- Видел я его не раз. И издали, и близко Но к себе он меня больше не вызывал. Думаю, не хотел делать меня инструментом в руках интриганов.

А очень близко я наблюдал его лишь однажды. На заседании Оргбюро ЦК я сидел недалеко от него. Как заместитель начальника управления я бывал на каждом заседании. Одно из них было посвящено кинематографии. Неожиданно вошел Сталин.

Потом я очень много думал, почему он так много времени отдавал кино? Он очень любил смотреть фильмы. Смотрел их много - и наших, и иностранных. Почему? Он был очень оторван от жизни. Принимал только помощников и приближенных. Почти никуда не ездил. Кинозал был его окном в мир.

- Каким он запомнился вам?

- Мне врезались в память его руки. Странные, необычные. На Оргбюро он все время делал пометки на листках. И потом рвал эти листки. На мелкие, нет, микроскопические кусочки. Никто бы не смог их снова собрать воедино. Совершенно закрытый человек. Закрытый от врагов, друзей и обычных человеческих чувств.

- Константин Степанович, почему ваша блестящая карьера прервалась задолго до смерти Сталина?

- Она прервалась, но не завершилась. При Хрущеве в Брежнев я был директором издательства, начальником управления Министерства культуры и долгие годы - членом коллегии Гостелерадио. А прервалась карьера, если говорить коротко, в результате интриги Берии. Мне тяжело вспоминать это время. В 1947 году меня

поздно вечером срочно вызвал к себе Андрей Александрович Жданов. У него сидел министр госбезопасности Абакумов. Мне сказали, что мой заместитель в ЦК Борис Сучков - шпион и выдал американцам секреты советской ядерной программы. У меня в глазах потемнело. Я не верил, что Борис предатель, но это уже не имело никакого значения. Его, кстати, реабилитировали впоследствии. Атомными вопросами занимался Берия, и никакой пощады ни Сучкову, ни тем, кто с ним знаком, ждать не приходилось. Особенно мне, поскольку именно я поручился за Бориса при приеме на работу в ЦК. Тогда была такая форма взаимной ответственности.

- Чем же вы провинились перед Берией?

- Не я. Берия пытался уничтожить Жданова. И хотел, чтобы компромат на Жданова Сталину дал я. Нигде в документах зафиксировано не было, но на работу в аппарат ЦК Сучкова рекомендовал Жданов. А я по просьбе Андрея Александровича только подписал поручительство. Берия, конечно, все знал и мог сам доложить об этом, но предпочел обзавестись свидетелем, которому Сталин поверил бы безоговорочно.

- Как вел себя Жданов?

- Делал вид, будто не имеет к Сучкову никакого отношения. Говорил, что плоховато мы знаем своих сотрудников.

- Он просил вас не выдавать его?

- Зачем? Нас могли подслушивать. А я прекрасно понимал, что, назови я Жданова, мы все автоматически становимся участниками грандиозного заговора. И защитить нас уже не сможет никто.

А так меня судили судом чести ЦК за потерю бдительности. Исключили из партии, сняли со всех постов. Было тяжело, но все же не лагерь и не расстрел. А в день ареста Берии меня восстановили в

партии. Председатель Комитета партийного контроля Шверник показал мне мое персональное дело. Многие из тех, кого я считал друзьями, написали на меня страшные доносы.

- Вас спас Сталин?

- Да. Берия вынес вопрос об "атомном шпионаже" на Политбюро, и там, как мне потом рассказал Жданов, требовал моего ареста. Он ведь понимал, что в тюрьме они заставят меня подписать любые признания. Сталин долго ходил вдоль стола, курил и потом сказал: "Для ареста Кузакова я не вижу оснований".

При жизни И. В. Сталин был дедом восьмерых внуков, а последняя его внучка, Ольга Питерс, родилась в Америке почти через 18 лет после его смерти.

Характеристику Сталина, как отца и деда дает один из бывших наркомов в правительстве И. В. Сталина, С. З. Гинзбург: "Я хорошо знал в быту Сталина. Много раз встречался с ним дома у Кирова, у Орджоникидзе, да и на даче самого "хозяина"... Он был очень жестоким отцом и ещё более жестоким дедом.

Грубо он вел себя не раз на моих глазах и по отношению к Светлане, любимой дочери. Но любовь его к ней и её детям тоже была очень жестокой. Его занимал только он сам. Другие его не интересовали ни в политике, ни дома. Это был монарх, самодержец. Сделав несчастными миллионы людей, он сделал несчастными и своих близких".

Светлана Аллилуева родила троих детей, троих внуков Сталина. Ее старший сын Иосиф стал кардиологом.

Вот что писала о встрече Сталина со своим внуком Светлана Аллилуева: "Мой сын, наполовину еврей, сын моего первого мужа (с которым мой отец даже так и не пожелал познакомиться) - вызывал его нежную любовь. Я помню, как я страшилась первой встречи отца с моим Оськой. Мальчику было около 3 лет, он был

прехорошенький ребенок - не то грек, не то грузин, с большими глазами в длинных ресницах. Мне казалось неизбежным, что ребенок должен вызвать у деда неприятное чувство, - но я ничего не понимала в логике сердца. Отец растаял, увидев мальчика. Это было в один из его редких приездов после войны в обезлюдившее, неузнаваемо тихое Зубалово, где жили тогда всего лишь мой сын и две няни - его и моя, уже старая и больная. Я заканчивала последний курс университета и жила в Москве, а мальчик рос под "моей" традиционной сосной и под опекой двух нежных старух. Отец поиграл с ним полчаса, побродил вокруг дома (вернее - обежал вокруг него, потому что ходил он до последнего дня быстрой, легкой походкой) и уехал. Я осталась "переживать" и "переваривать" происшедшее - я была на седьмом небе. При его лаконичности слова: "Сынок у тебя - хорош! Глаза хорошие у него", равнялись длинной хвалебной оде в устах другого человека. Я поняла, что плохо понимала жизнь, полную неожиданностей. Отец видел Оську ещё два раза - последний раз за четыре месяца до смерти, когда малышу было семь лет и он ходил в школу. "Какие вдумчивые глаза! - сказал отец. - Умный мальчик!" - и опять я была счастлива. Странно, что и Оська запомнил, очевидно, эту последнюю встречу и сохранил в памяти ощущение сердечного контакта, возникшего между ним и дедом".

"ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ" ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПРИ СТАЛИНЕ

Основным местом заключения миллионов людей были специально созданные тысячи лагерей, густая сеть которых покрыла всю страну, особенно районы Северо-Запада, Северо-Востока, Казахстана, Сибири, Дальнего Востока.

При Сталине, миллионы людей были репрессированы, отправлены в лагеря, многие из них погибли. Если Сталин наслаждался интимными связями

со своими любовницами в роскошных условиях, то заключенным он устроил совсем иную "частную жизнь", в ужасных условиях.

Вот несколько примеров из жизни заключенных:

"Лариса. Ее отправили в дальний ОЛП, тоже женский. Начальником там был один армейский капитан, из штрафников. Он не пропускал ни одной бабы. Сидит себе в конторке и наблюдает из оконца. Увидит какую помоложе, поманит пальцем:

- А ну подь сюда.
- Слушаюсь, гражданин начальник.
- Тебя как зовут?
- Воронкина, Зинаида.

Начальник задумается, повременит несколько, да где там, разве всех упомнишь.

- Зинаида, Зинаида... Ты у меня, кажется, на отметке не была, а?

- Да что вы, гражданин начальник, я только вчера прибыла.

- Тем более. Придешь ко мне после отбоя. Охране скажешь - я велел.

Их было у него в зоне более пятисот. Всех он, может, и не перепробовал, но старался. Мы его так и звали - "санпропускник".

Мне потом на воле подруга рассказывала - она большая книжница была про одного римского императора. Ему каждый день после обеда новую приводили из пленных рабынь. Я про римских императоров не читала, довольна своих.

Вот к этому капитану и попала бедная Ирен, недоучившаяся школьница. Капитан, как у него заведено было, использовал Ирен. Она родила, ребенка отобрали, а её отправили с первым же этапом дальше.

У всех мамок детей отбирали, куда-то их девали. Я думаю, из них выращивали государственных охранников-пограничников или конвоиров".

"... В Белореченской тюрьме, в тридцать восьмом году, начальник однажды вызвал к себе, напоил спиртом и повалил на диван. С того раза и пошло. Как только не измывались надо мной начальники и все - партийные. Тот, тюремный, добрый был, давал поесть, в чистую камеру поместил, с кроватью, с одеялом. Он меня долго не отправлял на этап, жалел. От других куска хлеба не дождалась.... И лютовали они жестоко. Женщина для них, что пыль дорожная. На волю вышла - один черт! Каждый норовит у тебя отнять что-нибудь. А что можно взять у бедной женщины? Сидят жирные коты в своих хоробах, твоя нужда, твоя беда им до фени".

"...На пересылку прибывает женский этап. После нудной, изнурительной проверки новеньких ведут в баню. Там уже поджидает жадная орава блатных и придурков. Все молодые, красивые достаются им на растерзание. Вольные начальники тоже не брезгуют свежатинкой, им поставляют отборных. Многие женщины выходят из бани в лагерном тряпье, чуть прикрыв наготу мешковиной. Одежду надо сдавать в прожарку, то есть в дезинфекцию, если по-вольному. Приличные платья, белье, пальто, - все исчезает, "на сменку" блатари дают ограбленным грязную рванину.

Но самое худшее впереди. В лагере самое худшее всегда впереди. Через неделю-другую формируется этап на производственную колонну. Как откупиться, чем? Позади следственные тюрьмы, пытки, голод, многодневный этап. Теперь вот - колонна, каторжные работы на лесоповале, в котлованах, в каменных карьерах, на строительстве дороги. И трехъярусные нары в дырявых бараках, дикий произвол охраны, жестокие игры блатных девок. И вечно серое запыляемое небо, серые бушлаты, серая баланда. И неотступные мысли о детях, оставленных на воле, о стариках...

Сколько их не вернулось с Печоры и с Воркуты, с Колымы, с Новой Земли? Сколько погибло на Волге, на Лене, на Сыр-Дарье? Пять миллионов, десять, пятнадцать?..

Среди них были "указницы"; осужденные по новому Указу за прогул на производстве, - они прибывали на пересылку тысячами. Еще больше попадало за мелкие хищения. Им давали - щедро, равномерно - по пять лет за початок кукурузы, принесенный с поля голодным детям, за горсть муки. В истребительные лагеря шли и шли зарешеченные эшелоны с женами и дочерьми "врагов народа".

Режим большинства северных лагерей был сознательно рассчитан на уничтожение заключенных. Сталин и его окружение не хотели, чтобы репрессированные возвращались, они должны были навсегда исчезнуть. В лагерях выдавался голодный паек для работающих по 10, 12, 14 и даже 16 часов. Заключенные выводились на работу в жестокий мороз. Бараки не отапливались как надо, одежда не просушивалась. Осенью держали на дожде и холоде промокших до костей людей до выполнения ими норм выработки, хотя эта норма не могла быть выполнена безнадежно истощенными людьми. Заключенные, одетые в тряпье, сильно обмораживались, много было больных, а их лечение было направлено на массовый "падеж". (Цитаты из книги А. Антонова-Овсеенко. Театр Иосифа Сталина, стр. 354-355)

С началом Отечественной войны рабочий день почти везде был увеличен, а голодный паек ещё более урезан. Из числа людей, арестованных и попавших в лагеря в 1937-1938 гг., вышло на свободу после 1956 года не более 10-15%.

**ВОЕНАЧАЛЬНИК, МАРШАЛ, ГЕНЕРАЛИССИМУС
И ЕГО ЖЕНЩИНЫ**

Во время войны Сталин стал маршалом, а в конце войны генералиссимусом.

Началась Великая Отечественная война внезапным нападением войск фашистской Германии на Советский Союз, несмотря на то что между ними существовал Пакт о ненападении, весьма выгодный для обеих сторон. Это произошло 22 июня 1941 года.

Германия пренебрегла этими выгодами, считая, что быстро разобьет Красную Армию, и её расчеты были бы правильными, если бы у руководства страной не стоял Сталин. Говорят и пишут, что Сталин в первые дни войны находился в состоянии растерянности. Возможно. Надо вспомнить, что Сталин, при всех его качествах, был осторожным человеком. Ему надо было время, хотя и короткое, на обдумывание новой обстановки, созданной войной, и время, чтобы "войти" в нее. Это был его стиль работы. Но Сталин умел добиваться успеха там, где другой топтался бы на месте и долго раскачивался.

К началу войны ему было 62 года. Многие советские маршалы в своих мемуарах указывают, что Сталин учился военному искусству в ходе военных действий. Почему-то все ждут от гения немедленных действий, но ему тоже надо думать, а потом решать. Одни учатся и принимают правильные решения, ведущие к победе, другие, как наши реформаторы, учатся и принимают решения, которые не приносят успеха.

Один из самых талантливых полководцев Сталина Маршал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях так описывает начало войны и поведение Сталина:

"В ночь на 22 июня 1941 года, когда началась война, нарком приказал мне звонить И. В. Сталину: Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны. Прошу его позвать к телефону И. В. Сталина.

Минуты через три к аппарату подошел И. В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчит. Я слышу лишь его дыхание.

- Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И. В. Сталин спросил:

- Где нарком?

- Говорит с Киевским округом по ВЧ.

- Приезжайте в Кремль с наркомом Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро".

В Кремле:

"В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку...

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов.

- Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная тягостная пауза".

К исходу 22 июня 1941 г. положение было следующее: "...несмотря на предпринятые энергичные меры Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые. Отсутствуют точные данные о потерях в авиации и наземных войсках... Авиация Западного округа понесла очень большие потери.

По данным авиационной разведки, бои идут в районах наших укрепленных рубежей и частично в 15-20 километрах в глубине нашей территории. Попытка штабов фронтов связаться непосредственно с войсками

успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи...".

Гитлер обманул Сталина. Возможно, в этом виноват был сам Сталин, т. е. психология этого обмана кроется в самом Сталине.

Следует помнить, что, когда наши советские руководители выступали с пропагандистскими лозунгами за рубежом (Хрущев в США, Брежнев во Франции), они постоянно удивлялись, что часть прессы их критиковала и даже поносила; некоторые независимые деятели высказывали свои мнения, противоречащие мнению главы государства, который принимал советского руководителя.

Дело в том, что наш советско-партийный руководитель привык внутри страны к тотальному повиновению, это была его среда, в которой он существовал: как он скажет, так и будет, как он сделает, все его поддержат.

Тем более психологически в этом был уверен Сталин, ведь он ввел такой порядок. И в вопросе о ненападении Сталин, возможно, психологически верил в то, что, как было записано в Пакте, так и будет, но обманулся.

В результате нарушения фашистской Германией Пакта о ненападении она начала захватническую войну против СССР при выгодных для неё условиях. Ее армия была к этому моменту полностью отмобилизована и имела значительный опыт ведения войны в Западной Европе. 170 немецких дивизий, полностью вооруженных новейшей техникой, были внезапно брошены против советской страны, чьи вооруженные силы в тот момент оказались в невыгодном положении. Советская Армия в первые месяцы войны несла тяжелые поражения и отступала с боями в глубь страны.

В течение первых 10 дней войны немцы захватили Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины - это была серьезная опасность для существования Советского Союза.

Через 11 дней после начала войны, 3 июля 1941 г., И. В. Сталин выступил по радио с обращением к советскому народу, к бойцам Красной Армии и Военно-Морского флота.

Сталин призвал советских людей понять всю глубину создавшейся опасности, отрешиться от настроений мирного строительства, благодушия и беспечности, не поддаваться страху и панике.

Цель войны со стороны гитлеровской Германии против СССР Сталин определил так:

"Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти народов СССР, о том - быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение".

Даже в первые, тяжелые, месяцы войны, на 62 году своей жизни, И. В. Сталин не забывал о своей любви к Давыдовой. Из её воспоминаний:

"Правительство, аппарат ЦК ВКП(б), Генеральный штаб перебрались в подвалы московского метрополитена. Ставка Верховного командования

находилась в помещении самой глубокой станции "Кировская".

Большой театр эвакуировали в Куйбышев (бывшая Самара). За несколько дней до отъезда позвонил Сталин:

- Нам надо встретиться! Никуда не уходите, за вами приедут.

Станция Кировская выкрашена в темно-зеленый цвет. Охрана - высшие чиновники из военных и сотрудников министерства внутренних дел. Высоко в небе повисли над огромным городом распластанные птицы - аэростаты. На эскалаторе спускаюсь вниз, где некогда был вестибюль. Меня ведут по ковровым дорожкам. В приемной царит деловая обстановка. Чистенькие, до синевы выбритые генералы по старинке прикладываются к ручке, большими шелковыми платками вытирают взмокшие, отполированные лысины. Непрерывно звонят телефоны. В нескольких кабинетах разместился личный аппарат Сталина. Я прошла в кабинет Маленкова, он говорил по телефону.

Верховный главнокомандующий приказал немедленно освободить из мест заключения Рокоссовского, Батова, Малиновского, Горбатова, Ванникова. Через 12 часов они должны быть в Ставке Верховного. Увидев меня, Маленков сказал:

- И. В. распекает горе-стратегов Тимошенко, Ворошилова, Буденного. Эти вояки работают методами прошлого века. За бездарность и головоунытие я бы их собственноручно расстрелял.

Принесли чай, кофе, бутерброды. Я с удовольствием поела.

- Г. М., умоляю вас, поговорите с И. В., чтобы он разрешил мне остаться в Москве.

- Как на это посмотрит дирекция театра? Я не успела ответить, Поскребышев пригласил в кабинет Сталина.

И. В. я не видела несколько месяцев. Сталин был бледен. Он сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Как только вошла, он поднялся навстречу. Миниатюрным ключиком открыл двери. Мы прошли в коридор, снова массивные двери, опять узкий коридор, затем нарядная гостиная.

- Верочка, - спросил он устало после длительной и тягостной паузы, вы твердо решили остаться в Москве?

- И. В., миленький, и вы ещё спрашиваете? Его жесткое лицо подобрело.

- Согласен. Когда наступит необходимость, мы специальным самолетом отправим вас в Куйбышев. Дирекция театра обо всем осведомлена. Продукты у вас будут. Вам не страшно быть одной?

- Если Вы не испытываете чувства страха, то почему я должна бояться?

Сталин улыбнулся.

- Идите за мной!

Мы вышли в другие двери, замаскированные в книжном шкафу. Два генерала и группа военных сопровождали нас до выхода из метро. Мы сели в закрытый, бронированный автомобиль, в котором находились высокие чины охраны.

- В Кремль! - распорядился Сталин. Сначала мы въехали в ангар, затем попали в ярко освещенное пространство.

- Перед нами подземная Москва, - тихо проговорил И. В. - Здесь имеется световая система регулирования транспорта. На подземных заводах работают государственные преступники.

Остановились у небольшого, огороженного высоким забором одноэтажного здания. Кругом - вооруженная охрана. Открывшая двери Валечка пригласила в столовую. Грудным голосом она спросила:

- И. В., на сколько персон накрывать?

- Больше никого не будет. - Он обратился ко мне: - В этот дом, Верочка, мы не любим пускать народ. Даже моя дочь Светлана здесь никогда не была. Дети не все должны знать.

Зашла Валечка:

- И. В., разрешите доложить?

- Говори, что тебе надо?

- Комнаты все прибраны, постельное белье сменено, в Кунцево, в Семеновском, в Кремлевской квартире наведен порядок.

Сталин поблагодарил. От непривычной обстановки почувствовала легкий озноб. И. В. соединили с Маленковым:

- С Хрущевым говорить не буду. До утра прошу меня не беспокоить. Вы не маленький, научитесь сами решать государственные вопросы.

Стареющий Сталин мечтал забыться, уйти от страшной действительности, хоть на миг спрятаться от военного хаоса и российской неразберихи".

* * *

12 июля 1941 года Англия заключила с СССР "Соглашение о совместных действиях в войне против Германии".

США в июле 1942 г. подписали с СССР "Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии".

Так в годы войны складывалась англо-советско-американская коалиция в целях разгрома германского и итальянского фашизма, японского милитаризма, объединившихся в коалицию.

Под призывами Сталина: "Все силы народа - на разгром врага", "Вперед за нашу победу!" была осуществлена перестройка советского народного хозяйства, работа всех партийных, государственных и общественных организаций для обслуживания нужд фронта. Вся промышленность была переключена на

выпуск военной продукции. Очень много промышленных предприятий из районов, которым угрожали, эвакуировались в тыл с тем, чтобы наладить там свою работу для нужд фронта. В восточных районах страны началось грандиозное строительство новых промышленных предприятий оборонного значения. В прифронтовой полосе формировалось народное ополчение. В тылу у врага начало разворачиваться мощное партизанское движение.

В первые месяцы войны Советская Армия, отступая и неся поражения, осуществляла тактику активной обороны, чтобы измотать противника, максимально уничтожить его живую силу и технику и подготовить условия к переходу в наступление.

Это признают и сами гитлеровцы. Из воспоминаний участника войны в России немецкого генерал-майора фон Бутлара о сражениях с Красной Армией:

"Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой... Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем предполагалось...

...Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению. Он понес тяжелые потери не только летом 1941 года, но и во время зимнего наступления, в котором приняли участие крупные массы войск. У него оставалось ещё достаточно кадров, чтобы укомплектовать командным составом новые формирования и обеспечить их боевую подготовку".

В октябре 1941 года противнику удалось прорваться в пределы Московской области и подойти к Москве. Это

было самое тяжелое и трагичное время в течение всей военной кампании 1941 года.

19 октября в Москве было введено осадное положение. Был разработан план обороны и разгрома немецких войск под Москвой.

Когда враг находился на самых ближних подступах к Москве, 7 ноября 1941 г. в столице на Красной площади состоялся парад войск Красной Армии. Прямо с парада войска шли в бой.

Накануне парада на заседании по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции в своей речи Сталин заявил:

"Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они её получают".

Это было весьма смелое заявление Сталина с учетом того, что немецкие войска уже просочились в пригород Москвы - район Химок.

Сталин был уверен: "Наше дело правое, победа будет за нами!" В декабре 1941 г. на немецкие войска обрушились удары нескольких советских армий, сосредоточенных в районе Москвы. Немцы не выдержали и перешли от упорных боев к беспорядочному отступлению.

В результате немецкие войска в течение зимы 1941 г. были отброшены от Москвы местами более чем на 400 километров. Гитлеровский план окружения и уничтожения Москвы и её населения провалился.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой стал решающим военным событием первого года войны и первым крупным поражением немцев во второй мировой войне.

О напряжении тех дней говорит эпизод, происшедший между Г. К. Жуковым и И. В. Сталиным. Из рассказа охранника Сталина А. Т. Рыбина:

"Жуков готовился к решающему сражению круглосуточно, по ночам разгоняя сон ледяной водой или по часу кружил верхом на своем "Кальмаре". До какого предела тогда он был взвинчен, можно судить по такому примеру. 4 декабря в штабе подмосковного фронта шло совещание командующих армиями. Позвонил Сталин. Слушая его, Жуков нахмурил брови, побелел. Наконец отрезал:

- Передо мной две армии противника, свой фронт. Мне лучше знать и решать, как поступить. Вы можете там расставлять оловянных солдатиков, устраивать сражения, если у вас есть время.

Сталин, видно, тоже вспылил. В ответ Жуков со всего маху послал его подальше...

...Сталин сдержал естественный гнев на неслыханную выходку Жукова 4 декабря, протерпел целый день пятого декабря и только ровно в полночь по ВЧ осторожно спросил:

- Товарищ Жуков, как Москва?

- Товарищ Сталин, Москву мы не сдадим, - заверил Георгий Константинович.

- Тогда я пойду часа два отдохну.

- Можно...

Да, Сталин сумел тогда удержаться от возмущения, но обиду все-таки не забыл. Вот почему за самую трудную операцию всей войны такой полководец был награжден только медалью".

Из других воспоминаний А. Т. Рыбина в октябрь-ноября 1941 года: "Сталин регулярно появлялся на улицах столицы, осматривая их после налетов немецкой авиации. Но прежде всего люди должны были видеть его и знать, что вождь вместе с ними находится в столице и руководит её защитой. Для ещё большей убедительности он проверял посты на улице Горького, Земляном валу, Смоленской площади...

Как-то в четыре часа утра Сталин вышел на Калужской. Под ногами хрустело битое стекло. Вокруг полыхали деревянные дома. Машины "скорой помощи" подбирали убитых и раненых. Нас окружили потрясенные люди. Некоторые женщины были с перепуганными, плачущими детьми. Внимательно глядя на них, Сталин сказал Власику:

- А детей надо эвакуировать в глубь страны.

Все стали спрашивать, когда же Красная Армия остановит врага и погонит с нашей земли? Успокаивая людей. Сталин улыбнулся:

- Будет, будет и на нашей улице праздник!

Затем, тоже после бомбежки, мы шли по улице Горького. У Елисеевского магазина над головами столпившихся людей появилась женщина, взобравшаяся на подставку фонаря, и стала громко укорять:

- Разве можно, товарищ Сталин, так ходить по улицам в такое тяжелое время? Ведь враг может в любой момент сбросить бомбу!

Сталин только развел руками. Тут он действительно рисковал наравне со всеми. И одинаково с нами переживал результаты воздушных боев над Кубинкой, когда с двух сторон порой участвовало до четырехсот самолетов. После успешно отбитых атак Сталин требовал для награждения списки отличившихся летчиков.

Враг знал, где находится сталинская дача, и бомбил её, надеясь обезглавить государство. Вокруг дома расположили дальнобойные морские зенитки. Сталин много раз поднимался на солярий, наблюдая за плотностью зенитного огня, отгоняющего самолеты. Потом фашисты применили осветительные ракеты на парашютах, которые зенитчики расстреливали на лету. Все же какой-то ас ухитрился послать бомбу точно. Она

упала с внешней стороны забора и, не взорвавшись, ушла в землю.

Рядом с террасой дачи стоял спаренный зенитный пулемет. Над головой промелькнул вражеский самолет. Оказавшийся поблизости Василий Сталин с шумом подбежал к бойцам, возмущаясь, почему они, трусы, не стреляют, и выпустил вслед самолету очередь. Услышав стрельбу, отец спросил Тукова:

- Кто там палил?

- Василий.

- Ну и как, попал?

- Нет.

- Тоже мне, "ворошиловский стрелок".

С 29 сентября по 1 октября в Кремле проходила конференция трех держав по военным поставкам. Сталин пригласил глав делегаций А. Гарримана и лорда В. Бивербрука посмотреть "Лебединое озеро". Мне позвонили:

- Ждите гостей.

Через несколько минут подкатили машины. Заглавную партию Одетты исполняла Галина Уланова. Ее партнером был танцовщик из Ленинграда Константин Сергеев. Довольные гости дружно хлопали в пустом зале.

А тем временем немцы прорвали нашу оборону под Вязьмой, окружив несколько дивизий. Беззащитная Москва оказалась в критическом положении. В ней появились провокаторы и паникеры, которые сеяли пораженческие слухи. Усилились налеты авиации. Почти не стихал истошный вой сирен: шли бомбежки разных районов города. Многих охватывала дрожь.

Вечером 15 октября Берия с Щербаковым собрали в НКВД первых секретарей райкомов. Перетрусивший Берия лживо заявил:

- Немецкие танки уже в Одинцове. Связь с фронтом прервана. По решению ГКО необходимо заминировать

все крупные заводы и важные объекты. Оставьте по пятьсот человек от района для защиты Москвы. Детей и стариков ночью эвакуируйте. Раздайте все продукты населению, чтобы не достались врагу.

Большой театр и ближнюю дачу Сталина заминировали. В городе возникли беспорядки, подогреты слухами, будто Сталин уехал на Калининский фронт или куда-то ещё подальше.

Где же он был в ту роковую ночь? Его шофер Митрюхин рассказал, что из Кремля Сталин хотел ехать на ближнюю дачу. Румянцев (из охраны) начал его отговаривать под предлогом, будто там уже сняты шторы, отвернуты краны, выключено отопление и тому подобное. Но Сталин все равно приказал ехать. Ворота были уже на запоре. Орлов с той стороны доложил обстановку. С досадой крикнув, Сталин сказал:

- Сейчас же все разминируйте.

Пришлось Орлову отпирать ворота и топить печку в маленьком домике. Там тоже имелась кремлевская вертушка. Пока Сталин разговаривал с командующими, прибывшие саперы разминировали основной дом. Проезжая утром 16 октября по Москве, Сталин видел, как люди тащили мешки с мукой, вязанки колбасы, окорока, ящики макарон и лапши. Не выдержав, он велел остановиться. Вокруг быстро собралась толпа. Его начали спрашивать:

- Когда же, товарищ Сталин, остановим врага?

- Придет время - поглядим, - твердо сказал он и никого не упрекнул в растаскивании государственного добра. А в Кремле немедленно созвал совещание, спросил:

- Кто допустил в городе беспорядки?

Все молчали. Берия даже закрыл глаза. Шахурин кратко доложил обстановку. Сталин предложил Щербакову выступить по радио, чтобы вселить в людей уверенность в победе над врагом, восстановить в

городе нормальную жизнь, ввести в строй остановленные предприятия и открыть все магазины, организовав торговлю. Затем принимал Г. Жукова, П. Артемьева, Б. Шапошникова, А. Вознесенского, Н. Кузнецова, М. Калинина. От В. Молотова Сталин потребовал, чтобы все дипломаты сегодня же уехали в Куйбышев. Последним пришел комендант Кремля генерал Спиридонов с предложением эвакуировать саркофаг с Лениным. Сталин спросил:

- Какое у вас предложение? Берия советует эвакуировать в Куйбышев.

- Лучше на Урал или в Сибирь. Там надежней.

Так и порешили. Вечером сняли часовых от саркофага. Вместе с Власиком и Румянцевым Сталин медленно спустился по лестнице к саркофагу, молча постоял, беззвучно шевеля губами. Затем также медленно поднялся наверх. Утром Мавзолей опустел. Специальный вагон сопровождал наш сотрудник Вялых.

Поздним вечером снова повалил густой снег. Можайское шоссе за городом оказалось запруженным отступающими красноармейцами и спасавшимися от фашистов беженцами. Среди людей брели коровы и свиньи. Перед машиной появилась женщина, которая едва тянула санки с домашним скарбом и двумя плачущими детишками. Сталин удрученно смотрел на это жутковато-безмолвное шествие. Трудно сказать, о чем он думал. Но в полночь, когда на даче собралось Политбюро, после требования везде наводить железный порядок он внезапно пригласил в кабинет сестру-хозяйку Истомину и спросил:

- Валентина Васильевна, вы собираетесь из Москвы эвакуироваться?

- Товарищ Сталина Москва - наш родной дом, её надо защищать! - заявила она.

- Слышите, как думают москвичи? - особым тоном сказал Сталин членам Политбюро.

Все согласно молчали. Утром по пути в Кремль, рассуждая с шофером Кривченковым о надежной обороне столицы, Сталин твердо сказал:

- Остаюсь с русским народом в Москве. Будем стоять насмерть. Охраны в Кремле стало меньше - Берия взял её для защиты здания наркомата. Недостающую силу, видимо, должен был заменить сам генерал Шпигов, богатырского сложения начальник кремлевской охраны. Для верности он забаррикадировал толстыми бревнами все ворота, кроме Спасских. Но Сталин по-прежнему глядел бодро и не забывал с нами здороваться.

В самые критические дни он оставался спокойным, не проявляя нервозности, чем положительно действовал на окружающих. Зато когда началось наступление наших войск, очень переживал.

...Для эвакуации в Куйбышев были приготовлены спецпоезда в Рогожско-Симоновском тупике. Я имел к этому отношение и уточняю: там находились целых четыре спецпоезда. Только они были в распоряжении НКВД, то есть в личном распоряжении Берии. И под охраной тринадцатого погранотряда на всякий пожарный случай стояли там до января следующего года. Что касается поезда, подготовленного специально для Сталина, то его загнали в тупик совсем в другом месте - на огромном складе строительных материалов и дров за Крестьянской заставой, куда стекалось множество путей с Курского вокзала.

Во время воздушного налета рядом с поездом упали две небольшие бомбы, осколками которых поранило проводника вагона и лошадь в товарном. Дополнительно этот немецкий летчик ещё прошил состав из пулемета. Хрусталева с Афанасьевым успели спрятаться в большой бетонной трубе, защитившей их от пуль, но спецвагон получил несколько пробоин.

По указанию начальства комендант дачи "Семеновское" Соловьев перевез в спецвагоне кое-что из

вещей. Обнаружив их пропажу, Сталин удивился:

- Куда делись вещи?

- Готовимся, товарищ Сталин, к эвакуации в Куйбышев.

- Никакой эвакуации. Остаемся в Москве до победы.

В тот же день, 16 октября, Суслов, сотрудник для поручений Кагановича, поехал проверить готовность подачи спецпоезда на вокзал. Вернувшись, услышал от Кагановича:

- Сейчас мне Сталин дал нагоняй за организацию спецпоезда. Уберите его!

Еще могу добавить, что на центральном аэродроме имени Чкалова, на краю которого сейчас находится здание аэровокзала, стояли наготове четыре "Дугласа". Полковник Грачев сидел в кабине личного самолета Сталина.

Заодно хочу развеять сплетни о сталинской трусости. Вот несколько наглядных примеров. Хотя территория дальней дачи "Семеновское" постоянно обстреливалась минометным огнем противника, Сталин продолжал туда приезжать.

...Поступило предупреждение НКВД, будто одна из мин, уйдя в землю, не взорвалась. Вдобавок предполагалась умышленная закладка мины около дачи, а то и под нее. Пришлось доложить об этом Сталину. Соловов, естественно, опасался разноса: куда смотрел?! Но Сталин спокойно сказал:

- Вы же танкист и минер. Что ж, пойдёмте, проверим. Соловов начал действовать миноискателем. Сталин с любопытством топтался рядом. Да ещё норовил обогнать Соловова, а тот не мог отправить его подальше в безопасное место.

Благо, все кончилось удачно. Потом над ближней дачей появился вражеский самолет. Зенитчики открыли огонь. Осколки снарядов сыпались на землю. Власик трижды предлагал Сталину пойти в укрытие, но тот

отмахивался, продолжая наблюдать за настырным стервятником и пальбой зенитчиков, лупивших впустую. Наконец, сказал:

- Власик, не беспокойтесь. Наша бомба мимо нас не пролетит.

Будто дразнил судьбу. Через несколько дней на Можайском шоссе прямо перед его машиной сыпануло несколько зажигалок, полыхающих желтым огнем. Пришлось охране сбрасывать их в кювет.

Приближался праздник Великого Октября. Бывший командующий Московским военным округом генерал-полковник П. Артемьев хорошо помнит, как Сталин вызвал к себе и спросил:

- Вы собираетесь проводить парад на Красной площади?

Доводы против парада были очень серьезными. Тем более при отсутствии танков и войск. Но они не убедили Верховного Главнокомандующего.

- Молодой человек, вы недооцениваете исторического и политического значения парада в современных условиях, его влияния на Красную Армию и международное положение, - укорил Сталин, попыхивая трубкой. - Ведь он укрепит дух народа в тылу и на фронтах. А капиталисты за океаном скажут, что у большевиков есть ещё порох в пороховницах. Чего доброго, разобьют немцев под Москвой. Значит, им надо помогать. Поэтому действуйте. Танки и войска у нас найдутся. Подготовку проводите в секрете. О начале парада мне сообщите после торжественного заседания 6 ноября.

- А если прорвется вражеский самолет и начнет бомбить парад?

- Во-первых, ни один вражеский самолет не должен прорваться в Москву. А, во-вторых, если все же сбросит бомбу, то уберите пострадавших и продолжайте парад".

Г. К. Жуков:

"У Ставки никакого другого аппарата управления, кроме Генерального штаба, не было. Приказы и распоряжения Верховного Главнокомандования, как правило, шли через Генеральный штаб. Разрабатывались они и принимались обычно в Кремле, в рабочем кабинете И. В. Сталина.

Это была просторная, довольно светлая комната. Обшитые мореным дубом стены, длинный, покрытый зеленым сукном стол. Слева и справа на стенах портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Во время войны появились портреты Суворова и Кутузова. Жесткая мебель, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате.

В глубине кабинета, у стены - рабочий стол И. В. Сталина, всегда заваленный документами, бумагами, картами. Здесь стояли телефоны ВЧ и внутрикремлевские, лежала стопка остро отточенных цветных карандашей. И. В. Сталин обычно делал свои пометки синим карандашом, писал быстро, размашисто, но довольно разборчиво.

Вход в кабинет был через комнату А. Н. Поскребышева и небольшое помещение начальника личной охраны Верховного. За кабинетом - комната отдыха и комната связи, где стояли телефонные аппараты и "Бодо". По ним А. Н. Поскребышев связывал И. В. Сталина с командующими фронтами и представителями Ставки при фронтах.

На большом столе работники Генштаба и представители Ставки развешивали карты и по ним докладывали обстановку на местах. Докладывали стоя, иногда пользуясь записями. И. В. Сталин слушал обычно расхаживая по кабинету широким шагом, вразвалку. Время от времени подходил к большому столу и, наклонившись, пристально рассматривал разложенную карту. Изредка он возвращался к своему столу, брал пачку табаку, раскрывал её и медленно набивал трубку.

Основная задача Ставки состояла в том, чтобы разрабатывать и ставить стратегические задачи войскам, распределять силы и средства между фронтами и направлениями, планировать и определять в целом боевую деятельность армии и флота. Большую роль при этом играли резервы Ставки, которые все время пополнялись и формировались. Они служили мощным орудием в руках Ставки, с помощью которых значительно усиливались наши войска на важнейших направлениях и в наиболее ответственных операциях.

Обсуждение в Ставке важных стратегических решений проходило, как правило, при участии членов Государственного Комитета Обороны. Обычно приглашались руководители Генерального штаба, командующие военно-воздушными силами, артиллерией, начальник Главного автобронетанкового управления, начальник тыла Красной Армии, руководители других главных и центральных управлений Наркомата обороны. Командующие фронтами вызывались в Ставку при рассмотрении вопросов, относящихся к их компетенции, чаще всего при обсуждении очередной предстоящей операции. Иногда бывали конструкторы самолетов, танков, артиллерии.

Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И. В. Сталин ко всем обращался одинаково, строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела.

Кстати сказать, как я убедился за долгие годы войны, И. В. Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить и даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-либо утверждает обратное, прямо скажу: их утверждения неправильны.

Рабочим органом Ставки был Генеральный штаб. В начале войны я вместе с его руководящими работниками практически круглосуточно был занят сведением воедино порою противоречивых данных со всех фронтов и выработкой срочных рекомендаций для Ставки Верховного Главнокомандования. Функции Генштаба сразу же усложнились, объем работы резко возрос, многое из того, что в организации дела было хорошо в мирное время, уже не годилось сейчас. Перестраивались быстро, однако не все нам удавалось сразу. Трудно было получить точные разведданные и характеристику расположения наших войск и сил противника в различное время суток, быстро внести обоснованные предложения о возможностях обеспечения того или иного фронта вооружением, боеприпасами, составить по поручению Ставки за несколько часов, а иногда и минут, ответственные директивы Верховного Главнокомандования.

Идти же на доклад в Ставку, к И. В. Сталину, скажем, с картами, на которых были хоть какие-то "белые пятна", сообщить ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные было невозможно. И. В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности.

У И. В. Сталина было какое-то особое чутье на слабые места в докладах или документах, он тут же их обнаруживал и строго взыскивал с виноватых за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное, не упускал случая довольно резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только способны были в те дни.

Однако при всей тяжести положения на фронтах, когда ещё не был окончательно отработан ритм жизни в военных условиях, к чести руководящего состава

Генштаба, я должен сказать: в целом в Генштабе сразу же установилась деловая и творческая обстановка, хотя напряженность в работе тогда достигла крайних пределов.

Потом на протяжении всей войны я не терял ни личной, ни служебной связи с Генштабом, который немало помогал мне во фронтовых условиях в подготовке и осуществлении больших операций. Генштаб, как правило, квалифицированно осуществлял подготовку новых вооруженных сил, достаточно умело и оперативно разрабатывал проекты директив и приказов Верховного Главнокомандования, строго следил за выполнением указаний ГКО, руководил работой главных штабов видов вооруженных сил и родов войск, авторитетно докладывал большие и важные вопросы в Ставке Верховного Главнокомандования.

Свои суждения по важным вопросам И. В. Сталин во многом строил на основе докладов представителей Ставки, посылавшихся им в войска, чтобы на месте разобраться с обстановкой, посоветоваться с командованием соединений, выводов Генерального штаба, мнений и предложений командования фронтов и спецсообщений.

Близко узнать И. В. Сталина мне пришлось после 1940 года, когда я работал в должности начальника Генштаба, а во время войны - заместителем Верховного Главнокомандующего.

О внешности И. В. Сталина писали уже не раз. Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время

беседы с И. В. Сталиным внутренне собраться и быть начеку.

И. В. Сталин не любил сидеть и во время разговора медленно ходил по комнате, время от времени останавливаясь, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза. Взгляд у него был ясный, пронизывающий.

Он говорил тихо, четко отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя, в руках чаще всего держал трубку, даже потухшую, концом которой любил разглаживать усы.

Говорил он с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные литературные сравнения, примеры, метафоры.

И. В. Сталин смеялся редко, но тихо, как будто про себя. Но юмор принимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое, и читал он без очков в любое время суток. Писал, как правило, сам, от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях. Его поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку.

Трудно сказать, какая черта характера преобладала в нем. Человек разносторонний и талантливый, он не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым.

Обычно спокойный и рассудительный, он иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он буквально менялся на глазах, ещё больше бледнел, взгляд становился тяжелым и жестким. Немного я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар.

У И. В. Сталина был несколько необычный порядок дня: работал он главным образом в вечернее и ночное время. Вставал не раньше 12 часов дня. Работал много, по 12-15 часов в сутки. Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет Народных Комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей.

Многие политические, военные и общегосударственные вопросы обсуждались и решались не только на официальных заседаниях Политбюро ЦК и в Секретариате ЦК, но и вечером за обедом на квартире или даче И. В. Сталина, где обычно присутствовали наиболее близкие ему члены Политбюро. Тут же за этим весьма скромным обедом И. В. Сталиным давались поручения членам Политбюро или наркомам, которые приглашались по вопросам, находившимся в их ведении. Вместе с наркомом обороны иногда приглашался начальник Генерального штаба.

В довоенный период мне было трудно оценить глубину знаний и способностей И. В. Сталина в области военной науки, в вопросах оперативного и стратегического искусства, так как в Политбюро и лично у И. В. Сталина (во всяком случае, тогда, когда мне доводилось там бывать) рассматривались главным образом организационные, мобилизационные и материально-технические вопросы.

Могу только повторить, что И. В. Сталин всегда много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Он часто вызывал к себе главных авиационных, артиллерийских и танковых конструкторов и подробно расспрашивал их о деталях конструирования этих видов боевой техники у нас и за рубежом. Надо отдать ему должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения.

От главных конструкторов, директоров военных заводов, многих из которых он знал лично, И. В. Сталин требовал производства образцов самолетов, танков, артиллерии и другой важнейшей техники в установленные сроки и таким образом, чтобы они по качеству были не только на уровне зарубежных, но и превосходили их.

Без одобрения И. В. Сталина, как я уже говорил, ни один образец вооружения или боевой техники не принимался на вооружение и не снимался с вооружения. Разумеется, это ущемляло инициативу наркома обороны и его заместителей, ведавших вопросами вооружения Красной Армии.

Перед Отечественной войной и особенно после неё И. В. Сталину отводилась выдающаяся роль в создании Вооруженных Сил, в разработке основ советской военной науки, основных положений в области стратегии и даже оперативного искусства.

Действительно ли И. В. Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов?

Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну.

И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина как Главнокомандующего особенно проявились начиная со Сталинграда.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную

наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим.

Конечно, И. В. Сталин не вникал во всю ту сумму вопросов, над которой приходилось кропотливо работать войскам и командованию всех степеней, чтобы хорошо подготовить операцию фронта или группы фронтов. Да ему это было не обязательно знать.

В таких случаях он, естественно, советовался с членами Ставки, Генштабом и специалистами по вопросам артиллерии, бронетанковым, военно-воздушным и военно-морским силам, по вопросам обеспечения тыла и снабжения.

Лично И. В. Сталину приписывали ряд принципиальных разработок, в том числе о методах артиллерийского наступления, о завоевании господства в воздухе, о методах окружения противника, о рассеении окруженных группировок врага и уничтожении их по частям и т. д.

Все эти важные вопросы военного искусства являются плодами, добытыми на практике, в боях и сражениях с врагом, плодами глубоких размышлений и обобщения опыта большого коллектива руководящих военачальников и самих войск.

Заслуга И. В. Сталина здесь состоит в том, что он правильно воспринимал советы наших видных военных специалистов, дополнял и развивал их и в обобщенном виде - в инструкциях, директивах и наставлениях незамедлительно давал их войскам для практического руководства.

Кроме того, в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще в создании всего необходимого для фронта И. В. Сталин, прямо скажу, проявил себя выдающимся организатором, и будет несправедливо, если мы не отдадим ему за это должное.

...После смерти И. В. Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя... если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так дело, в частности, обстояло с началом сроков многих операций.

...В ходе сражений Верховный иногда разговаривал по телефону с командующими армиями, а в особо экстренных случаях - с командующими дивизий. Командирам соединений приходилось вести такие переговоры по полевым телефонам.

...Система управления крупными боевыми действиями непосредственно на фронте через представителей Ставки наряду с положительными имела и некоторые отрицательные стороны. В Ставке нередко оставался один Верховный Главнокомандующий, а Генеральный штаб был без своего начальника".

Сталин несколько раз посещал районы боевых действий.

Рассказывает А. Т. Рыбин:

"В августе 1941 года Сталин с Булганиным ездили ночью в район Малоярославца для осмотра боевых позиций. Черным восьмицилиндровым "Фордом" управлял шофер Кривченков, сотрудниками для поручений были: генерал Румянцев, старый чекист, участвовавший ещё в подавлении восстания левых эсеров и освобождении Дзержинского, Хрусталев, Туков.

Они же через несколько дней сопровождали Сталина, Ворошилова и Жукова во время осмотра Можайской оборонительной линии. Под Звенигородом остановились на окраине деревни. Мальчишки узнали гостей:

- Ура! К нам товарищ Сталин и Ворошилов приехали!

В конце октября Сталин и Ворошилов поехали на боевые позиции шестнадцатой армии генерала Рокоссовского, где наблюдали за первыми залпами "Катюш". Когда они побатарейно дали залп, пронесся огненный смерч. После этого надо было сделать рывок в сторону километров на пять. Но тяжелый "Форд" застрял в проселочной грязи. Верховного посадили в нашу хвостовую машину и быстро вывезли на шоссе. Расстроенный шофер Кривченков просил не бросать его без помощи. Выручил танк, вытянувший машину на шоссе. Конечно, немецкая авиация тотчас нанесла бомбовый удар по месту стоянки "Катюш", но те уже находились далеко. На рассвете Сталин вернулся в Москву.

В середине ноября 1941 г. в сопровождении Хрусталева, Кириллина, Тукова, Круташова по Волоколамскому шоссе в полдень Сталин прибыл в село Ленина-Лупиха. Остановил машину около пятнистой избы, на крыше которой висел небольшой белый флажок с красным крестом. В госпитале находились раненые, только что вышедшие из боев.

Сперва он беседовал стоя, потом сел на табуретку и придвинулся к бойцу, лежащему на койке. Сталин интересовался, чем сильны немецкие солдаты и офицеры, какие у них слабые стороны. Ему охочие отвечали, что противник ещё очень силен, хотя уже не тот, боевой дух прихватило первыми морозами.

Сталин просил ещё немного потерпеть, пока измотают немцев, и намекнул, что хватит силенок для наступления. Покинули мы госпиталь, когда уже вечерело. Пошел снежок, и подул ветер. За околицей Сталин внимательно осмотрел окрестности. И Митрюхин погнал домой.

Летом 1942 года Сталин ездил на Западный фронт. За рекой Ламой вместе с военными наблюдал, как

проходили испытания самолета, управляемого по радио с земли. После испытаний переехали через понтонный мост, и в сопровождении Тукова, Хрусталева на поезде Сталин вернулся в Москву.

"Смоленские ворота" по-прежнему оставались полураспахнутыми. Надежно закрыть их не удавалось. Это постоянно тревожило Сталина. Наконец он собрался лично ознакомиться с обстановкой на фронте. 1 августа 1943 года генерал Серов и полковник Лукин получили указание подготовить спецпоезд. Орлов подал его с Каланчевки на переезд Кунцево. Первым в карликовый вагон царских времен поднялся Сталин, одетый в серое штатское пальто и фуражку с красной звездой. За ним - Берия и комендант дачи Ефимов. Из охраны Кузьмичев с Раковым. Спецпоезд состоял из древнего паровоза, который вел машинист Винеvский, жестких вагонов, платформ с дровами, сеном и песком. Тщательно закамуфлированный, он в целом имел безобидный вид. В жестком вагоне находились Румянцев, Туков, Круташов, Кашеваров, Кириллин.

До Гжатска поезд шел всю ночь. Серов с Лукиным находились впереди для разведки и подготовки транспорта. Мы следовали за поездом на автобусе по шоссе. Станция и город были в развалинах. От Гжатска на "виллисе" Сталин поехал в штаб Западного фронта. Вместе с командующим генералом Соколовским и членом Военного Совета Булганиным почти до утра 3 августа выяснял обстановку и торопил с подготовкой к наступлению. Провел ряд совещаний с генералами и офицерами фронта. Прилег отдохнуть уже на рассвете, попросив Румянцева разбудить ровно в пять. Но тот "проспал", дав Сталину отдохнуть пару лишних часов. Их связывала давняя дружба, в честь которой наш генерал единственный имел право называть Верховного Главнокомандующего просто Иосифом Виссарионовичем. В прошлый раз, когда Румянцев

неожиданно всхрапнул на переднем сиденье машины и Жданов заинтересовался, кто же кого охраняет, Сталин возразил: "Кутузов тоже дремал, но все видел". А теперь он вспылал от подобного разгильдяйства, турнув с глаз долой генерал-лейтенанта, которого перевели на другую работу.

От Соколовского Верховный поехал в Юхнов к Главному маршалу артиллерии Воронову. По дороге минут сорок прохаживался по лесу и, дыша свежим воздухом, с горечью приговаривал:

- Какая тишина... Даже не верится, что кругом полыхает война и гибнут люди...

В Юхнове Сталин провел совещание с артиллеристами, пожурив их за спокойствие:

- Вы тут сидите на одном месте, чаи распиваете и не думаете о наступлении. Надо готовиться к нему.

Переночевал в штабе и 4 августа поехал на станцию Михалево, где уже стоял спецпоезд. В вагонах было темно, пахло карболкой. Сталин удивился отсутствию света. Позвали проводника. Глубокий старец с казачьими усами и пышной бородой вытянулся во фронт. Сталин спросил:

- Можно дать свет?

- Так точно, товарищ Сталин, можно!

Старик по-прежнему стоял оцепенело навтыяжку с поднятой рукой у козырька. Видя, что он так и не двинется с места, Сталин подошел и опустил его руку, с легким укором сказав:

- Зачем так много почестей для нас.

Проводник заторопился. В вагоне стало светло. Через Вязьму, Сычевку поезд прибыл в Ржев к командующему Калининским фронтом генералу Еременко. Встреча состоялась в деревне Хорошево, в доме мастера льночесальной фабрики Натальи Кондратьевой. Здесь перестарался уже сам Берия, где-то добыв хрусталь, ковры, хорошую кровать, доставил

кинохронику. Верховный все это отверг, оставив для отдыха обычную железную койку.

Вечер был тревожным - немецкая авиация бомбила станцию Ржев, где выгружался из вагонов кавалерийский корпус генерала Осликовского. В небе полыхало зарево. Наши зенитки открыли огонь, отгоняя подлетающие к деревне самолеты. Ночью Сталин дважды выходил на крыльцо подышать свежим воздухом. Под утро приехал генерал Еременко, а несколько позже - Ворошилов. Началось длительное совещание. Сталин по телефону дал в Москву ряд указаний о помощи Калининскому фронту для предстоящего наступления.

Днем стало известно, что наши войска взяли Орел и Белгород. Сталин заказал праздничный обед с чаем. Тут же написал приказ о первом салюте в честь двойной победы. Кириллин упорно раздувал во дворе сапогом трубу самовара. Аж искры летели из поддувала! Наконец чай закипел. После обеда Сталин вышел в отличном настроении на крыльцо и поманил пальцем Орлова с Кириллиным, налив им из бутылки по стопке перцовки. Счастливцы сперва оробели, но все-таки дружно опрокинули рюмки, разом гаркнув:

- За ваше здоровье, товарищ Сталин!

- Пейте не за мое здоровье, а за идеи великого Ленина и победу над врагом! - улыбнулся он.

Потом с горы над Волгой он долго рассматривал в бинокль разрушения во Ржеве. К вечеру 5 августа мы прибыли на станцию Михалево. Поезд взял курс на Волоколамск. Дорогой Сталин пригласил в салон машиниста Виневского, угостив чаем, поблагодарил его за труды и вручил скромный подарок.

Вечерняя Москва встречала нас салютом в честь взятия Орла и Белгорода".

Г .К. Жуков о разгроме немцев под Москвой:

"Битва за Москву одинаково была тяжела как для солдата, так и для командующего. За период особо ожесточенных сражений с 16 ноября по 8 декабря мне приходилось спать не больше 3 часов в сутки, да и то урывками... Когда же кризис сражения за Москву миновал, я так крепко заснул, что меня даже не могли разбудить. Мне тогда два раза звонил И. В. Сталин. Ему отвечали: "Жуков спит, и мы не можем его добудиться". Верховный сказал: "Не будите, пока сам не проснется".

За время этого крепкого сна Западный фронт наших войск переместился не меньше, как на 10-15 километров. Пробуждение было приятным...".

Через 8 месяцев после начала войны в приказе № 55 от 23 февраля 1941 г. И. В. Сталин отметил потерю немцами военного преимущества, которое они получили в результате внезапного нападения на СССР.

И все-таки отступление и поражения продолжались.

Летом 1942 года немцы перебросили свои резервы, а также войска своих союзников на советско-германский фронт и сосредоточили на юго-западном направлении большое количество войск.

Летнее наступление немецких войск - это не только занятие нефтяных районов Грозного и Баку. Главная цель - обойти Москву с востока, отрезать её от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву и тем самым кончить войну в 1942 году. В тыл Москве немецкие войска не прошли. В середине июля 1942 года немцы начали наступление на Сталинград, рассчитывая овладеть городом с ходу, разорвать советский фронт и продолжать продвижение вдоль Волги на север, в обход Москвы.

5 октября 1942 г. Сталин отдал приказ командующему Сталинградским фронтом: "Требую, чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику".

И все же враг прорвался к Сталинграду и в предгорья Кавказа. Выступая на заседании по случаю 25-й годовщины Октябрьской революции, Сталин, объясняя тот факт, что летом 1942 года немцы одержали серьезные тактические успехи, сослался на отсутствие второго фронта в Европе. Против Советской Армии сражались 240 дивизий.

19 ноября 1942 года советские войска на подступах к Сталинграду перешли в наступление. Удар был произведен по флангам, а потом и по тылу немецких войск. В короткий срок советские войска окружили в районе Сталинграда 300-тысячную армию немцев, частью уничтожили, а частью пленили её.

ПРОДУКТЫ ОТ СТАЛИНА

В ходе разгрома немцев под Сталинградом был захвачен командующий окруженной немецкой группировки фельдмаршал Паулюс.

Рассказывает переводчик А. Н. Глейбман, присутствовавший при допросе плененного немецкого фельдмаршала в штабе командующего 64-й армии генерала Шумилова:

"Когда Паулюса пленили, его привезли на машине со всеми его помощниками. С ним были начальник штаба Шмидт, помощник Паулюса Адамс, врач, его денщик... Я забрал его, Шмидта и Адамса и отвел туда, где его ждали командующий армией Шумилов и больше двадцати генералов. На допрос взяли только его и начальника штаба. Это происходило в старом Сталинграде. Все это было заснято, есть фильм, документальные кадры, как он подъезжает, как я его встречаю и вместе с ним иду в хату, где допрашивали. Оператор снял и как входили, как раздевались.

С нашей стороны были все командиры дивизий. Сели за стол, и Шумилов задает первый вопрос: "Кто вы такой?". Тот говорит: "Я фельдмаршал фон Паулюс, командующий 6-й армией". Шумилов: "Чем можете это

доказать?" Тот вынимает свое удостоверение личности, а Шумилов протягивает его мне. Я читаю и говорю: "По документам он генерал-полковник, а не фельдмаршал". Тут вскакивает Шмидт и говорит: "Я подтверждаю, что только вчера Гитлер присвоил ему звание фельдмаршала!" Ну и все, а потом... Между прочим, Сталин прислал специально самолетом продукты для встречи. Я много чего видел в жизни, но такого стола я не видал! Чего только там не было: и водка, и коньяк, и вина разные, ну все! И Шумилов задает вопрос ему: "Скажите, пожалуйста, что вы любите пить? Выбирайте". Паулюс говорит: "Я люблю русскую водку". Ну, налили ему бокал водки, все нормально. Потом встает Шумилов и говорит: "За нашу победу выпьем!" Паулюс не сориентировался, поднял бокал, а его начштаба сразу ему что-то сказал и рюмку на стол.

Паулюс смешался. Тут вступает начальник тыла нашего, кажется, генерал-лейтенант Александров, и говорит: "Вы, господин фельдмаршал, помните, как вы праздновали свою победу? Когда вы разбили нас и мы отступали от Дона, какой тост вы подняли? За вашу победу! А теперь, когда мы вас разбили, это наша победа. Мы же солдаты все, раз один победил, другой - побежденный". И когда я все это перевел, Паулюс и Шмидт взяли бокалы и выпили. Ну, такой стол! И они ели, ели, потому что от голода в Сталинграде всех кошек съели. Немцы им шоколад сбрасывали с самолетов, а он к нам попадал. Там и тушенка была, но в основном ящики с шоколадом...

Беседовали на темы, не связанные с войной. Шумилов был простой мужик и не хотел влезать в суть всего этого. Ему нужно было зафиксировать, что он допросил Паулюса самый первый.

Шумилов знал, что Паулюса ждут в штабе фронта, а потом его повезут в Москву. Как только пообедали, его

под сильной охраной, с танками, увезли в штаб. Там его допрашивал командующий фронтом".

После всех допросов Сталин поместил Паулюса под Москву, в место, которое называется Озеры, дом отдыха ЦК партии, близ подмосковного г. Одинцово. Там большое озеро, где много рыбы, ухоженная дорожка вокруг озера, хороший смешанный лес.

Паулюс жил в каменном доме на самом берегу озера. Дом - особняк дореволюционной постройки с мягкой мебелью и картинами на стенах.

В озере, недалеко от берега, где стоял особняк, в котором жил Паулюс, плавал и летом и зимой (там была проточная вода, не замерзавшая зимой) белоснежный красавец лебедь Яшка, охрана и Паулюс его прикармливали.

Во время Нюрнбергского процесса после войны Паулюса привезли из Москвы, и он выступал на процессе, его ответы на вопросы обвинителя зафиксированы в протоколах Нюрнбергского процесса.

Много лет спустя, после войны, особняк, где жил Паулюс, разрушили, а на этом месте построили новое роскошное здание для отдыха работников ЦК партии.

Старый лебедь Яшка умер, на его месте появился новый и тоже по имени Яшка.

В случае с Паулюсом и другими немецкими пленными Сталин обращался, как с пленными, и соблюдал международные конвенции. Наших же людей, попавших в плен к немцам, считал "изменниками Родины" и соответственно обращался с ними, когда они возвращались из плена.

* * *

6 марта 1943 года Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Разгром немцев под Курском имел решающее значение для дальнейшего хода войны. "Если битва под Сталинградом, - говорил Сталин, - предвещала закат

немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила её перед катастрофой".

Битвой под Курском, ликвидацией Орловского плацдарма немцев началось новое наступление Советской Армии. К ноябрю 1943 года было освобождено до двух третей советской земли от врагов.

6 ноября 1943 года Сталин получил орден Суворова 1 степени.

1944 год стал годом решающих побед Советской Армии. Советская Армия нанесла десять последовательных ударов по немецким войскам. Враг был изгнан из пределов советской земли. Военные действия Советской Армии были перенесены на территорию Германии и её союзников.

22 июля 1944 года Сталин получил орден Победы. В 1944 году под ударами советских войск сложили оружие бывшие союзники гитлеровской Германии Румыния, Финляндия, Болгария - и начали против неё войну. Венгрия находилась накануне капитуляции. Таким образом была завершена изоляция Германии. Создавшаяся военная обстановка означала, что Советский Союз в состоянии без помощи союзников, своими собственными силами оккупировать всю Германию и осуществить освобождение Франции. Это обстоятельство заставило премьер-министра Англии Черчилля, противившегося до сих пор открытию второго фронта в Европе, предпринять вторжение в Западную Европу. В июне 1944 года союзники провели высадку крупного десанта в Северной Франции.

2 мая 1945 года Сталин по радио заявил: "Советские войска завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин - центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии".

8 мая 1945 года представителями германского верховного командования был подписан в Берлине акт о

безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

26 июня 1945 года за исключительные заслуги в организации всех вооруженных сил Советского Союза и умелое руководство ими в Великой Отечественной войне Сталин получил второй орден Победы. Сталину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда".

27 июня 1945 года Сталину было присвоено высшее воинское звание Генералиссимус Советского Союза.

16 июля 1945 года Сталин прибыл в Берлин, где с 17 июля по 2 августа проходила Конференция трех держав - СССР, США и Великобритании. Берлинская конференция приняла важные решения, направленные на закрепление достигнутой победы, в том числе решения о Германии, об Австрии и Польше.

Советское правительство объявило о состоянии войны с Японией.

Утром 9 августа 1945 года советские войска, корабли и части Тихоокеанского флота начали боевые действия против японских войск на Дальнем Востоке.

Вступление Советского Союза в войну против Японии вынудило Японию капитулировать. 2 сентября 1945 года государственные и военные представители Японии подписали в Токио акт о безоговорочной капитуляции.

* * *

Из послевоенных воспоминаний В. А. Давыдовой:

"В сентябре 1945 г. Большой театр вернулся в Москву. Я снова в своей квартире. Послевоенная Москва стала мне ещё роднее и ближе. Я не могла на неё насмотреться. Заново знакомилась с этим необыкновенным городом. С наслаждением бродила по старым улицам и переулкам. Я была уверена, что на мою душу после всех разочарований, пережитых страстей, ухода друзей сошло, наконец, долгожданное

спокойствие. На деле оказалось, что любое счастье короче летнего ливня. Первый послевоенный отпуск собиралась провести в Москве, мечтала походить по театрам, музеям, порыться в книжных магазинах. В этот сентябрьский день, когда солнце скрылось, но долго ещё на горизонте, в полосе багряных хмурых туч, над самой землей висел закат, а с другой стороны из прозрачной безмолвной дали уже выплывала полная луна, с каждой минутой все ярче становился её причудливый свет, посеребривший травы и прикрывший землю легким тюлем, тишину пререзал телефонный звонок.

- В. А., вы узнали, кто говорит?

- И. В., я всегда узнаю ваш голос.

- Как у вас со временем?

- Сегодня у меня сольный концерт в Доме ученых.

- Что поделяет ваш драгоценный муженек?

- Спасибо, он здоров.

- Завтра у вас выходной день, в девять часов утра придет машина. До свидания.

Снова забилося беспокойное сердце. Неужели ОН не остыл? Несмотря на годы войны, у него наверняка были женщины. Зачем я ему сдалась? Я знала и понимала, что муж ревнует к прошлому, что он болезненно переживает мое отсутствие, хотя ему продолжают звонить девицы всех возрастов и умоляют о свидании. Мы по-прежнему живем на разных квартирах. Для общества мы - нежно любящие муж и жена. Сколько времени может продолжаться эта двойственность? Прожитая жизнь кажется бесконечно длинной и в то же время незаполненной. На сцене оперных театров я спела много партий. Я изображала женщин умных, сильных, волевых. Что ещё было в моей жизни? Сталин, Тухачевский, которого любила, подлеиший из подлых Ягода, незабываемая Надя Тузова, воинственный карлик-недоносок Ежов, его жена марксистка Тоня,

белесый Поскребышев, тучный Маленков, липкий Вышинский, темпераментный Лакоба, слюнтяй Зиновьев, безрадостное замужество, чудовищные процессы, бабские сражения в театре, незабываемый вечер, синее море, тихо плывущая лодка, нежный и грубый, талантливый Борис Пильняк, его рассказы и повести навечно вмурованы в мою память; Горький и Пешкова, А. Толстой и Кира Андронникова, Авилова и Мария Павловна Чехова... Так в думах прошел день...

Как давно я не была в Кунцево! Время не властно над природой. Только деревья разрослись. На дорожках, посыпанных гравием, шелестят листья. Садовники не успевают их убирать. Ароматный воздух вызывает головокружение. Из-за укрытия выглянула узколобая луна. Валечка бросилась ко мне на шею:

- Я так рада, что вы снова у нас в доме! Небось проголодались? Скоро поспеет ужин.

Появился бледно-серый, белесый, чуть сгорбившийся Поскребышев.

- Наконец-то и вы навестили наш теремок! И. В. скоро зайдет. Ну как вы там? Я слышал, что вы на перепутье: не знаете, где и как проводить отпуск?

- Еще не решила, куда податься. Хочу остаться в Москве.

Вошел Сталин. Мы с Поскребышевым встали.

- Ну, вот и встретились. А вы еще, В. А., не хотели уезжать! Солнечная Грузия вернула вам прежние черты лица.

Вглядываюсь в его облик. Война изменила И. В. до неузнаваемости. Лицо усохло, приобрело пергаментный оттенок. Никакие массажи не в состоянии были вернуть ему молодость, приближалась безжалостная дряхлость. Мы сели на диван.

- Как хорошо, В. А., что вы не поблекли, что сердитые годы войны не наложили на вас свой жестокий отпечаток. Надеюсь, что и тело ваше, которое

я так люблю, находится в полной сохранности! - проговорил он, смеясь.

- И. В., вы не можете без комплиментов.

- Вы правы, на седьмом десятке трудно перестраиваться. Лучше расскажите, как вы жили вдали от нас?

- Работала, пела, давала концерты, выступала в госпиталях и воинских частях, помогала художественной самодеятельности, занималась преподаванием.

- А ваш муж?

- Собиралась развестись, уговорил остаться, никогда ни в чем не упрекал.

- Ему ли упрекать вас?

- И. В., не надо об этом.

- Я очень постарел?

- Пожалуйста, ужинать! - звонко прокричала Валечка.

Как я ей благодарна, что она меня избавила от ответа. Поскребышев доложил, что приехали неразлучные друзья Берия и Маленков. Сталин обрадовался.

- В. А., вы так и не побывали у нас в гостях! - проговорил Берия, здороваясь.

- Я не собираюсь умирать, у меня ещё есть время.

- Ловлю на слове, - пророкотал упитанный нарком-маршал.

Обед оказался поздним. На первое принесли густой украинский борщ, на второе - хорошо приготовленную гречневую кашу и много отварного мяса, на третье - компот и фрукты. И. В. был в хорошем расположении духа, много шутил, пил легкое грузинское вино "Хванчкара" и угощал им других, но присутствующие предпочитали коньяк и водку. Веселить Сталина приехали артисты.

- Зачем они сдались? - недовольно пробурчал Берия.

- Артистов нельзя обижать, - сказал И. В.
- С кого начнем? - сгибаясь, спросил Поскребышев.
- Вначале послушаем Ивана Семеновича Козловского, - проговорил И. В.
- Остальных можно отправить домой?
- Разве они торопятся?

В полночь Берия и Маленков уехали. Я вопросительно посмотрела на Сталина.

- Что, Верочка, тошно стало от старого Сталина? Потянуло домой? Захотелось к мужу в постельку? Не волнуйтесь, мы вас снова пришпорим, у наездника ещё остались силы, на ваш век хватит!

Ну и лексикон! Он сравнивал меня с ездовой лошадью.

- И. В., миленький, почему вы меня оскорбляете?
- Я давно не видел твое тело. Раздевайся! Ты забыла про свои обязанности? Придвинься ко мне! Дай грудь поддержать. - Он снова меня унижал. - Можешь укрыться одеялом, а то не дай Бог простудишься и меня заразишь. - Сталин потушил свет. Он не хотел, чтобы я видела его мощи. Да, ты такая же, как была - Он закурил. - Я помню все наши встречи. Знаешь, Верочка, мне тебя здорово не хватало. Не с кем было обмолвиться словом. Кругом - одни ослы. Когда ты уехала, в Москве было очень беспокойно. Гитлер мечтал затопить Москву и Ленинград. Заводы и фабрики, институты, театры, киностудии мы эвакуировали. В городе почти не осталось детей. Я приказал Москву подготовить к взрыву, чтобы Гитлеру и его полчищам ничего не досталось. На Центральном аэродроме наготове стояли военные самолеты. Три месяца 1941 года - октябрь, ноябрь, декабрь - я провел в рабочем Кабинете около военных карт. Исход Великой Отечественной войны решила героическая битва под Москвой. Победило упорство великого русского народа Я все знал о тебе. Мне не хотелось будоражить тебя.

Иногда приходила Валечка, она согревала старые кости - И. В. проговорил сквозь сон: - Поедешь на озеро Рица, там очень красиво. Я приеду через неделю.

* * *

...С ужасом слушала болтовню кремлевского полунаместника Поскребышева. Незаметно перешла на другую тему:

- Скажите, И. В. серьезно увлекся сестрой товарища Кагановича?

- Как вам сказать, Верочка? - Гость пододвинул к себе ещё одну бутылку водки, пил из стакана, закусывал холодным мясом и соленым огурцом. - Для укрепления своих расшатавшихся позиций Молотов по совету Берия предложил Лазарю сосватать Сталину его сестру. Они были уверены, что маневр удастся и тогда эта вшивая группка окончательно приберет к рукам И. В. Любая сказка имеет присказку. Тройка уговорила Розу. Во время кремлевского банкета И. В. обратил на неё внимание. Нам с Маленковым удалось застенографировать одну хитрую беседу, которую в своем теремочке вели товарищи Берия и Молотов. Розочка навещает товарища Сталина один разок в неделю. Тройка лелеет надежду, что она отяжелеет, но мы с нее, образины носатой, глаз не спускаем. Если что и получится, силой потащим на аборт, а там и повод будет прирезать проклятую жидовку.

* * *

Характер Сталина менялся буквально по часам. Никто не знал, что он сделает через минуту. И. В. смещал министров, он никому не верил, считал, что каждый пытается его обмануть. Произошло частичное падение Молотова: его кресло, пост министра иностранных дел, занял Андрей Вышинский. В секретариате Сталина появились новые люди - мрачные и жестокие Чесноков и Андрианов, ставленники Берия и Маленкова. За глаза худосочного Андрианова называли

"оловянным солдатиком". Поскребышеву люди Берия "организовали" две катастрофы, он чудом остался жить. Террористов-неудачников Л. П. приказал расстрелять.

За исполнение роли Марины Мнишек получила Сталинскую премию. Позвонила Сталину, хотела его поблагодарить, полчаса ждала соединения. Наконец услышала его старчески-утомленный голос:

- Что тебе нужно? Зачем беспокоишь? Мы не нуждаемся в фальшивой благодарности. Получила премию - скажи спасибо. Заткнись и больше не морочь голову, потаскуха!

Маленков прислал именно приглашение на ЕГО 70-летний юбилей. Торжественное собрание открылось 20 декабря в Большом театре. В Кремле состоялся грандиозный банкет - 10000 гостей. За столом увидела Сталина, мне показалось, что торжество его не касается, он ко всему относился безучастно.

И. В., который всегда ВСЕ помнил, велел нарочно пригласить отставных любовниц. За одним столом "дружной ватагой" сидели, мирно беседуя, Роза Каганович, Валерия Барсова, Бронислава Златогорова, Наталья Шпиллер, Ольга Лепешинская, Марина Семенова, Валечка Истомина. Меня посадили с Поскребышевым. Он молча оплакивал потерю любимой жены, которая имела несчастье быть сестрой Надежды Седовой - жены Троцкого. По словам Берия, её "по ошибке" расстреляли.

Мне вспомнилось первая наша встреча с ним. Это было в Большом театре после исполнения мной главной партии в опере "Кармен". Сталин тогда взглянул на меня исподлобья. Это был мужской, пытливый, властно-оценивающий взгляд. Прошло мгновение, какая-то доля секунды, но взгляд этот я запомнила на всю жизнь. Сталин мысленно раздевал меня и осторожно взвешивал "за" и "против". Через месяц я получила

правительственное распоряжение о переводе в Большой театр.

Со всей России большие и малые города, заводы и фабрики, институты и отделения милиции, торговые предприятия и школы, детские дома и управления концентрационными лагерями, колхозы и совхозы, тресты и главки, музеи и тюрьмы, театры и воинские части, писатели и художники поездами, самолетами, пароходами, подводными лодками присылали СВОЕМУ бессмертному вождю и учителю всех угнетенных десятки тысяч подарков, стоимость которых невозможно оценить. Коммунистические партии всех стран мира не остались в долгу перед ВЕЛИКИМ ДИКТАТОРОМ. Из Китая на поклон к Сталину приехал Мао-Цзедун. Они долго трясли друг другу руки и долго целовались. Больше всех постарался угодить "любимому и добросердечному" Сталину первый секретарь ЦК Компартии Украины Никита Сергеевич Хрущев. И неожиданно для всех И. В. разрешил ему навсегда остаться в Москве.

- Ты хороший человек, хватит тебе скитаться. Будешь секретарем Центрального Комитета партии.

Мы все видели, как благодарный Никита, склонный к дешевой сентиментальности, от избытка чувств поцеловал "бессмертному" руку, а потом облобызал его рябое лицо.

Здание музея Революции было отдано для размещения "подарков" Сталину. Российские подданные в приказном порядке часами простаивали в очереди, чтобы узреть богатейшую дань.

13 апреля 1950 года в Большом театре с триумфальным успехом прошла опера Мусоргского "Хованщина". Эту оперу композитор писал последние 8 лет, но оркестровать не успел, окончательная редакция и оркестровка принадлежит Римскому-Корсакову. Мысль о создании оперы Мусоргскому подал его друг и

почитатель В. В. Стасов - известный музыкальный критик и искусствовед.

Сталин пригласил исполнителей главных ролей в правительственную ложу. Говорил он медленно, с трудом подбирая слова. И вдруг я получила комплимент:

- Мы знаем вас, товарищ Давыдова, столько лет, а вы все такая же красивая, темпераментная и... необыкновенная...

От радости на глазах выступили слезы. Я поблагодарила за комплимент, ведь он все ещё оставался вождем. В ложе находились Маленков, Хрущев, Берия, Вышинский, Булганин, Микоян; Молотова и Кагановича не было.

Сталин встал. Он повернулся к раболепно склонившимся в поклонах постановщикам спектакля и попросил каждого назвать себя, а Хрущева записать их фамилии и имена.

- Будем хорошо вас награждать, - проговорил он совсем тихо, - дирижера Голованова, режиссера Баратова, художника Федоровского, балетмейстера Кореня, хормейстера Шорина. Спасибо вам за "Хованщину"! Сегодня я навсегда прощаюсь с моим любимым Большим театром, где я провел столько чудесных и незабываемых часов...

Сталин вышел из ложи. Мы все захлебывались слезами, такова была сила непонятого человека".

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ. КОНЕЦ ЖИЗНИ И ВОСПОМИНАНИЯ О ВТОРОЙ ЖЕНЕ

Людам, жившим в то же время, что и Сталин, казалось, что сталинское время никогда не кончится и он будет жить долго и никогда не умрет. Трудно было верить, что век и великого человека должен кончиться.

Однако уже к концу войны, когда Сталину шел 66-й год, его здоровье было подорвано напряженным

трудом, нервная система расшатана тяжелейшими переживаниями.

Рассказывает Г. К. Жуков:

"В ходе Восточно-Померанской операции, кажется, 7 или 8 марта 1945 г., мне пришлось срочно вылететь в Ставку по вызову Верховного Главнокомандующего.

Прямо с аэродрома я отправился на дачу И. В. Сталина, где он находился, будучи не совсем здоровым.

Задав мне несколько вопросов об обстановке в Померании и на Одере и выслушав мое сообщение, Верховный сказал:

- Идемте разомнемся немного, а то я что-то закис.

Во всем его облике, в движениях и разговоре чувствовалась большая физическая усталость. За четырехлетний период войны И. В. Сталин основательно переутомился. Работал он всю войну очень напряженно, систематически недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно в 1941-1942 гг. Все это не могло не сказаться на его нервной системе и здоровье.

Во время прогулки И. В. Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве. Так за разговором прошло не менее часа. Потом сказал:

- Идемте пить чай, нам нужно кое о чем поговорить.

На обратном пути я спросил:

- Товарищ Сталин, давно хотел узнать о вашем сыне Якове, нет ли сведений о его судьбе?

На этот вопрос он ответил не сразу. Пройдя добрую сотню шагов, сказал каким-то приглушенным голосом:

- Не выбираться Якову из плена. Расстреляют его душегубы. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине.

Помолчав минуту, твердо добавил:

- Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине.

Чувствовалось, он глубоко переживает за сына. Сидя за столом, И. В. Сталин долго молчал, не притрагиваясь к еде. Потом, как бы продолжая свои размышления, с горечью произнес:

- Какая тяжелая война. Сколько она унесла жизней наших людей. Видимо, у нас мало останется семей, у которых не погибли близкие...".

Последний год жизни был трудным для И. В. Сталина. У него не было друзей, от дочери он отдалился.

Светлана Аллилуева писала о времени, когда видела своего отца незадолго до его смерти: "В последнее время отец жил особенно уединенно, поездка на юг осенью 1951 года была последней. Больше он не выезжал из Москвы и почти все время находился в Кунцево...

В последние годы рядом с большим домом выстроили маленький деревянный дом - там лучше был воздух; в комнате с камином отец часто и проводил дни. Никакой роскоши там не было - только деревянные панели на стенах и хороший ковер на полу были дорогими.

...Я была у него 21 декабря 1952 года, в день, когда ему исполнилось семьдесят три года. Тогда я и видела его в последний раз.

Он плохо выглядел в этот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть, гипертонии, так как неожиданно бросил курить и очень гордился этим - курил он, наверное, не меньше пятидесяти лет. Очевидно, он ощущал повышенное давление, но врачей не было. Виноградов был арестован, а больше он никому не доверял и никого не подпускал к себе близко. Он принимал сам какие-то пилюли, капал в стакан с водой несколько капель йода, - откуда-то брал он сам эти фельдшерские рецепты; но он сам же делал недопустимое: через два месяца (после дня рождения),

за сутки до удара он был в бане, построенной у него на даче в отдельном домике, и парился там по своей старой сибирской привычке. Ни один врач не разрешил бы этого, но врачей не было...

И вот я у него последний раз, но я ведь не знала, что это - последний раз. Обычное застолье, обычные лица, привычные разговоры, остроты, шутки многолетней давности. Странно - отец не курит. Странно - у него красный цвет лица, хотя он обычно был бледен (очевидно, было уже сильно повышенное давление). Но он, как всегда, пьет маленькими глотками грузинское вино слабое, легкое, ароматное".

Из воспоминаний охранника А. Т. Рыбина:

"Сталину пошел семьдесят четвертый год. Сказывалась постоянная гипертония. Раз на ходу чуть не упал от головокружения.

Туков успел поддержать. Порой с трудом поднимался по лестнице на второй этаж в свой кремлевский кабинет. И как-то невольно пожаловался Орлову:

- Чертова старость дает о себе знать..."

И о последних часах жизни И. В. Сталина тот же свидетель:

"27 февраля 1953 года в Большом театре шел балет "Лебединое озеро". В восемь часов сопровождаемый Кириллиным в своей ложе появился Сталин. До конца спектакля он был один. Затем попросил директора поблагодарить артистов... После чего уехал на ближнюю дачу.

28 февраля вместе с "соратниками" он посмотрел в Кремле кинокартину. Потом предложили всем членам Политбюро приехать на дачу. В полночь прибыли Берия, Маленков, Хрущев и Булганин. Остальные в силу возраста предпочли домашние постели. Гостям подали только виноградный сок, приготовленный Матреной Бутузовой. Фрукты, как обычно, лежали на столе в

хрустальной вазе. Сталин привычно разбавил кипяченой водой стопку "Телиани", которой хватило на все застолье. Мирная беседа продолжалась до четырех часов утра уже 1 марта. Гостей проводил Хрусталев. Потом Сталин сказал ему:

- Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать.

Подобного распоряжения он никогда не давал. Оно удивило Хрусталева необычностью. Хотя настроение у Сталина было бодрым... С утра все занимались положенными делами. В полдень заметили, что в комнатах все ещё нет никакого движения. Это насторожило. Но заходить без вызова к вождю не полагалось. А соответствующего сигнала по-прежнему не было. Наконец полседьмого вечера в кабинете вспыхнул свет. Все облегченно вздохнули, полагая, что сейчас последует приглашение. Однако не дождались его. Охрану стала охватывать тревога: происходило явное для Сталина нарушение распорядка дня. Пусть даже воскресного.

В десять тридцать охрана окончательно убедилась в скверности положения. Лозгачев послал Старостина в кабинет. Но тот уклонился. Дескать, раз ты старший, то иди первым. Пока препирались, привезли свежую почту из ЦК. Это давало возможность войти на законном основании. Твердым шагом Лозгачев направился в большую столовую, где Сталин мог отдыхать. Не заметил его в темноте. Миновал одну, другую комнату. Пусто. Из приоткрытой двери малой столовой лился свет. Заглянув туда, оцепенел...

У стола на ковре лежал Сталин, как-то странно опираясь на локоть. Рядом стояли бутылка минеральной воды и пустой стакан. Видимо, Сталин ещё не потерял окончательно сознание, но говорить уже не мог. Заслышав шаги, он чуть приподнял руку, словно

подзывая. Бросив почту на стол, Лозгачев подбежал, выпалив:

- Что с вами, товарищ Сталин?

В ответ послышалось непонятное "дз-з-з...". По внутреннему телефону Лозгачев позвал Старостина, Тукова и Бутузову. Они мигом прибежали. Лозгачев спросил:

- Вас, товарищ Сталин, положить на кушетку?

Последовал слабый кивок головы. Все вместе положили больного на кушетку, которая оказалась короткой. Пришлось перенести Сталина в большой зал на диван. По пути стало видно, как он озяб. Наверно, лежал в столовой без помощи несколько часов. Бутузова тут же распустила ему завернутые под локоть рукава нижней рубашки. На диване Сталина тщательно укрыли пледом. Лозгачев сел рядом ждать врачей.

А Старостин немедленно позвонил о случившемся Игнатьеву. Но всемогущий шеф КГБ робко предложил обратиться к Берии. Поскольку его все просто не переваривали, а потому предпочитали с ним даже не разговаривать. Старостин разбудил Маленкова. Как и следовало ожидать, этот безвольный человек не сделал ничего конкретного. Лишь через полчаса торопливо сообщил, что не нашел Берию, и предложил искать его самим. Наконец объявился, приказав:

- О болезни Сталина никому не говорите и не звоните!

Все-таки Лозгачев, не покидая больного, продолжал ждать помощь. Только в три часа ночи подъехала машина. Думалось, это "скорая"! Наконец-то можно передать больного врачам, переведя дух, избавившись от гнетущей бездеятельности. Но это явились "друзья" - Берия с Маленковым. Задрав голову и поблескивая очками. Берия прогромыхал к Сталину. У Маленкова скрипели новые ботинки. Сняв их, пошел в носках. Оба встали поодаль от дивана. Вдруг Сталин захрапел.

Может, увидел их да так выразил свое отношение. Кто знает...

Однако Берия отреагировал сразу, бросив Лозгачеву:

- Ты что панику наводишь? Видишь, товарищ Сталин крепко спит! Нас больше не беспокой и товарища Сталина не тревожь!

Лозгачев стал доказывать, что больному необходима медицинская помощь. Но Берия перебил его грязным сквернословием. С тем друзья покинули зал. Встретив Старостина, Берия устроил ему разнос:

- Кто вас, дураков, к товарищу Сталину приставил? Вы недостойны работать у него! Я ещё вами займусь!

Наконец они уехали. Часы отбивали уходящее время. И все очевидней становилось: врачи не спешат на помощь. Лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив:

- Скоро будет медицина.

Около девяти часов действительно появились врачи во главе с профессором Лукомским. Руки у всех от волнения тряслись так, что не могли снять с больного нижнюю рубаху. Пришлось разрезать её ножницами. Осмотрев Сталина, врачи установили диагноз: инсульт с кровоизлиянием в мозг. Принесли кислородную подушку, сделали уколы камфары, приложили пиявки. Наверное, предлагали применить ещё что-то, действующее сильнее, потому что Берия нагонял страху:

- А вы гарантируете жизнь товарищу Сталину, гарантируете?!

Кто же был на такое способен, если даже здоровые люди не имели сейчас гарантии выйти отсюда. 2 марта вызвали Светлану и Василия. Тот сразу где-то выпил и с порога закричал:

- Сволочи, загубили отца!

Некоторые члены правительства на него ошетились. А Ворошилов стал резонировать:

- Василий, успокойся. Мы принимаем все меры для спасения товарища Сталина.

Наконец о болезни вождя узнала страна. На даче все чаще раздавались звонки доброжелателей, предлагавших свои услуги. Некоторые клятвенно уверяли, что поднимут Сталина. Звонили профессора даже из демократических стран. Один был особо настойчив. Туков позвал к телефону Берия. Тот завопил в трубку:

- Ты кто такой? Провокатор или бандит? Скажи свое имя! Я с тобой расправлюсь!

Поняв, с кем имеет дело, профессор предпочел замолчать.

Члены Политбюро поочередно дежурили у постели больного. Иногда он пытался открыть глаза или шевельнуть губами, но сил не хватало. 5 марта стал падать пульс. Берия подошел к нему с просьбой:

- Товарищ Сталин, скажи что-нибудь. Здесь все члены Политбюро.

Ворошилов оттащил его за рукав, говоря:

- Пусть к нему подойдет обслуга. Он лучше её узнает.

Пока охрана протискивалась через тесное кольцо членов правительства, Сталину сделали какой-то сильнодействующий укол. От него тело вздрогнуло, зрачки расширились. И минут через пять наступила смерть. Оказывается, подобный укол, способный поднять или окончательно погубить больного, полагалось делать лишь после согласия близких и родных. Но Светлану и Василия не спросили. Все решил Берия.

Затем он, Маленков, Хрущев и Молотов поднялись на второй этаж. Сразу начался дележ государственных должностей. Деликатный Молотов предложил это

решить после похорон. Нетерпеливый Хрущев шуганул его матом. Обиженно махнув рукой. Молотов уехал".

Медицинская сестра, которая обмывала тело Сталина, обратила внимание, что оно было маленькое, очень белое, одна рука сухая, кожа гладкая. Из небольшого живота вырвался звук выходящего воздуха. Женщине стало жалко человека, имевшего такое тщедушное, слабое тело.

Только в конце жизни Сталин стал вспоминать о своей второй жене. Он никогда не помнил о загубленных им жертвах. Их судьба его не беспокоила. В его письменном столе по-прежнему лежало письмо Ленина, в котором тот писал что разрывает все отношения со Сталиным из-за грубости, проявленной Сталиным по отношению к Крупской. Лежало и письмо Бухарина, написанное перед его расстрелом, в котором говорилось: "Коба, зачем тебе нужна была моя смерть?". Об этих письмах Сталин никогда не вспоминал и не брал их в руки, но в конце жизни вспоминал о своих детских годах и о своей второй жене Надежде Аллилуевой. Ему приснился сон, в котором он увидел Надежду здоровой, веселой, желанной и манящей. Надежда звала его к себе. Сон был яркий, цветной. После этого Сталин приказал повесить в своем кабинете, столовой на даче и в кремлевской квартире большие фотографии Надежды Аллилуевой.

Сегодня мы знаем из книги американского врача Р. Моуди "Жизнь после жизни", что душа умершего покидает тело и какое-то время находится в комнате, где пребывает её тело, наблюдает за присутствующими людьми, понимает их разговоры, но уже не может ни во что вмешаться. Может быть, душа Сталина и видела, что делали его "соратники" у его тела.

Моуди считает, что душа выходит из тела по какому-то серому туннелю, в конце которого она видит ослепительный, яркий свет золотого, приятного цвета.

Ее здесь встречают души уже умерших ранее людей, и она начинает испытывать всеохватывающую её любовь и только любовь.

Но не со всеми душами так происходит. Души людей-преступников не могут оторваться от мест, где они совершили свои преступления, и они в виде устрашающих фантомов пугают людей, случайно попавших в эти места.

Может быть, и душа Сталина застряла в подвалах Лубянки, где казнили ни в чем не повинных людей, и до сих пор носится под их темными сводами...

И все же надо признать, что Сталин создал могучую державу, победил фашизм, обеспечил миллионам людей более достойную жизнь, чем та, которая сегодня выпала на долю россиян.

Так, может быть, душа Сталина в раю?

З. ТРОЦКИЙ Л.Д.

ТРОЦКИЙ КАК ЧЕЛОВЕК И КАК МУЖЧИНА

Лев Троцкий был одним из крупнейших политиков XX века. После октябрьского переворота в России в 1917 года занимал важнейшие посты в новой революционной власти: Наркомвоенмора, председателя Реввоенсовета республики, члена Политбюро большевистской партии и многие другие. Как мы видим, личность совсем неординарная. Им написано множество книг, брошюр, статей. По свидетельству американского журналиста Джона Рида, написавшего книгу о событиях октября 1917 года в России "Десять дней, которые потрясли мир", Троцкий мог выступать на митинге с речью в течение 12 часов подряд.

В своих воспоминаниях Клэр Шеридан, английская скульптор, лепившая бюсты Ленина и Троцкого, дает свою характеристику Троцкому как человеку и как мужчине. Она была родной племянницей Уинстона Черчилля, представителя аристократических кругов Англии и виднейшего политика XX века,

возглавлявшего правительство Англии в годы Второй мировой войны. Клер стала любовницей Льва Троцкого, когда выполняла его бюст. Она также сфотографировалась на фоне этого бюста, в экстазе простирая тонкие, красивые и сильные руки к скульптурному портрету своего любовника.

Клэр Шеридан - черноволосая, среднего роста, со стройной фигурой женщина, неплохо разбиралась в психологии, была наблюдательной и умела анализировать поступки людей.

В её воспоминаниях переплетаются образы Ленина и Троцкого, но лучшие из них она посвятила своему кумиру.

Вот что она писала об этих двух людях.

О Троцком:

"Я получила официальное приглашение вылепить также бюст Льва Троцкого. Когда мы с ним познакомились, и он стал позировать, нас сразу потянуло друг к другу. Троцкий, как я поняла, не церемониться с женщинами. Когда мы остались с ним наедине, он сразу же приступил к "делу", то есть ко мне. У него были порывистые, но сильные объятия, нежности в них было мало... Он всегда хотел только своего и мало обращал внимания на желания женщины. Поцелуи его были страстными, но он ими не увлекался, главное для него было удовлетворить свою страсть... Встречались мы с ним в разных местах, времени нам на наши встречи всегда нехватало, особенно мне. Я его убеждала, что для любви надо время. Он же торопился и отмахивался от моего стремления продлить наши свидания. На это у него была причина, и я её поняла в дальнейшем... Встречались мы с ним и в его знаменитом бронепоезде, на котором он разъезжал по фронтам гражданской войны и прозванным "фабрикой смерти" на колесах. Он был настолько порывист и быстр в

движениях, желаних, что я за ним не успевала - и в прямом и переносном смысле..."

Клэр лепила ленинский бюст некоторое время спустя после похорон Инессы Арманд, сеанс продолжался с 11 утра до 4-х вечера.

О Ленине:

"В течение всего этого времени Ленин не ел, не пил... Мои попытки завязать разговор не встретили одобрения. Я попыталась эффектно показать ему свою фигуру, принимая изящные позы у станка, где я лепила бюст. Чтобы обратить на себя его внимание, спросила, какие новости из Англии. В ответ Ленин улыбнулся неопределенной улыбкой, ни злой, ни доброй, и молча протянул мне несколько номеров английской газеты "Дейли геральд"...

И все же он немного оживился, когда посмотрел на свой скульптурный портрет. На мой вопрошающий взгляд - снисходительно улыбнулся. Мне показалось, что так улыбаются ребенку, строящему карточный домик. Счел нужным заговорить: "Как относится муж к вашей поездке (Ленин, видимо знал о моих отношениях с Троцким) в Россию?.." "Мой муж убит на войне", - ответила я. "На какой войне?". "Во Франции". ...Мы говорили с Лениным и об искусстве. Он сказал, что ничего в нем не смыслит, хотя порок буржуазного искусства, по его мнению, в том, что оно всегда приукрашено. Затем он взглянул на фотографию скульптуры моего сына "Головка Дика", и выражение нежности промелькнуло на его лице. Выражение лица его смягчилось и взгляд потеплел, и это дало мне возможность подумать, что у него есть ребенок от недавно скончавшейся его любимой женщины Инессы Арманд. Можно было на этом и закончить наш разговор, но я набралась духа и спросила: "Это тоже приукрашено?". Я пыталась предугадать его ответ,

чтобы поспорить с ним, но он только покачал головой и по-доброму улыбнулся".

Троцкий, как человек выступал, по его же словам, против "сухости и жестокости во всех отношениях жизни". Ему были присущи резко выраженный эгоизм, гипертрофированное самомнение, чрезмерное и болезненное самолюбие, стремление к экстравагантности в речи, писаниях и поступках, известного рода придирчивый педантизм, проявлявшийся даже в четком, аккуратном почерке.

Доктор медицины Г. Зив, друг детства Троцкого, считал, что многие названные черты, присущи эпилептикам. Однако они могут быть и у не эпилептиков, но в применении к Троцкому, по мнению Зива, "в психопатологии, более чем где-либо в другой области, весь вопрос - в степени заболевания эпилепсией".

Троцкий действительно страдал эпилепсией. С ним случился тяжелый припадок в разгар Октябрьского вооруженного восстания - в ночь с 24 на 25 октября 1917 года. Сказалось огромное нервное напряжение предшествовавших дней. В чувство Троцкого привел Д. Каменев, оказавшийся с ним рядом.

КИПЕНИЕ МОЛОДЫХ СТРАСТЕЙ

О себе Троцкий писал, что в "учении все время шел первым". Эти же слова можно отнести к частной жизни Троцкого - в ней он тоже был "первым" среди своих сверстников. Он рано женился и это произошло в время его заключения в знаменитых московских "Бутырках", когда ему исполнилось двадцать лет. Он тогда ещё не был Троцким, а Бронштейном Лейбой Давидовичем.

Он родился 25 октября (7 ноября) - в день Октябрьской революции и в один год - 1879-й со И. В. Сталиным.

Отец Троцкого, Бронштейн Давид Леонтьевич, арендовал 400 десятин земли на юге Украины, в сельце

Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии. В этой и Екатеринославской губерниях в 80-е годы прошлого века обосновалось около 40 еврейских земледельческих колоний, в которых проживало примерно 25 тыс. человек. Семья Бронштейнов жила в колонии Громоклей.

"Духовная атмосфера, окружавшая мои ранние годы, и та, в которой прошла моя дальнейшая сознательная жизнь, - это два разных мира, отделенные друг от друга не только десятилетиями и странами, - писал Троцкий, - но и горными хребтами великих событий и менее заметными, но для отдельного человека не менее значительными внутренними обвалами".

Из 8 рожденных детей - Троцкий был пятым - выжили четверо: старшие брат Александр и сестра Елизавета, Лев и младшая сестра Ольга (впоследствии жена Л. Б. Каменева (Розенфельда). Из всех Бронштейнов она ушла из жизни последней (арестована в середине 30-х. и расстреляна в Орловском центре в 1941-м при отступлении Красной Армии).

Американский социал-демократ Макс Истмен, написавший на основании многих бесед с Троцким его "Юношеский портрет", свидетельствовал: "...Факт его принадлежности к еврейской нации оказал значительное влияние на образование, характер и судьбу Троцкого. Ему были, конечно, известны ограничения возможностей для него в России при царе, но не этот факт поразил его сознание в детстве". Происходило это потому, что отец Троцкого был в тех местах фактически единственным работодателем для беднейших крестьян. От него зависели и более состоятельные люди, так как он владел мельницей, пивоварней, осуществлял скупку и перепродажу зерна, других сельскохозяйственных продуктов. Это, естественно, определяло отношение окружающих к

нему и членам его семьи. "Здесь не было возможности для Троцкого развить в себе "комплекс униженности", - писал Истмен.

Отец Троцкого Давид Леонтьевич научился грамоте на старости лет из-за желания самому читать книги знаменитого сына. После Октябрьской революции, лишившись всего имущества - около 10 тыс. десятин, - в разгар гражданской войны 75-летний старик прошел сотни километров пешком до Одессы. Оттуда сумел переехать к сыну в Москву. Тот пристроил его управляющим мельницей в подмосковном совхозе. Умер Бронштейн в 1922 г., заразившись тифом.

Мать Троцкого Анна происходила из городских мещан. Она в течение сорока пяти лет успешно вела большое хозяйство Бронштейнов.

Последние годы жизни Анна тяжело болела. В 1910 г. в Берлине в возрасте 60 лет ей удалили почку. После некоторого облегчения её состояние резко ухудшилось. Умерла она в Яновке, намного раньше отца Троцкого.

В 1888 г. Троцкий поступил в подготовительный класс Одесского реального училища святого Павла. Училище это основали немцы. Но так как в нем было только шесть классов, то для поступления в высшее учебное заведение нужно было закончить 7-й класс при другом реальном училище.

В училище Троцкий очень скоро проявил честолюбивые устремления. В краткой автобиографии он писал: "... Во время учения проявлял большое прилежание, все время шел первым".

"Первый ученик" переходил из класса в класс, увлекался рисованием (но подлинного художественного дарования в дальнейшем не обнаружилось), писал стихи, занимался переводами с русского на украинский (перевел басни Крылова). Участвовал в издании школьного рукописного журнала "Капля".

Но вскоре появились и отличия. Во втором классе Троцкого исключили из училища за протест против самодурства учителя французского языка. Правда, затем восстановили. В подростке стремительно вызревает потребность и, главное, умение обращать на себя внимание, выделяться из окружающих. Например, когда у него обнаружили близорукость и врач прописал очки, он не только не был огорчен, но, наоборот, расценил ношение очков как признак собственной значительности. "Я не без удовольствия предвкушал свое появление в очках в Яновке", - писал Троцкий.

По мнению Г. А. Зива, Троцкий посещал училище отнюдь не для того, чтобы "сколько-нибудь расширить свои знания в какой-нибудь из наук, в которой он делал такие хорошие успехи... а... потому, что до поры до времени училище все-таки представляло единственное поле, где он мог проявить свое превосходство над другими".

После окончания училища Троцкий перебрался в Николаев, чтобы закончить седьмой класс "реалки".

Год учебы в Николаеве, 1896-й стал переломным для Троцкого. Он забросил учебу, его потянуло к общественной жизни. Он познакомился с садовником Францем Швиговским, чехом по происхождению, который выписывал газету, внимательно следил за политикой, читал массу литературы.

Новое увлечение Троцкого обеспокоило родителей. Во время кратких наездов в Николаев между ними и сыном происходили бурные сцены. Отец настаивал на разрыве Льва с его новыми знакомыми, продолжении "нормальной" учебы. Троцкий протестовал против вмешательства в его дела, отстаивал право самостоятельного выбора своей дальнейшей судьбы. Его потянуло в революцию. Его восстание против отца и против социального строя слились в одно.

Троцкий порывает с родителями и вступает в "коммуны" Швиговского. Помимо их двоих в неё входили также старший брат Троцкого Александр, Зив, двое Соколовских - Григорий и Илья, будущий редактор "Одесских новостей", где сотрудничал Троцкий в 1908-1912 гг. Здесь Троцкий сошелся с их старшей сестрой - Александрой, девушкой "с нежными глазами и железным умом". Она была намного старше Троцкого и происходила из бедной семьи. К тому же воспитывалась без матери, отцом, восторженным приверженцем идеалов свободы и равенства. Дочь унаследовала "мятежные настроения и философию народничества". Она же оказалась среди членов "коммуны" единственной, кто познакомился с марксизмом. Вспоминая о тех днях, Троцкий в письме к Соколовской в ноябре 1898 г. из одесской тюрьмы писал: "Ты на меня с самого начала произвела хорошее впечатление, хотя я и был предубежден против тебя, так как знал, что ты строптивейшая марксистка".

В ответ Троцкий получал от Александры Соколовской письма о любви. В одном из них она писала:

"Любовь! Я чувствую её неистовство! И это неистовство вызывает ты во мне. С тех пор, как я поняла, что люблю тебя, ты в воображении предстаешь перед моими глазами, я смотрю на тебя, я слушаю тебя, я говорю тебе, что люблю тебя... Я перечитываю твои письма, и они мне кажутся иногда нежными, редко страстными и всегда короткими... Одним словом, я люблю тебя, я сошла с ума, и я не знаю, что будет со мной, если мы не будем вместе...".

Можно утверждать, что в этот период обеими молодыми людьми руководило половое влечение. Льву ещё не было двадцати лет и ему нужна была женщина, которую, по его словам, он "бы любил всей душой, всем сердцем". Александре Соколовской нужен был мужчина

- она засиделась в девках, ей скоро должно было исполниться тридцать лет. Она с трудом сходилась с людьми - у неё был тяжелый, "железный" характер, но ей нужен был "любимый", по её понятиям, человек.

Внешне Александра была видной девушкой, со стройной и привлекательной фигурой, с крепкой грудью, пышными волосами, полными губами, румянцем на щеках, немного её портил строгий взгляд серых больших глаз. В них появлялась нежность, только когда она смотрела на Льва.

Первая встреча у них произошла когда они жили в "коммуне".

Лев думал перед свиданием: "Дам ей побольше денег... Нет деньги она не возьмет, подумает ещё ни весть что... Лучше пойду с ней погулять".

Встретились.

- Я пойду с тобой, хочешь, Саша?

- Погуляем? Еще бы, конечно! - Она прижалась к нему, глаза её сверкнули неизъяснимой глубокой радостью. - Куда мы идем?

- В магазин, чтобы купить тебе чего-нибудь.

- Мне? Ничего не нужно, зачем? Не следует тратиться на меня.

- Я хочу купить тебе платье, красивое...

- Не надо, я обойдусь и так...

- Но ведь у тебя же нет такого платья, чтобы все на него смотрели?

- Нет, и не надо! - твердо ответила Саша.

Лева заглянул в счастливые глаза своей девушки и понял, что ей безумно хочется быть с ним и она совсем не думает ни о каких платьях.

После длительной прогулки, когда молодые люди уединились в большом сарае, стоявшем на отшибе и полном душистого сена, произошло их сближение.

Саша бросилась ко Льву на шею и расцеловав, увлекла его за собой и стала торопливо раздеваться.

Лев впервые в жизни оказался в объятиях страстно желавшей его девушки. Он делал все с легким сердцем, у него было радостно, светло на душе. Какое-то время он ощущал реальность вокруг себя, а потом, когда волна страсти высоко подняла его над всем миром, он отдался любви со всем пылом молодости и неопытности. Это было для него восхитительным и прекрасным и у него на всю жизнь остались воспоминания запаха душистого сена и здорового молодого тела женщины...

Лев считал, что он не совершил ошибку, подавшись порыву любви и овладев девушкой. Он твердо решил, что все последствия их первой встречи и всех других встреч с Сашей, "любимой марксисткой", как он её называл, он возьмет на себя.

В основе отношений молодых людей - Льва и Саши, по-видимому, лежало половое влечение, а не настоящая любовь, если иметь в виду их разницу в возрасте. Сошлемся при этом на определение полового влечения, которое дал известный французский писатель Андре Моруа в своей книге "Семь ликов любви": "Половое влечение, которое лежит в основе чувства любви, остается в сущности неизменным инстинктом; оно изменилось так же мало, как и человеческое тело. Но проявления этого инстинкта, которые суть виды любви, менялись с течением времени".

Члены "коммуны" жили по-спартански, носили синие блузы, круглые соломенные шляпы и черные палки. В городе их принимали за членов таинственной секты. Они мною и беспорядочно читали, спорили, распространяли в народе книги, писали полемические статьи.

К этому времени относится окончание Троцким николаевского реального училища. Перед ним вновь встал вопрос выбора - что делать дальше? По настоянию родителей он вернулся в Одессу, где стал

посещать лекции на математическом факультете университета. И хотя к математике он и чувствовал большое тяготение, но "революция постепенно овладевала" им. А когда он увлекался, все остальное теряло для него всякий смысл.

Университет был брошен. Он весь переключился на полулегальную работу в кружках радикально настроенной молодежи. Очень скоро Троцкий стал неформальным лидером группы молодых людей, искавших выход переполнявшему их стремлению к активной деятельности "на благо отечества". Троцкий привлек внимание одесской полиции и вынужден был покинуть Николаев.

Г. Зив вспоминает: "...Действительная индивидуальность Бронштейна не в познании и не в чувстве, а в воле. Бронштейн, как индивидуальность, весь в активности. Активно проявлять свою волю, возвышаться над всеми, быть всюду и всегда первым - это составляло основную сущность личности Бронштейна; остальные стороны его психики были только служебными надстройками и пристройками".

В конце января 1898 г. были произведены массовые аресты. В охранном отделении оказалось свыше 200 человек. Началась тюремная эпопея Троцкого.

Первое время Троцкого держали в николаевской тюрьме, затем перевели в херсонскую. Ни в Николаеве, ни в Херсоне он допросам не подвергался. Через три месяца его перевезли в Одессу и поместили в одиночную камеру, где он оказался соседом Ильи Соколовского.

С одесской тюрьмой связан выбор и его постоянного псевдонима. Под фамилией Троцкий в тюрьме служил старший надзиратель. На юношу произвели неизгладимое впечатление его величественная фигура, властность, умение подчинять себе окружающих и держать, что называется, в ежовых рукавицах не

только арестованных, но и всю администрацию тюрьмы. Вот Лев и взял фамилию надзирателя, чтобы доказать всем, и в первую очередь себе, что имя матерого защитника самодержавия может служить и другим целям - борьбе против самодержавия, революции.

Во время следствия Троцкий, по словам Зива, стал решительным и прямолинейным "марксистом", хотя раньше был его противником. "Фразеологию марксистскую он, несомненно, усвоил в совершенстве, - отмечал Зив, - и рассуждать о роли личности, о классовой борьбе, значении производительных сил и т. п. он мог как самый заправский марксист и с присущим ему талантом. Но как только он пытался от усвоенной теории перейти к практике, к марксистскому творчеству, к применению материалистического понимания истории к живой жизни, он неизменно обнаруживал полное бессилие".

Одним из первых научныхopusов Троцкого была работа о масонстве. Статью эту он планировал отослать в журнал "Мир божий". Однако закончить статью ему помешало "нервное расстройство". Началась бессонница. Общее недомогание, вялость. "... Мысль как-то вяло работает, рука лениво подвигается по бумаге, а на душе какое-то всесовершенное безобразие". И затем: "У меня прежде такое настроение бывало периодически и продолжалось каждый раз 2-3-4 дня.

В этом письме Троцкий описал свое состояние в момент эпилептического припадка. Присутствовавший при этом Г. Зив вспоминал, что такого рода полуобмороки и настоящие обмороки с Троцким происходили и впоследствии, причем именно в моменты особого напряжения духовных и физических сил. Такой обморок с ним, например, произошел в октябре 1906 г. на суде по делу о Петербургском Совете рабочих

депутатов. Судьи вынуждены были отложить на некоторое время судебные заседания.

Со временем он все же под воздействием все учащавшихся припадков, которые длились уже не день-два, а неделю-другую, а иногда и месяц, как в разгар дискуссии 1923 г., а позднее - в Норвегии и в Мехико, вынужден был признать болезнь нервной системы. Говоря о себе, Троцкий писал: "С детских лет мальчик болел болезнью, которую врачи в официальных свидетельствах называли хроническим катаром желудочно-кишечного тракта и которая тесно переплеталась со всей его жизнью. Ему часто приходилось глотать лекарства и соблюдать диету".

...Суд приговорил Троцкого к четырем годам ссылки в Восточную Сибирь. В это время Троцкий окончательно сошелся с симпатизировавшей ему А. Соколовской. И хотя его родители категорически возражали против этого брака, он настоял на своем. Их брак в "Бутырках" скрепил раввин. К этому времени невеста была беременна.

К осени 1900 г. молодая семья - у них к тому времени родилась дочь Зина - обосновалась в сельце Усть-Кут Иркутской губернии. Поселились в одной избе с польским ссыльным, сапожником Микшей. В ссылке время делилось между хозяйственной работой (рубкой дров, мойкой посуды, уборкой) и чтением.

В ссылке он читал художественную литературу. Среди иностранных писателей выделяет Г. Ибсена, Г. Гауптмана, Ф. Ницше, Г. Мопассана, среди русских - М. Горького, В. Короленко, А. Чехова, В. Вересаева, Л. Толстого, Л. Андреева. Но особенно почитаем им был Г. Успенский.

Когда у Троцкого появилась возможность сотрудничать в иркутской газете "Восточное обозрение", основанной ссыльными-народниками, он пишет "под Успенского". После нескольких публикаций

ему повышают гонорар с 2 до 4 копеек за строку. Это был хороший приварок к семейному бюджету, если учесть, что в месяц Троцкий писал по 3-5 статей, объемом в 2-2,5 авторских листа.

В одном из его лучших очерков "Почтальоны и почтовые "чины" по Лене" в мельчайших деталях изображаются быт, условия работы, нравы почтово-телеграфных служащих. В результате получается картина, проникнутая неподдельным сочувствием и уважением к этим людям.

К тому времени Троцкий с семьей - у них родилась ещё дочь Нина переехал в Верхоленск. Отсюда в августе 1902 г. он решился на побег. Тогда это не было чем-то сверхъестественным. "Бегали" многие. Жена, несмотря на то, что оставалась с двумя маленькими дочерьми - младшей шел четвертый месяц, - поддержала его.

Сильное половое влечение Лев и Саша испытывали друг к другу в течение нескольких лет. У них родились двое детей, но через несколько лет, в ссылке они расстались. По этому поводу Александра писала своей подруге:

"Дорогая Люси! Мы разошлись со Львом и, похоже, навсегда. Я не стала противиться его побегу из ссылки. Я поняла, что для меня это и конец нашим с ним отношениям. Мы друг к другу хорошо относимся, но быть мужем и женой нам нелегко. Представь себе, каждую свободную минуту я мою "ручки - ножки" и в "постель - постель...". Разница у нас в возрасте большая и дальше все будет гораздо сложнее. Быстротечны часы любви, но примирится с действительностью трудно, когда ему "надо", мне "не хочется", а ведь он так молод, а я так "стара"! Трудно мне с ним, очень трудно! Мы были счастливы, я в дальнейшем буду счастлива воспоминаниями и нашими детьми, я благодарна ему за все, он благороднейший для нас

человек, мы никогда с ним не ругались, вернее он со мной, ну а я... ты же знаешь, но я его любила и буду любить... У него ещё все впереди, у меня остались дети и они прекрасны. Я с ним не совершала ошибку, но судьба жестоко напомнила о реальностях в нашей жизни... Вот почему я не возражала против его побега из ссылки, хотя дети у нас ещё маленькие... Так распорядилась неумолимая и строгая судьба наша севой...".

В дальнейшем Троцкий и Соколовская встречались эпизодически. Жизнь развела их, но они сохранили идейную связь и дружбу.

Дата побега - 22 августа 1902 г. В этот день исправник Лебедев послал из Верхолженска в Иркутск телеграмму, в которой сообщалось: "Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн... Заявлению жены Бронштейн выехал Иркутск".

Знакомый крестьянин доставил Троцкого к железной дороге. "Я без приключений сел в вагон, куда иркутские друзья доставили мне чемодан с крахмальным бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации, - вспоминал Троцкий. - В руках у меня был Гомер в русских гекзаметрах Гнедича. В кармане - паспорт на имя Троцкого, которое я сам наудачу вписал, не предвидя, что оно станет моим именем на всю жизнь. Я ехал по сибирской линии на запад".

Троцкий остановился в Самаре, где размещался тогда российский штаб "Искры". Его возглавлял Г. М. Кржижановский. Он-то и сообщил Ленину о Троцком, дав ему новый псевдоним Перо. По поручению самарского бюро Перо выезжал в Харьков, Полтаву и Киев для связи с местными "искровцами".

В Самаре Троцкий получил приглашение Ленина приехать в Лондон. Кржижановский снабдил его деньгами, и вскоре он оказался на русско-австрийской границе, которую нелегально перешел. Через Вену,

Цюрих и Париж добрался до Лондона. Пора юности закончилась. Троцкий стал на путь профессионального революционера.

Ранним ненастным утром в октябре 1902 г. в дверь квартиры, где проживали Ленин и Крупская, раздался стук. Открыла сама Надежда Константиновна. Троцкий позже самокритично заметил, что "всякий более опытный и, так сказать, более привычный к культурному общежитию человек посидел бы спокойно на вокзале час-два вместо того, чтобы ни свет ни заря стучаться в чужие двери. Но я ещё был полон зарядом своего побега из Верхоленска".

Подобная бесцеремонность в общении с товарищами не только в быту, но и в политике, на мой взгляд, была отражением не "заряда побега" Троцкого из ссылки, а существенной чертой его личности. "Сухой и надменный тон Троцкого", "небрежная манера свысока говорить с кем бы то ни было" неприятно поразили при первой встрече А. В. Луначарского. За эти тон и манеру его сразу же невзлюбил Г. В. Плеханов. Совсем иначе ко всем странностям Троцкого отнесся В. И. Ленин.

Несмотря на неурочный час, он приветливо встретил беглеца. Его напоили чаем. Он рассказал о побеге и пожаловался на плохое состояние "искровской" границы: она оказалась в руках гимназиста-эсера, который к "искровцам", ввиду разгоревшейся жестокой полемики, относился без большой симпатии; к тому же контрабандисты жестоко обобрали Троцкого, превысив всякие тарифы и нормы.

Ленин был старше Троцкого на 9 лет - срок, может быть, и не столь большой, но не следует забывать, что в революции год нередко идет за два, а то и за три. В свои тридцать два года Ленин наряду с Плехановым уже считался признанным лидером российской социал-

демократии. Он быстро сумел оценить задор Троцкого, стремление отстаивать собственное мнение.

Троцкий выступал с докладами, участвовал в митингах в рабочих предместьях Лондона. Здесь он не раз выигрывал идейные споры у патриарха российской эмиграции эсера Н. В. Чайковского, анархиста Черкезова и других менее именитых соперников.

ВТОРАЯ ЖЕНА

Некоторое представление о реакции на выступления Троцкого в начальный период его революционной деятельности дают воспоминания Н. И. Седовой. Ей суждено было стать второй женой Троцкого, от их брака было двое сыновей, Лев и Сергей. Она была моложе Троцкого на три года (родилась в 1882 г. и почти на 20 лет пережила его, умерла в 1962 г. в предместье Парижа). Отцом Седовой был выбившийся в купцы донской казак, а матерью - полька из захудалого шляхетского рода.

Знакомство их произошло осенью 1902 г. в Париже, на квартире у бывшей народоволки В. М. Александровой. По её просьбе Седова определила Троцкого на временное местожительство в небольшой комнатенке за 12 франков в месяц. Начались их встречи. Н. Седова познакомила Троцкого с Парижем, который для него был "похож на Одессу, но Одесса лучше".

Из воспоминаний Натальи Седовой:

"Наши отношения со Львом складывались не только, как чисто чувственные, нас связывал вместе его интеллект. В отношениях с людьми Лев всегда высказывал жестокое и горькое презрение к недостатку у человека интеллектуальности. То, что он энергичен и напорист мне нравилось, наша семейная и духовная связь была прочна, несмотря ни на что. Для меня он был человеком чести и никогда не был по отношению ко мне ни вероломен, ни жесток... Его грехи я прощала и

поэтому мы никогда друг к другу злобно не относились, конфликты разрешали по-хорошему.

Со Львом я впервые в жизни испытала счастье; и в дальнейшем моей обязанностью было искать и находить это счастье в наших отношениях и Лева мне в этом помогал... После первой встречи с ним, я почувствовала себя, как путник, долго бродивший по пустыне с пересохшим от жажды горлом, и вдруг напившийся свежей родниковой воды...".

С ноября 1902 г. началось и сотрудничество Троцкого в "Искре", которое продолжалось до марта 1905 г. За это время Троцкий опубликовал тридцать одну статью. "Искра" выходила два раза в месяц, и его статьи появлялись фактически в каждом номере. Первая заметка была посвящена 200-летнему юбилею Шлиссельбургской крепости. По словам Троцкого, она весьма понравилась Ленину.

Нетерпимый, вызывающий на ответную грубость характер выступлений Троцкого особенно наглядно проявился в первой его большой книге "Наши политические задачи", увидевшей свет в 1904 г. в - Женеве.

В работе Троцкий подверг резкой критике ленинскую платформу по организационным вопросам. Свою главную цель он видел в необходимости оспорить значение принципиальных положений книг Ленина "Что делать?" и "Шаг вперед, два шага назад". В своей работе он заявил, что Ленин в РСДРП представлял "реакционное крыло", назвал его и большевиков "фанатиками раскола", "копающимися в организационных мелочах", и что представители "меньшинства" обязаны бороться против известного партийного режима.

Он не только отверг принцип демократического централизма как основу строительства партии, но и

пытался вообще оспорить необходимость наличия организованной политической партии у пролетариата.

Во время революции 1905 года Троцкий принимал активное участие в событиях в Петербурге.

Своей деятельностью в Петербургском Совете Троцкий заслужил признание и авторитет в глазах многих рабочих, демократической интеллигенции. Троцкий из всех социал-демократических вождей показал себя, несмотря на свою молодость, наиболее подготовленным, меньше всего на нем было печати эмигрантской узости, которая мешала в то время даже Ленину; он больше других чувствовал, что такое широкая политическая борьба. И вышел из революции с наибольшими приобретениями в смысле популярности; ни Ленин, ни Мартов не выиграли в сущности ничего.

Троцкий, как и другие активные участники революции 1905 года, был арестован. Процесс над ними замышлялся с размахом. Он велся открыто, в присутствии журналистов, широкой публики. Было привлечено свыше четырехсот свидетелей, представлявших все слои российского общества: рабочие, фабриканты, жандармы, инженеры, прислуга, обыватели, журналисты, почтово-телеграфные работники, полицмейстеры, гимназисты, гласные Думы, сенаторы, депутаты, профессора, солдаты. В течение месяца перед судебным заседанием, по сведениям Троцкого, прошло более трехсот человек. Стенографический отчет следствия составил 33 тома.

На суде присутствовали мать и отец Троцкого. Им импонировала популярность сына. "Мать была уверена, что меня не только оправдают, но как-нибудь ещё и отличат... - вспоминал Троцкий. - Отец был бледен, молчалив, счастлив и убит в одно и то же время".

Троцкий вел себя картинно и героически. Он произнес пламенную речь на тему "Совет рабочих депутатов и вооруженное восстание".

Обвиняемым ставилось в вину участие в "преступном сообществе с целью изменения установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику". Троцкого в числе 14 других обвиняемых приговорили к ссылке в Восточную Сибирь на вечное поселение с лишением всех гражданских прав. Это был сравнительно легкий приговор. Ждали каторги.

После суда Хрусталева и Троцкого поместили в Петропавловскую крепость, Сверчкова - в Дом предварительного заключения, Злыднева и Зборовского - в одиночную тюрьму. Перед отправкой в Сибирь всех свезли в "Предварилку". Новый, 1907 г. четырнадцать приговоренных к ссылке встречали вместе. Освещение процесса в печати сделало свое дело: в тюрьму потоком шли любопытствующие "посмотреть на Троцкого". Приходили даже офицеры Семеновского полка, среди которых оказались и те, кто командовал расстрелом рабочих 9 января (например, Риман). Иногда в смотринах участвовало и высокое тюремное начальство. "Это - Хрусталев. А вот это - Троцкий, говорил начальник, услужливо изгибаясь перед какими-то господами, вспоминал Сверчков. - Мы чувствовали себя в положении редкостных чудовищ. Я до сих пор не уверен, что за просмотр нас не брали денег".

Однако этот "просмотр" имел свои выгоды и для заключенных. Ссылных хотя и переодели в арестантскую робу, но оставили собственную обувь. Воспользовавшись этим, Троцкий сумел в подметку ботинок припрятать паспорт, а в высокие каблуки - золотые червонцы, которые ему принесли родные.

10 января глубокой ночью группу ссылных доставили на Николаевский вокзал, загнали в тюремный вагон с решетками и отправили в сибирский городишко Обдорск. Находился он далеко за Полярным кругом. До железной дороги - полторы тысячи километров, до

ближайшего телеграфа - 800. Почта приходила раз в две недели, а в весенне-осеннюю распутицу она не доставлялась по два-три месяца. До Тюмени добирались по железной дороге, а после на санях. Четырнадцать ссыльных сопровождали пятьдесят два конвойных солдата, командир отряда, пристав и урядник. Выехали обозом в 40 саней. На тридцать пятый день пути - 12 февраля - добрались до городка Березова, известного по месту ссылки соратника Петра I, светлейшего князя А. Д. Меншикова. Оставалось проехать ещё 500 верст. Во время передышки Троцкий, посоветовавшись с бывшим офицером Ф. Н. Рошковским, отбывавшим ссылку в Березове, решился на побег. Надо сказать, что на этот раз риск был нешуточный: побег вечнопоселенца карался каторжными работами. Но Троцкий пренебрег суровостью наказания, что, естественно, свидетельствовало о мужестве. Например, Хрусталева долго сопротивлялся побегу, подыскивал всякие отговорки, прежде чем согласился.

Имея червонцы и запас спирта, Троцкий привлек для организации побега местного крестьянина Бонифатия Батмашева по прозвищу Козья Ножка. Тот в свою очередь подобрал оленевода, зырянина по национальности, запойного пьяницу, но отчаянного человека. Именно он выдал властям Батмашева, которого сурово наказали. После Октября Батмашев узнал, что благодаря ему Троцкий сумел бежать. В 1923 г. он приезжал к Троцкому в Москву, был им обласкан и чрезвычайно довольный, в новом красноармейском обмундировании вернулся домой.

С зырянином по лютому февральскому морозу на оленях Троцкий проехал за неделю свыше 700 километров до Урала, там сел на поезд и вскоре оказался в Петербурге. Сохранился документ Березовского полицейского управления Тобольской губернии, в котором сообщалось: "Февраля 21 дня 1907

г. В ночь с 19 на 20-е сего февраля скрылся находившийся на излечении в Березовской инородческой больнице важный государственный преступник ссыльнопоселенец Лейба Давидов Бронштейн (он же Троцкий). По полученным сведениям означенный ссыльный выбыл из города Березова с крестьянином Бонифатием Батмашевым".

Если до Березова ссыльные добирались в течение месяца, то обратный путь Троцкий проделал за 11 дней. Именно в стремительности предприятия и заключался его благополучный исход. Из Петербурга Троцкий сразу выехал в Финляндию - ближнюю эмиграцию, там уже находились Ленин и Мартов. Ленин проживал в Куоккале на известной для многих партийцев даче "Ваза", ставшей своего рода большевистским штабом. Беглец посетил Ленина и Мартова. Имел с ними продолжительные беседы. Владимир Ильич дал ему явки в Гельсингфорс (Хельсинки), которые очень помогли Троцкому в устройстве в небольшом местечке Огльбю. Троцкий описал свой побег в книжке "Туда и обратно". На полученный гонорар через Стокгольм выехал в Западную Европу. 30 апреля уже присутствовал на V лондонском съезде РСДРП.

Популярность его быстро росла. Некоторые делегаты, в особенности из провинции, так же как и "публика" в Петербурге зимой 1907 г., шли "смотреть Троцкого".

В период революционной деятельности появилось обвинения в адрес Троцкого о его сотрудничестве с царской охранкой. Об этом говорилось в статье Бурцева в журнале "Общее дело" № 370 за 1921 г. Бурцев писал: "Троцкий, в особенности в начале своей предательской карьеры, был совсем мелким полицейским агентом... В Вену Троцкий прибыл в феврале 1911 года. Дела его в то время были совершенно плохи. Он занимал с женою маленькую комнатку и жил впроголодь. В то время

Троцкий через немца Брандта, владельца книжного магазина "Либрэри де Пепль", агента австрийской политической полиции, сошелся с заведовавшим в то время полицией неким Шлеймером. Этот Шлеймер ангажировал нынешнего Главковерха Красной Армии к себе на службу за 300 крон в месяц".

Имеются и другие письменные свидетельства сотрудничества Троцкого с охранными службами. В одном из них говорится: "Справка 19 октября 1916 года. Бронштейн-Троцкий был агентом Австрии под руководством Раковского, начальника австрийского шпионажа на Балканах". И еще: "Лозанна. Подлинным письмом венской полиции лейтенант Элейшкери подтверждает, что Лев Давидов Бронштейн, известный как Троцкий, служил в австрийской политической полиции. Представлено было начальником внешнего наблюдения заграничной агентуры Департамента полиции Анри Багио директору Департамента полиции в Петрограде и освещено в делопроизводстве Департамента за 1916 год".

Знала ли жена Троцкого Седова о его связях с охранкой? Вероятно, да. Она очень редко писала своим подругам, но в одном из её писем можно было прочесть:

"Случается у нас в жизни всякое... Но я за своим Левой иду в огонь и в воду, люблю его безоглядно. Да, и куда оглаживаться? Жизнь одна, и я хочу всю её прожить вместе с ним...".

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

После посещения Троцким русского консула в Нью-Йорке с заявлением об отъезде в Россию он и члены его семьи получили необходимые документы. Отъезд был согласован и с британским консулом. 27 марта 1917 г. Троцкий и Седова с сыновьями, а также ещё пятеро подданных России - Чудновский, Мельничанский,

Фишелов, Мухин и Романченко - отбыли из Нью-Йорка на норвежском пароходе. Однако поездка их затянулась.

Как писал Троцкий в письме на имя министра иностранных дел Российской Республики П. Н. Милюкова (5 мая, Петроград), по прибытии в канадский порт Галифакс на борт парохода, подвергнувшегося досмотру английскими военно-морскими властями, поднялась группа офицеров в сопровождении вооруженных матросов. От имени местного адмирала они потребовали, чтобы Троцкий с семьей и пятеро русских пассажиров покинули пароход. Троцкий воспротивился. Тогда матросы под крики возмущенных пассажиров "Позор!" снесли всех на руках на военный катер и доставили пленных в Галифакс. "Когда матросы держали меня на руках, мой старший мальчик Лев, подбежал ко мне на помощь и крикнул: "Ударить его, папа?", - писал Троцкий в письме Милюкову. - Ему 11 лет, господин министр, и я думаю, что у него на всю жизнь сохранится яркое представление о некоторых особенностях правящей английской демократии и англо-русского союза".

В Галифаксе без объяснения мотивов задержки всю группу по железной дороге доставили в местечко Амхерст и поместили в лагерь для немецких военнопленных. После протеста Троцкого и Седову с детьми удалось из лагеря переместить на квартиру местного жителя. Все попытки связаться с Россией оказались тщетными. Правда, удалось дать знать об аресте в редакцию "Нового мира". Газета 10 апреля сообщила об этом факте. В социал-демократической печати, в том числе и в России, началась кампания по освобождению Троцкого.

В ответ британское посольство в Петрограде разослало редакциям всех влиятельных в России газет официальное уведомление, что подвергнутые в Канаде аресту российские подданные ехали "с субсидией от

германского посольства для низвержения Временного правительства". Ряд газет и в их числе большевистская "Правда" выступили с опровержением этой клеветы.

К кампании подключился Петербургский Совет. Исполком принял обращение-протест против действий английского правительства. Его содержание сообщили британским властям, английским газетам, а также Милюкову. Он обратился к британскому послу Бьюкенену, тот снесся со своим правительством и 27 апреля сообщил, что британские власти задержали Троцкого и других исключительно по "необходимости обменяться телеграммами с правительством Ее Величества" по данному вопросу".

29 апреля Троцкий и его компаньоны были освобождены. На датском пароходе "Гелиг Олаф" они продолжили свой путь в Россию через Швецию, Финляндию - на Петроград.

* * *

После октябрьского переворота его руководители разместились в Смольном дворце в Петербурге.

В Смольном кабинеты Троцкого и Ленина находились на противоположных концах длинного коридора, но это не мешало их тесному сотрудничеству.

Само название Советского правительства - Совет Народных Комиссаров принадлежит Троцкому.

В своей книге "Моя жизни" он вспоминал о первых шагах после захвата власти: "Надо формировать правительство. Нас несколько членов центрального комитета. Летучее заседание в углу комнаты.

- Как назвать? - рассуждает вслух Ленин. - Только не министрами: гнусное, истрепанное название.

- Можно бы комиссарами, - предлагал я, - но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?.. Нет, "верховные" звучит плохо. Нельзя ли "народные"?

- Народные комиссары? Что ж, это, пожалуй, подойдет, - соглашается Ленин. - А правительство в целом?

- Совет, конечно, совет... Совет народных комиссаров, а?

- Совет народных комиссаров? - подхватывает Ленин, - это превосходно: ужасно пахнет революцией!.."

В "Моей жизни" Троцкий утверждал, что Ленин предложил ему возглавить Совнарком: "Я привскочил с места с протестом - до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным. "Почему же?" настаивал Ленин. - Вы стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть". Я предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали".

Далее Ленин потребовал от него стать во главе комиссариата внутренних дел, так как главной задачей дня была борьба с контрреволюцией, что, по мнению Ленина, у Троцкого получалось лучше всех. "Я возражал, - писал Троцкий, - и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: "У нас великая международная революция, - какое значение могут иметь такие пустяки?" На эту тему возникло у нас полушутливое препирательство. "Революция-то великая, отвечал я, - но и дураков осталось ещё не мало". - "Да разве ж мы по дуракам равняемся?" - "Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?.."

В 1917 г., отказываясь от поста наркома внутренних дел, Троцкий просил направить его на руководство большевистской печатью. Однако этой просьбе решительно воспротивился Ленин. Был также против Свердлов. Если верить Троцкому, Свердлов заметил:

"Льва Давидовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела". "Какие у нас теперь иностранные дела?" возражал Ленин. Но скрепя сердце он согласился. Так, по инициативе Свердлова Троцкий оказался на четверть года во главе советской дипломатии.

6 апреля Троцкий стал одновременно наркомом по морским делам, сменив на этом посту П. Дыбенко. Назначение он расценил как политический акт в цепи мер мобилизации "всех необходимых сил, которые в настоящих тяжелых условиях могли бы сделать все, что возможно, для спасения и реорганизации наших морских сил".

2 сентября в связи с превращением страны в военный лагерь решением ВЦИК был создан Революционный Военный Совет Республики (РВСР). По предложению Свердлова председателем РВСР был назначен Троцкий. Вот что по этому поводу зафиксировал протокол третьего заседания ВЦИК пятого созыва: "Позвольте предложить вам назначить председателем Революц. Военного Совета т. Троцкого, - заявил под аплодисменты членов ВЦИК Свердлов. - Других кандидатов не имеется... Принято единогласно".

После ратификации Брестского мира IV съездом Советов ситуация в стране была весьма тревожной.

Наркомвоенмор включился в пропаганду политики мира. На открывшемся в начале июля V съезде Советов он выступил с критикой саботажа левыми эсерами Брестского договора. Троцкий просил санкцию съезда для утверждения приказа по Красной Армии, по которому все, кто агитировал против мира, привлекались к суду чрезвычайного трибунала, а кто оказывал сопротивление властям и призывал к наступлению на Германию - расстреливались на месте.

В ходе левоэсеровского мятежа Троцкий оказал Ленину решительную поддержку. 7 июля за своей

подписью в "Известиях" он опубликовал приказ: "Убийство графа Мирбаха" (германский посол граф Мирбах был убит 6 июля 1918 г.). В нем давалась политическая оценка этой акции как желание контрреволюционных элементов вовлечь Россию в войну с Германией, сорвать решение съезда Советов и попытаться ликвидировать Советскую власть. В приказе следственным органам военного комиссариата предписывалось принять меры против контрреволюционных заговорщиков и исполнителей покушения.

Вызванные из Подмосковья два батальона латышских стрелков окружили штаб повстанцев во главе с Поповым. Одновременно верные большевикам части отбили у эсеров Центральный телеграф. 8 июля "Известия" опубликовали официальное сообщение Троцкого о "ликвидации мятежа". На следующий день в докладе на V съезде он изложил фактическую канву событий.

Проявленные Троцким в ходе подавления левоэсеровского мятежа решительность и бескомпромиссность, готовность идти до конца в отстаивании завоеваний Октябрьской революции, быстрота, четкость в принятии необходимых мер оказали большое впечатление на Ленина, ЦК и партию в целом. С этого момента, можно сказать, от "брестских" разногласий между Лениным и Троцким почти не осталось следа.

Укреплению взаимного доверия в немалой степени способствовало включение Троцкого в широкую организаторскую работу по формированию частей регулярной Красной Армии.

В конце марта 1918 г. появилось сообщение наркомвоена и Высшего Военного Совета о привлечении в армию военных специалистов под контролем военных комиссаров. Троцкий стремился следовать этому

правилу, но бывали случаи, особенно на первых порах, когда он проявлял либерализм: принимал в армию военспецов, не изучив их прошлого и мотивов, которыми они руководствовались.

Военный руководитель Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевич отмечал безразличие Троцкого к делам ВВС и военной работе, редкие посещения заседаний высшего органа армии, отсутствие интереса к изучению приказов и директив.

Здесь проявилась та же, что и в Наркоминделе, "звездная болезнь" Троцкого, неумение и нежелание заниматься мелочами, стремление определять стратегию нередко за счет и в ущерб тактике. Фактически всю повседневную работу по наркомату за Троцкого выполнял его заместитель Э. М. Склянский.

По докладу Троцкого 26 июня 1918 г. Совнарком утвердил обязательную воинскую повинность для трудящихся классов и слоев. Одновременно признавалась необходимость привлечения "буржуазных элементов к работе на оборону".

19 августа после обсуждения предложенного Троцким проекта Совнарком принял декрет "Об объединении всех Вооруженных Сил республики в ведение Народного Комиссариата по военным делам". В сентябре, как уже говорилось, был создан Революционный Военный Совет Республики (РВСР). В него, наряду с Троцким (председателем), вошли видные партийные работники с военным опытом. РВСР предоставили всю полноту военной власти.

В боевые действия Троцкий вынужден был вступить уже в августе 1918 г. В результате спровоцированного державами Антанты наступления 40 тысячного чехословацкого корпуса Советскую власть свергли в ряде городов. В Омске образовалось Сибирское правительство, в Самаре - эсеро-меньшевистский Комуч. В Оренбурге появился атаман Дутов, на Дальнем

Востоке - Семенов. 10 июля пал Симбирск, и мятежные чехословацкие части двинулись на Казань, которую захватили 6 августа. Открывался путь на Нижний Новгород и Москву. Ситуация сложилась чрезвычайная. 1 августа в письме членам Реввоенсовета Восточного фронта Ленин отметил: "Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте, быстрая победа над чехословаками на фронте Казань - Урал Самара. Все зависит от этого".

"ДОПРОСЫ" ЖЕНЩИН

Известие о захвате Казани застигло Троцкого в пути. 7 августа он выехал из Москвы на Восточный фронт в специально сформированном, как его окрестили позднее, "поезде Предреввоенсовета". Об этом поезде в гражданскую войну и долгое время спустя ходило немало легенд. Их созданию во многом способствовал и сам Троцкий. Как-то так получалось, что поезд появлялся в самые критические моменты военных действий, причем неожиданно как для врагов, так и для своих. Как правило, присутствие команды поезда и Троцкого способствовало немедленному выравниванию положения дел.

Поезд состоял из вагонов, защищенных мешками с землей, был вооружен пушками и пулеметами. Позднее за ним стал следовать другой поезд, в котором находилось: отряд кавалеристов, аэроплан, вагон-гараж для пяти автомобилей, телеграф, типография, библиотека, баня.

Склонность Троцкого к внешним эффектам и здесь дала о себе знать. Поездная команда была одета в кожу и имела отличительный знак на левом рукаве, пониже плеча, выделялся крупный металлический значок, специально сделанный на монетном дворе. Знаки, как известно, носили представители специальных команд, наделенных особыми полномочиями.

По своим функциям поездная команда Троцкого мало чем отличалась от карательного отряда, наводившего ужас не столько на врагов, сколько на своих. "Каждый раз появление кожаной сотни в опасном месте производило неотразимое действие, - вспоминал Троцкий. - Чувствуя поезд в немногих километрах от линии огня, даже наиболее нервно настроенные части, и прежде всего их командный состав, тянулись изо всех сил".

За всю гражданскую войну "поезд Предреввоенсовета" потерял убитыми и ранеными всего 15 человек. Во время войны поезд совершил 36 рейдов, покрыв расстояние в 97 629 верст. За "боевые заслуги" команда была награждена орденом Красного Знамени.

Стремясь придать большую значимость поезду, Троцкий писал о попытках "покушений" на него эсеров и других противников Советской власти. Двигаясь на юг, поезд потерпел на станции Горки крушение. Причиной стала неверно переведенная стрелка. Никто не пострадал, но даже по прошествии почти десяти лет чувствовалось, какой страх пришлось пережить Троцкому в ту ночь, когда, выбравшись из вагона на волю, он метался впотьмах с револьвером в руке, боясь признаться в охватившем его предчувствии беды.

Прибыв на Восточный фронт, Троцкий деловито и инициативно приступил к наведению порядка в раздерганных, фактически деморализованных неудачами и отступлением красноармейских частях. Один за другим выходили знаменитые приказы наркомвоенмора. Ясностью и лаконичностью, умением четко поставить задачи и выразить отношение к происходящему приказы удивительно напоминали документы начинавшего военную карьеру Наполеона Бонапарта.

Писались приказы на специально отпечатанных бланках в половину листа обычной школьной тетради.

Слева набраны слова "расписка в получении", справа, в верхнем углу - "кому, год, месяц и час". Ниже отводилось место для текста распоряжения.

Сохранилось немало и других свидетельств деятельности Троцкого в Свяжске, под Казанью, где располагалась ставка наркомвоенмора. В первую очередь - это телеграммы, которыми он обменивался с Лениным, воспоминания участников событий. Так, Лариса Рейснер посвятила Троцкому даже поэму "Свяжск". Она находилась в районе боевых действий вместе со своим тогдашним мужем Ф. Раскольниковым, которого Троцкий после гибели матроса Маркина назначил командующим волжской флотилией и членом Реввоенсовета.

Рейснер принимала ванны из шампанского. Жили они тогда с Троцким и приближенными к нему людьми в комфорте, о чем рассказала Рейснер в письмах родным в Москву: "Милые, пишу спешно, из сумасшедшего дома. Живы ли вы? Завтра шлю вам денег и муки. Радости, писать письма очень трудно. Днем работаю в штабе, ночью с Федей Раскольниковым делаем безумные набеги миноносцев на их флотилию. Перетопили 3 парохода, две баржи под самым носом у их батарей. Научилась ездить верхом - целые дни не схожу с лошади. А в свободные часы на роскошной царской "Межени", где ванны, души, обеды, чистое белье, и стрельба звучит, как сквозь сон".

В такой роскошной обстановке, которую описала Рейснер, и проводил свои "допросы" женщин Троцкий. Так их называл сам Председатель Реввоенсовета. На самом деле это были обычные постельные утехи с женщинами в военных условиях, иногда и на самой передовой линии фронта. Видимо, поэтому Троцкий и окрестил их "допросами".

Г. Зив, описывая эти случаи, сравнивал Троцкого с - Наполеоном. Великий полководец долго засиживался за

столом за деловыми бумагами, письмами, военными картами. Происходил сильный прилив крови во вторую, нижнюю часть тела и она там застаивалась. Чтобы её разогнать, Наполеон приглашал женщину. Ею он занимался по деловому, быстро, в приказном порядке. Ему было все равно какая женщина - лишь бы разогнать кровь. На все это отводилось не более 15-20 минут и снова Наполеон садился за работу.

То же происходило и с Троцким, только он женщине отводил больше времени - час, а то и два. Наполеон никогда в таких случаях не разговаривал с женщиной, иногда бросал короткую фразу - команду. Троцкий же любил поговорить. Некоторых женщин он приказывал потом расстрелять. Тех, которые после "допросов" показались ему "шпионками" или белогвардейками.

...Почти месяц Троцкий пробыл на Восточном фронте. Многие ему удалось поправить. Подробно его действиям той поры посвящен очерк "Свияжские дни" Гусева.

"Приезд тов. Троцкого, - писал он, - внес решительный поворот в положение дел. В поезде тов. Троцкого на захолустную станцию Свияжск прибыли твердая воля к победе, инициатива и решительный нажим на все стороны армейской работы. С первых же дней и на загроможденной тыловыми обозами бесчисленных полков станции, где ютились политотдел и органы снабжения, и в расположенных впереди - верстах в 15 - частях армии почувствовали, что произошел какой-то крупный перелом.

Прежде всего это сказалось в области дисциплины. Жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были прежде всего и наиболее всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов.

Троцкий провел в Свяжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроенные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани".

А вот как сам Троцкий изобразил происходившее в телеграмме Ленину от 13 августа: "Здесь идут упорные бои. Пока что убитые исчисляются десятками, раненые - сотнями. На нашей стороне некоторый перевес численности артиллерии. На стороне врага перевес организации и меткости стрельбы. Утверждение, будто наши части не хотят сражаться, ложно. Там, где хороший или сносный командир и хорошие комиссары, солдаты сражаются. Присутствие рабочих-коммунистов весьма плодотворно. Среди них много беззаветно преданных и мужественных людей. Когда командующий хочет сказать, что такой-то пост занят надежным лицом, он говорит: там у меня коммунист. Предсказывать, что будет завтра, не берусь. Но не сомневаюсь в победе".

Еще через день в новой телеграмме Троцкий подтвердил, что войска хороши, дерутся добросовестно. Отдельные части, хотя и потеряли более половины состава, но сохранили боеспособность. Троцкий сообщил о создании авиационного отряда и высказал свои соображения по поводу гражданской войны в целом: "Нужно эту войну сделать популярной. Нужно, чтоб рабочие почувствовали, что это наша война".

"Нельзя строить армию без репрессий..." - писал Троцкий в "Моей жизни". И это было важнейшим руководящим принципом его действий.

4 июня 1918 г. Троцкий отдал распоряжение отрядам, сражавшимся против чехословацких мятежников: "Мною разрешено командующим фронтами принимать парламентариев от чехословацких эшелонов. Обязательным условием переговоров является полная сдача чехословаками оружия. Не

сдающих добровольно оружия, согласно ранее отданному приказу, расстреливать на месте. Насильственно разоруженные эшелоны должны заключаться в концентрационные лагеря".

В этом же духе составляет телеграмму от 21 августа 1918 г.: "Предположение, будто я щажу Казань, неосновательно". Чтобы ни у Ленина, ни у кого другого не возникло сомнений в его недостаточной твердости, Троцкий в течение двух недель августа издал ряд распоряжений, которые и сегодня поражают бессмысленной жестокостью. "Предупреждение трудовому населению Казани. Необходимо временно выехать из города. После захвата Казани чехо-белогвардейскими бандами Казань стала гнездом контрреволюции. Это гнездо должно быть разорено. При дальнейшем сопротивлении контрреволюционные кварталы будут срыты до основания... Необходимо как можно скорее удалить из города детей".

Концентрационные лагеря Троцкий стал насаждать в массовом порядке. В приказе от 8 августа Троцкий извещал: "Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва - Казань, тов. Каменщиков, распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться Военно-Революционным Трибуналом к другим карам".

Никакой пощады Троцкий не давал даже тем, кто не принимал участия в боевых действиях на стороне противника, но занимался пособничеством ему. Во время чехословацкого мятежа была распространена листовка, в которой объяснялось, что никто не должен ссылаться на насилие завоевателей и оправдание изменнических действий против власти рабочих и

крестьян. Все, кто во время "господства чехо-белогвардейцев" оказывал им содействие, подвергались расстрелу.

По распоряжению Троцкого репрессиям подвергались не только офицеры-перебежчики из Красной Армии, но и члены их семей. В приказе, изданном 30 сентября от имени Председателя Реввоенсовета Республики, на члена Реввоенсовета Аралова возлагалась ответственность "по задержанию семейств перебежчиков и предателей".

Троцкий первым начал расстреливать коммунистов, бросать их в концлагеря и тюрьмы. В августе 1918 г. Красную Армию и партию потрясло известие о расстреле двадцати бойцов, комиссара и командира Петроградского рабочего полка, прибывшего на Восточный фронт. Троцкий был начисто лишен элементарного сострадания к людям. Он первым стал фабриковать политические процессы против своих противников.

Не все шло гладко на фронтах, руководимых Троцким. В частях наблюдались разболтанность и самоуспокоенность, недопонимание остроты ситуации.

Во избежание дальнейшего обострения обстановки Совет Обороны отозвал Троцкого в Москву. Это был для него самый худший период во всей войне. Троцкий показал неспособность к овладению ситуацией на Восточном фронте, выступив против преследования Колчака. Еще ему предстояло держать ответ по поводу своих действий на Украине.

На состоявшемся 3 июля 1919 г. экстренном заседании ЦК РКП(б) принял ряд решений, усиливших руководство военным ведомством со стороны ЦК и Совета Обороны. Полевой штаб Реввоенсовета Республики перенесли из Серпухова в Москву. Ознакомившаяся с его работой комиссия ЦК доложила о неспособности штаба руководить масштабными

военными операциями. Большие перемены затронули личный состав Реввоенсовета. Вместо Главкома Вацетиса был назначен С. Каменев, Реввоенсовет сократили с 8 членов до 6. Всех сторонников Троцкого - И. Смирнова, Розенгольца, Раскольникова заменили Смилгой, Гусевым, Рыковым и С. Каменевым. В Реввоенсовете с Троцким остался только Склянский.

Троцкий яростно сопротивлялся кадровым перемещениям, в особенности назначению на пост Главкома С. Каменева. Но тщетно. Почувствовав, что ему не удастся склонить на свою сторону Ленина, он сказался больным и на указанное заседание ЦК не явился. Ленину доложили о болезни Троцкого. По словам Данишевского, Ленин "выслушал это сообщение, чуть-чуть улыбнулся и подошел к телефону. Он сказал Троцкому, что ЦК его ждет, что вопрос должен быть решен сегодня. "Если вы серьезно больны, то ЦК может собраться у вас", - заявил Владимир Ильич Троцкому. Ответ, очевидно, был кратким. Минут через 15-20 явился Троцкий, и заседание было продолжено". Он продолжал отстаивать прежнее командование, его мнение во внимание не приняли. Тогда он заявил о своей отставке с постов Предреввоенсовета и наркомвоенмора. Ситуация принимала острый и непредсказуемый характер. И здесь Ленин, желая показать, что кадровые перемены не означают изменения его отношения к Троцкому лично, передал Троцкому следующей бланк:

"РСФСР

Председатель Совета Копия Народных Комиссаров
... июля 1919 г.

Москва, Кремль

Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов.

Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)".

5 июля, на заседании Политбюро и Оргбюро ЦК рассматривалось заявление Троцкого об отставке. Участники заседания единогласно решили, что "принять отставки т. Троцкого и удовлетворить его ходатайство они абсолютно не в состоянии". Ему пообещали создать благоприятные условия для работы и предоставить "полную возможность всеми средствами добиваться того, что он считает исправлением линии в военном вопросе...".

Компромисс был достигнут. Троцкий тут же "выздоровел" и выехал на Юг.

19 августа 1919 Политбюро по докладам Троцкого и Сталина о военном положении на польском и врангелевском фронтах признало врангелевский фронт главным. Планы штурма Европы не сбылись. 18 марта 1921 г. был подписан мирный договор с Польшей.

Это не означало завершение гражданской войны. Еще предстояли битвы за Крым, Дальний Восток, другие области необъятной страны. Но для Троцкого лично польская кампания оказалась последней в его фронтовой работе. С января 1920 г. он вынужден был переключаться на другую сферу деятельности — восстановление разрушенной экономики страны.

АНГЛИЙСКАЯ ЛЮБОВНИЦА ТРОЦКОГО

На реализацию текущих и перспективных задач и была направлена деятельность Троцкого в начале 20-х годов.

К этому времени его культ личности невероятно возрос. Он начал формироваться почти одновременно с культом Ленина, осенью 1918 г. Правда, Ленин как мог сдерживал этот негативный процесс. Троцкий же, наоборот, всячески поощрял. В 1922 г. по распоряжению Троцкого Политуправление Красной

Армии разослало партийным, советским, профессиональным и военным учреждениям на обсуждение проект политического Устава Красной Армии и Флота.

В проекте 41 излагалась политическая биография Троцкого. Причем в ней исключались эпизоды из его жизни, которые в невыгодном свете изображали его дооктябрьское прошлое. Подчищались и те грехи Троцкого, которые он успел наделать уже в послеоктябрьский период. Смысл параграфа сводился к тому, чтобы подтвердить его заключительные слова: "Тов. Троцкий - вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет её к победе над всеми врагами Советской Республики".

В начале 1920-х книжный рынок страны наводняли опусы вроде брошюры Г. Устинова "Трибун революции (Л. Д. Троцкий)". В ней можно было прочесть: "Троцкий... лицо русской революции. Бледное, белое, матовое лицо. Троцкий экстракт революции... её душа. В то время как Ленин - её кормчий, её рулевой. Ее разум". Или такое: "О Троцком много ходит рассказов, и все они характеризуют его как человека, обладающего какой-то сверхъестественной волей".

В 1923 г. город Гатчина, неподалеку от которого в октябре 1917 г. был отражен натиск Керенского - операция, в которой участвовал и Троцкий, а затем здесь же был принят главный удар осенью 1919 г. в борьбе против войск Юденича, переименован в Троцк. Это случилось прежде, чем Петроград стал Ленинградом.

* * *

В то самое время, 1920-1921 годах, когда популярность Троцкого в России достигла пика, у него появилась английская любовница. Ею стала молодая Клэр Шеридан, английская скульпторша, известная своими работами в Англии.

В Москву Клэр Шеридан приехала по официальному приглашению Кремля, чтобы лепить бюст Ленина.

Троцкий и Клэр познакомились в Кремле. Председатель Реввоенсовета предпочитал невысоких, стройных и изящных женщин, с хорошо развитой грудью и заметно очерченными бедрами. Кроме того, его привлекали пышные волосы, не всегда хорошо уложенные. Он не любил когда женщины сильно душились. Ему нравилось, когда они пахли чистым, здоровым телом. Память об этом запахе у него осталась, как воспоминание от своей первой жены.

Все это он нашел в Клэр Шеридан, но не сразу. Первый взгляд, который бросил на Клэр Троцкий в кремлевском коридоре, сказал ему только то, что эта женщина ему интересна.

Когда Клэр увидела Троцкого она воскликнула:

- Прекрасный тип!

Она имела в виду его внешние данные для лепки скульптурного портрета.

Троцкий пригласил Шеридан к себе в кабинет, занимавший целый фасад здания. Пять колонн, расположенных амфитеатром, украшали одну из его стен. Над центральной колонной помещался пеликан - символ Христа, который раздирал свое чрево для утоления голода собственных детей. В углу около камина размещался громадных размеров письменный стол наркома. За этим столом состоялась первая беседа Клэр с Троцким. Он хорошо знал английский язык, переводчик им не требовался.

В то время, по описанию Клэр, её кумир выглядел так: Троцкий показался ей человеком среднего роста, с тонкой кожей. У Троцкого большое оживленное лицо, маленький рот, мягкая женская рука. Длинные, свешивающиеся волосы, небольшая борода, удлиняющая его лицо; голубые небольшие глаза блестят бесстрашно и холодно. Две глубокие складки

окружают его рот неприятным овалом. Но когда он смеется, глаза его становятся удивительно мягкими и появляющиеся ямочки на щеках скрывают злые складки его рта.

Клэр ещё заметила, что глаза Троцкого временами излучали дружеское участие, а по временам метали молнии и свидетельствовали о силе его души. Все эти наблюдения Шеридан захотела выразить в своей работе.

Говорили о пустяках. Первый сеанс позирования состоялся в большой комнате, хорошо меблированной, в которой Клэр, к своему удивлению обнаружила роскошную широкую тахту с красивым покрывалом и двумя подушками.

В следующий раз встреча любовников состоялась в другом месте. У Троцкого была машина с шофером и он пригласил Клэр поехать с ним.

...Остался позади рынок, где уже разбирали палатки и увозили товары, и машина пошла между железнодорожными постройками.

Рынок раскинулся у большого здания. В свое время кто-то прозвал это место "барахолка", где люди становились рядами или кучками и продавали поддержанную одежду и обувь. Название пристало, и теперь никто не называл это место иначе, хотя здесь стали продавать и продукты, овощи, фрукты.

Из окна машины Клэр наблюдала за людьми. Она видела истощенных и изголодавшихся мужчин и женщин, и понимала, что время в России после гражданской войны тяжелое. Люди шли на рынок, где продавали многое из того, что им было нужно. Они хотели справиться с голодом и усталостью от тяжелой жизни.

Клэр немало слышала страшных историй об убийствах и насилии на ночных, не освещенных улицах Москвы. Однако, как призналась в одном из разговоров

с Троцким, она понимала, что все ею виденное и то, о чем ей рассказывали, следствие двух войн.

У одного из рыночных продавцов на руках она заметила серебряный самовар с деревянными ручками и ей захотела иметь такой же, но она подавила свое желание...

Троцкий привез подругу к своему бронепоезду. Клэр увидела длинный и грозный состав, стоящий на железнодорожном пути: паровоз, обшитый бронированными листами и платформы с пушками и пулеметами, обложенными мешками с песком.

Троцкий осмотрел новое пополнение команды бронепоезда и одобрил его. Командир бронепоезда был в сапогах, кожаной тужурке, фуражке со звездой и маузером в деревянной кобуре на боку. Клэр позавидовала - ей захотелось быть на его месте. У Льва Троцкого были другие намерения. Он привез с собой женщину, красивую, которая могла бы его развлечь вдали от всех его суматошных дел.

Командир бронепоезда разглядел черты её лица и определил возраст очень молодая. Волосы её были слегка растрепаны, на ногах она носила лакированные женские ботинки.

- Хорошее пополнение найти нелегко, - сказал Троцкий, обращаясь к командиру. - Штабной вагон свободен?

- Сейчас да.

Командир хотел уйти, но Троцкий остановил его и сказал:

- Проводи нас.

Слегка улыбнувшись, командир повернулся и пошел вдоль состава, и тут Клэр поняла, что она не первая женщина, которую Троцкий приводит в штабной вагон. Глаза её заблестели, и она рассмеялась. Ей все в Троцком нравилось.

Она держала свою сумку в одной руке, другой уперлась в бедро. Идя немного впереди Троцкого, командир несколько раз оборачивался, пытаясь разглядеть Клэр в сгущавшихся сумерках. Она держалась без смущения и показалась ему сильной и крепкой.

Поднявшись в штабной вагон, который показался Клэр роскошно обставленным, Троцкий пригласил её за уже сервированный стол.

- Что ты умеешь делать?

- Все понемногу, дорогой.

- А это? - Он назвал одну позу в постели.

- Ну, кто этого не умеет? - удивилась Клэр. - Было бы желание.

Она поняла, что её партнер любит поговорить до "дела". Ей это не нравилось, болтать она не любила, но Троцкий был её кумиром и она терпеливо сносила разговор. Ему нужна была "теория", а ей только "практика".

- А это?

- Я служила своему мужу верой и правдой в постели и все это мы проходили и не раз... - Ответила она и засмеялась, словно вспомнив что-то веселое.

Возможно потому, что она засмеялась, Троцкий решил, что она согласна на все.

Клэр из разговоров поняла, что ему нужна опытная женщина. И прежде всего она должна быть уступчивой во всем, когда самой уже "не хочется", знать толк в ласках.

После разговора Клэр продолжала стоять, ожидая чего-то и глядя Троцкому в лицо. Он махнул рукой, не находя, что сказать.

- Ну, ладно...

Он повернулся и посмотрел на окна - они были зашторены. Он направился к своей даме, но в этот момент услышал далекий выстрел за окном.

- Какой сюрприз! Здесь иногда стреляют. - Он остановился. Что-то он не помнил, чтобы кто-нибудь ему в чем-то мешал. - Подожди. - Он повернул Клэр к себе лицом и принялся её разглядывать. - А почему бы не продолжить наши отношения сейчас? Так ты действительно меня любишь?

- А ты возьми меня как бы силой, Лев, тогда увидишь!

- Сколько ты хочешь встречаться?

- Ну, уж это, твое дело, сколько захочешь...

- Сначала посмотрим, что ты умеешь делать. У нас сегодня много времени, может быть вся ночь.

- Для меня, все, как ты хочешь, так и хорошо.

- Тогда раздевайся, вся!

Клэр снова засмеялась, показав блестящие белые зубы. Троцкого била мелкая дрожь от нетерпения. Он желал страстно эту женщину из Англии: и вот он с ней. Но теперь думать поздно, надо "делать любовь", как это говорят по-английски.

Она повернулась к нему уже раздетая, свое платье она сложила на стуле, её высокие лакированные ботинки стояли под ним.

Лев медленно двинулся к ней, она следуя его движениям, отступала от него, пока не уперлась тыльной стороной ног в край дивана.

- Кто же ты такая!

- Клэр, к твоим услугам, сэр!

- Если тебе, девочка, что-нибудь понадобится, скажи мне. Люди ведь для того и существуют, чтобы помогать друг другу. Не так ли? Сегодня ты будешь вся моя, - говоря это Троцкий торопливо раздевался, поглаживая ладонями стоявшую перед ним обнаженную Клэр.

- Ты прекрасна! Больше не хочу старух!

Клэр понимающе засмеялась. Она вспомнила один из его рассказов о том, что первая жена была намного

старше.

- Никого другого не удалось найти..., кроме меня?

Лев торопился и ничего не ответил. Клэр широко открытыми глазами смотрела на него, ожидая от него какого-то чуда в любви.

Троцкий сказал ей, перед тем, как они легли на диван:

- И вымойся потом, тебе надо будет привести себя в порядок, здесь для этого все есть.

- Боже мой! - Клэр замерла в объятиях любимого. - Не верю сама себе. Наконец ты со мной!

Он разглядывал её в безмерном изумлении - неужели эта красота скрывалась под простым платьем?

...Заснувшая на короткое время Клэр, её жаркое тело, упавшая с дивана тонкая рука, красивое лицо, улыбавшееся во сне, просились снова в объятия. Интересно, сколько ей лет? Тело - как у молодой женщины, лицо - как у девочки.

- Вот это прелесть! - прошептал Лев почти благоговейно. При звуке его голоса Клэр испуганно открыла глаза, но тут же улыбнулась, и штабная комната будто тоже улыбнулась вместе с ней. Она встала и потянулась перед ним, приводя в порядок волосы, желанная и ясная, как луч лунного света.

- Почему ты не ложишься? Ты ничего мне не сказал...

- О чем?

- О любви... Я сделала все по твоему желанию. Потом ждала слов любви и задремала, - проговорила она певуче, сладко потягиваясь.

От неё исходил запах чистого тела - может от волос, а может, от затылка.

- Так ты действительно ждешь слов любви?

Высокая луна посылала свои лучи сквозь щели в шторах на окнах.

Блики света лежали на её волосах, глаза были опущены, правая нога скользила по полу, будто она собиралась танцевать. Она улыбнулась, и все заулыбалось вместе с нею, даже Лев, сидевший на диване.

- Мне тоже нужны слова любви!

- Сколько ещё я буду их говорить?

Клэр стояла, ожидая чего-то, с улыбкой на губах. Луч лунного света ласкал её волосы.

- Теперь иди сюда, время идет!

Слегка покачивая бедрами, она пошла к нему, он смотрел на её ноги, на цвета корицы волосы на лобке.

Она засмеялась:

- Ты неутомим...

Она скользнула в его объятия, Льву показалось, что он услышал, как она тихо добавила: "Любимый"...

Потом они лежали, обнявшись. Он провел рукой по её бедрам и ногам. Какое удовольствие чувствовать горячее тело. Клэр слегка пошевелила пальцами и задремала.

Льва мучила жажда, и он отправился к столу напиться воды. Там он увидел принесенный кем-то из штабных большой графин с клюквенным морсом. Он улыбнулся графину от переполнявших его чувств и жадно, большими глотками, выпил стакан прохладной жидкости.

Клэр зашевелилась во сне. Лев подошел к дивану. Он остался стоять с протянутой рукой, которой хотел коснуться своей подруги, но не смея дотронуться до нее, чтобы не разбудить. К чему теперь торопиться? Часть пути уже пройдена. Завтра она снова будет принадлежать ему целиком.

Его рука дрогнула, Клэр открыла глаза, хотела что-то сказать, но увидела перед собой Льва, который пристально смотрел на нее. Инстинктивно она поискала рукой одеяло, но оно соскользнуло с дивана.

Приподнялась и села, застенчиво улыбаясь. Она не старалась прикрыть грудь, которая теперь была отчетливо видна в бликах лунного света. Клэр улыбнулась: может хотела показать, что любит его, а может старалась подбодрить Льва на новые жаркие объятия. Все возможно. Она вела себя как ребенок, бедра и грудь её были обнажены, она не видела в этом ничего плохого, а снова желала его.

- Да хранит нас Бог!

Она взяла его руки в свои и приложив их к своей груди, стала их поглаживать.

- Приятно...

Лев взглянул на нее. У него опять появилось желание.

- Невероятно хорошо с тобой... Сначала я ждала, как у нас все получится, потом поняла - все будет хорошо!

- У меня днем было столько работы.

Он с трудом сдерживал себя, ему очень хотелось её.

- Бедненький... Ты устал?

Он дотронулся до её груди, Клэр рассмеялась.

- Какая нежная рука!

Лев не мог больше сдерживаться, схватил её за руку и привлек её к себе.

- Любимый...

Жар исходил от тела Клэр, охватывал Льва, жег ему кожу, лунный свет умирал на постели. Ее голос в перерывах между поцелуями шептал едва слышно:

- Любимый...

* * *

Клэр Шеридан о Троцком:

"С Львом мы расстались и как-то очень резко и быстро, просто перестали встречаться. Его жена Седова узнала о наших встречах и, как мне передавали, закатила ему не одну сцену ревности. Со своей стороны, меня не устраивал такой мужчина, который быстро воспламеняется, бурно горит, до синего

пламени, но также быстро и остывает, совсем не учитывая желания женщины и её пыл. Хотя должна признаться, что встречи с Троцким оставили у меня воспоминания на всю жизнь, как встречи с интересным человеком, он подолгу говорил во время свиданий и много мне рассказывал".

ССЫЛКА В АЛМА-АТУ

Два человека видели Троцкого 15 января 1928 г. накануне его отправки в Алма-Ату. Первый из них Пауль Шаффер, корреспондент газеты "Берлинер Тагенблатт", в тот день взял у Троцкого интервью. Троцкий показался ему человеком ниже среднего роста, с желтоватым цветом лица, небольшими глазами. Говорили о пустяках, вроде того, что своей высылкой Троцкий напомнил журналисту о "наполеоновской карьере".

Другой свидетель - В. Серж. Как и подобает стороннику Троцкого, он увидел Старика (так между собой, как молодого Ленина, называли Троцкого наиболее близкие к нему лица) в старом свитере, энергичным и величественным, с буйной седой шевелюрой, чрезвычайно активным. По квартире сновали прибывавшие отовсюду люди, выполняя бесчисленные поручения Троцкого. К суете прибавлялись многочисленные разговоры и распоряжения Троцкого по беспрерывно звонившему телефону.

Развернутая в первой половине 1928 г. в партии работа по выполнению резолюции XV съезда "Об оппозиции" увенчалась полным успехом. Почти весь рядовой состав оппозиции отошел от неё и признал платформу большинства.

Решили высылку лидеров оппозиции из Москвы представить как мероприятие по укреплению опытными кадрами хозяйственные и плановые органы национальных республик. Чтобы придать этой комедии

серьезный вид, оппозиционерам дали возможность выбора "городов и весей" и выполнили ряд условия их высылки и работы на местах.

Пока велись споры, 3 января 1928 г. ОГПУ вызвало Троцкого. Тот, естественно, не явился. Тогда 12-го ему прислали уведомление о том, что он высылается в Алма-Ату. Отъезд назначили на 16 января. Троцкий и его близкие попросту трусили, потому и повели себя неразумно. Троцкий спрятался в своей комнате, отказавшись открыть дверь. Ее взломали. Началось театральное переодевание трясшегося в истерике Троцкого. Кончилось тем, что сотрудники ОГПУ силой вынесли его из квартиры.

В январе 1928 г. из Москвы Троцкого и его семью отправили в алма-атинскую политическую ссылку. Его вынесли на руках из кремлевской квартиры, посадили в автомобиль, а из автомобиля понесли в вагон спецпоезда. Один из его сыновей - Сергей, попытался заступиться за отца, попросив его разрешения пойти в рукопашную на сотрудников ОГПУ, но Троцкий и Седова запретили ему ввязываться в драку. Старший сын будет бежал рядом и кричал: "Смотрите, несут Льва Троцкого!". Но никто из железнодорожных рабочих не крикнул: "Позор!". И никто не сделал попытки вместе с Сергеем помешать отправке Троцкого в Казахстан...

Вслед за Троцким стали отбывать по своим адресам и другие лидеры оппозиции. Каких-нибудь пятнадцать - двадцать лет назад, живя в царской "тюрьме народов", многие из них проделывали подобные рейсы. Теперь ехали по "свободной Стране Советов". Зиновьев - в Тамбов, Каменев - в Пензу, Радек на Урал, Раковский - в Астрахань, И. Смирнов - в Новобаязет (Армения), Сосновский - в Барнаул, Тер-Оганесян - в Актюбинск. Всего отправили "на работу" до сорока четырех человек

Троцкий ехал с женой. Его сопровождал с женой Наташей, простой русской работницей, старший сын Лев. Младший Сергей ехать отказался, сославшись на отсутствие интереса к политике. В вагоне было 12 конвоиров. Вещи взять не дали. Потом досылали. Причем все, что Троцкий затребовал, в том числе библиотеку и архивы, составившие железнодорожный вагон.

Прибыли в Пишпек. В Алма-Ату выехали на автомобиле. Затем пересели на телеги. Потом опять - в автомобили.

25 января ночью вся экспедиция прибыла в Алма-Ату и поселилась на улице Гоголя в гостинице "Семиречье". Гостиница - постоялый двор. Бывший городишко Верный, летом изнывавший от жары, известный своими яблоками, был мало приспособлен для жизни привыкшего к удобствам "европейца" Троцкого.

Троцкий стал "выбивать" квартиру. Разумеется, не у местных властей. Телеграмму за телеграммой слал он в Москву на имя Калинина, Орджоникидзе, Менжинского. Троцкий корил их за невнимание к себе, нерасторопность, даже ругался, заявляя, что, если его хотели посадить в кутузку, так это можно было сделать в Москве, а не слать его за четыре тысячи верст. Наконец и этот вопрос был решен. В центре города, на улице Красина в доме № 75 Троцкому предоставили четырехкомнатную квартиру. Что и говорить, не каждому даже служилому партработнику, а не то что ссыльнопоселенцу предоставляли тогда такие апартаменты.

Любимые Троцким охота и рыбная ловля волновали его больше, чем политика. Им в переписке Троцкого уделялось не меньше внимания, чем очередным инструкциям. "Рыбная ловля, как и охота, имеется и здесь, так что я могу вернуть вам ваше любезное

приглашение", - писал Троцкий в феврале 1928 г. в ответ на письмо-приглашение И. Н. Смирнова в Новобаязет погостить и поохотится.

С охотой и рыбной ловлей дело дошло до того, что, уже будучи в Турции, Троцкий оказался вынужденным оправдываться в своих пристрастиях.

В ответ на вопрос одного из шведских почитателей: "Какое ваше любимое занятие, кроме охоты и рыбной ловли?", Троцкий разъяснял. "Охота и рыбная ловля для меня не занятие, а отдых. "Любимое занятие" - умственная деятельность: чтение, размышление и, пожалуй, писание".

На какие средства существовала семья Троцкого, да ещё выписывала большое количество книг и изданий?

Ссылному полагалось пособие. До 1 февраля 1929 г. для рядовых ссыльных оно составляло 30 рублей в месяц. После 1 февраля уменьшено до 15 рублей.

К приезду Троцкого город находился на грани голода. По слухам, хлеба и муки, как сообщал он в письме Сосновскому в мае, в городе не было.

Стоимость пуда муки на рынке поднялась до 25 рублей. Кроме питания, требовалось содержать четырехкомнатную квартиру.

Поэтому пособия, даже на четверых (жена Троцкого и сын с женой), вряд ли могло хватить, не говоря уже о каких-либо излишествах.

ТУРЦИЯ - МЕКСИКА

В конце декабря - начале января 1929 состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором обсудили вопрос о высылке Троцкого за рубеж. В стенограмме этого заседания говорится: "Троцкого нужно выслать за границу, - говорил Сталин. - 1) потому, что он здесь идейно руководит оппозицией, численность которой все больше растёт; 2) для того, чтобы развенчать его глазах массы, как только он окажется в буржуазной стране, как пособника буржуазии; 3) чтоб его развенчать в

глазах мирового пролетариата: социал-демократия, безусловно, использует его высылку против СССР и станет на защиту "жертвы большевистского террора" - Троцкого; 4) если Троцкий будет выступать против руководства с разоблачениями, то мы будем его изображать как предателя. Все это говорит о необходимости его высылки".

После решения Политбюро о высылке Троцкого из СССР в середине января состоялось заседание Особого совещания ОГПУ. Оно, в свою очередь, приняло аналогичное решение. 20 января ждавший в Алма-Ате распоряжений уполномоченный ОГПУ предъявил Троцкому документ Особого совещания. "Решение ГПУ - преступное по существу и незаконное по форме - сообщено мне 20 января 1929 г.", - написал Троцкий на врученном ему ордере.

Утром 22 января караван из семи автомобилей из Алма-Аты направился в Пишпек. 10 февраля - добрался до Одессы. И напрямик в порт. Никаких встреч. Кругом ни души, лишь редкие фигуры - агенты ОГПУ. Пароход "Ильич". Последнее фото: Троцкий на берегу Черного моря в сапогах, плаще и "ленинской кепке". Руки в карманах. Вглядывается вдаль: что там, за морем?

12 февраля 1929 г. Троцкий направил президенту Турецкой республики Кемалю-паше заявление: "Милостивый государь. У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию".

Кемаль-паша счел ниже своего достоинства вступать в переписку с Троцким. Но, видимо, испытывая некоторую неловкость из-за согласия на размещение в Константинополе опального советского лидера, через своих служащих уведомил Троцкого, что правительство не знало о его высылке и полагало, что он прибыл для "поправки здоровья". Кемаль заверил Троцкого, что его

"никогда не интернируют или не сделают объектом любого насилия на турецкой территории" и что он может оставить страну в любой момент, когда пожелает, равно как и оставаться столько, сколько захочет.

По дороге из порта в здание советского консульства агент ОГПУ вручил Троцкому пакет с 1500 долларами. Последний раз Троцкий получил деньги из бюджета Советского государства - своего рода выходное пособие. Стесненность в средствах не позволила Троцкому отказаться от этой суммы.

В консульстве его встретили хотя без музыки и цветов, но вполне пристойно. Троцкого с женой и старшим сыном Львом разместили в здании консульства.

Младший сын Сергей, жена Льва проводили их только до Одессы. Родители, будучи неуверенными в своем будущем, не настаивали на отъезде Сергея. В СССР осталась старшая дочь Троцкого - Зина. Младшей, Нины, к тому времени уже не было в живых. Она умерла в возрасте 26 лет от скоротечной чахотки. Она слегла почти сразу же после депортации отца в Алма-Ату. Ее состояние ухудшилось с арестом и высылкой мужа - Мана Невельсона. Он был членом партии с 1917 г. Участвовал в Февральской и Октябрьской революциях в Петрограде. Во время гражданской войны был на партийной работе в Красной Армии (комиссар полка, политкомиссар дивизии, начальник политотдела армии). С 1923 г. примкнул к оппозиции. С января 1928 г. находился в ссылке, с 1929 г. - в политизоляторах, сперва Тобольском, затем Верхнеленском. Двоих детей Нины забрала в Ленинград мать - А. Соколовская. Троцкий очень тяжело переживал смерть дочери.

Был арестован и отправлен в ссылку и муж Зины Платон Волков. По профессии он был педагогом и одно время состоял членом ЦК профсоюза работников

просвещения. Зина в начале 30-х годов выехала за границу. В январе 1933 г. в Берлине, находясь в состоянии острой депрессии, отравилась газом.

Находиться на территории консульства было, конечно, безопасно. Но оставаться надолго Троцкий здесь не собирался. Быть постоянно под контролем диппредставительства и тех агентов ОГПУ, которых вслед за ним послали из Москвы, его не устраивало. Ведь он хотя и был привезен в Константинополь силой, тем не менее в свои 49 лет не собирался "уходить на пенсию".

Очень скоро нашли дом. И неожиданно для всех - весьма удачный. Но не в самом городе, а в полутора часах плавания по Мраморному морю, на Принцевых островах или, ещё конкретнее, на небольшом островке Принкипо, в деревне Бийюк Ада. В средние века сюда ссылали неугодных византийским императорам соперников. Дом был просторным, хотя и запущенным. Когда-то эта загородная вилла принадлежала бывшему турецкому паше, к тому времени уже обнищавшему и вынужденному продавать свое имущество. Троцкому пришелся по душе огромный, хотя и запущенный сад.

Остров можно было пройти по периметру пешком за два часа. Очень скоро Лев Давидович приобрел незаменимого партнера по рыбной ловле, наставника в освоении морских премудростей - Хараламбоса, молодого грека. Он, правда, ни слова не понимал по-русски, так же как Троцкий по-гречески, но это не мешало их общению.

53 месяца Троцкий провел на Принкипо. Здесь, на острове, как и в Алма-Ате, благодаря Леве заработало "министерство иностранных дел и почты". Связь с внешним миром была восстановлена. На Принкипо и отсюда пошли мешки с корреспонденцией. К Троцкому приехали его поклонники и единомышленники, с которыми он общался ещё до войны: чета Росмеров,

Альфред и Маргарита. Прибыл Макс Истмен, а также троцкисты из Франции, Голландии, Чехословакии, США и других стран. Порою в доме собиралось и подолгу проживало одновременно до двух десятков человек. Но все это при минимуме удобств, как на постоялом дворе. Троцкий хоть и не раз писал об удивительных качествах хозяйки, которыми обладала якобы его жена, на Принкипо этих качеств она не показала. М. Истмен заметил даже, что из-за отсутствия "комфорта и красоты" дом был похож на казарму, а его хозяева, приобретшие дом за гроши, - на пассажиров на вокзале или пристани, ожидавших поезд или корабль, которые бы их вывезли отсюда.

Троцкий постоянно обращался к правительствам и политическим лидерам европейских государств с просьбами о визе: Германии, Англии, Франции, Голландии, Чехословакии, Австрии, Норвегии и даже герцогства Люксембург. Просил он о содействии Г. Уэллса, Б. Шоу, Беатрису и Сиднея Вебб. Но все тщетно. Троцкому либо припоминали его прежние, относившиеся ещё к временам мировой войны "проступки", как, например, во Франции, либо ссылались на его новые, послеоктябрьские прегрешения. Так, когда в английском парламенте зашла речь о предоставлении Троцкому убежища, премьер-министр и министр иностранных дел в один голос заявили: "Он сидит в Константинополе на задворках, и никто не заинтересован в том, чтобы он находился в другом месте. Мы все боимся его". Нелестно отозвался о Троцком и У. Черчилль. "Троцкий, некогда обрекавший на смерть тысячи людей, теперь, точно мешок с тряпьем, сидит на рифах Черного моря", - писал он в одном из своих очерков.

Как и в годы своего могущества, Троцкий окружил себя свитой: секретари, личная охрана. Помимо тех нескольких нарядов полицейских, которые для этой

цели вынужден был выделить Кемаль-паша. Среди наиболее близких к нему были гражданин Чехословакии Франкель Ян, Шлюссер Карл Фриц Отто из Германии, голландец Жан ван Хейеноорт, оставивший воспоминания о Троцком.

В сопровождении этих людей Троцкий в ноябре 1932 г. по приглашению студентов Копенгагенского университета совершил поездку в Данию, чтобы прочесть там лекции об Октябрьской революции.

В окружении Троцкого за всю эмиграцию самым толковым и, конечно, преданным ему человеком был сын Лев.

Сын стоил двух-трех секретарей, а может быть, и половины всего секретариата Троцкого. В 1938 г. в некрологе, написанном на смерть сына, Троцкий признал, что без поставлявшихся емуевой Левой материалов, архивных и библиотечных изысканий, сперва в Турции, затем из Берлина и Парижа, где Лева находился с 1931 г. "невозможна была бы ни одна из написанных мною за последние десять лет работ, в частности "История русской революции"... Почти на всех моих книгах начиная с 1929 года надо было бы, по справедливости, рядом с моим именем написать и имя сына".

Содержание штата секретарей, личной охраны, переписка, публицистическая деятельность, издание "Бюллетеня оппозиции", органов троцкистской печати в ряде других стран требовали немалых расходов. Те 10-20 тыс. долларов, которые Троцкий получил за свои интервью и статьи в буржуазной прессе, были каплей в море. "Революционная деятельность" требовала финансирования. Дейчер назвал некоторые источники денежных поступлений к Троцкому. Это 7 тыс. долларов за американское издание "Моей жизни" (были издания и в других странах). В 1932 г. журнал США "Сатердей ивнинг пост" заплатил Троцкому 45 тыс. долларов за

"Историю русской революции", которая печаталась там в виде серии статей. В 1930 г. Троцкий вернул своему стороннику из Франции Морису Пазу занятые у него весной 1929 г. 20 тыс. долларов.

Наконец семье Троцкого удалось перебраться во Францию. На Атлантическом побережье приезжих ждали два стареньких "форда", которые направились в Сент-Пале. Около местечка Руайана Молинье и его подруга Вера Ланис сняли для Седовых маленький домик.

Вскоре французская Сюрте (служба безопасности) смягчила меры пребывания в стране. Троцкому разрешили жить всюду, кроме Парижа и департамента Сены. Он перебрался в городок Барбизон неподалеку от Парижа и поселился в двухэтажной вилле "Кер Моник".

Полиция раззвонила на всю страну о пребывании Троцкого в Барбизоне и о его политической работе. Начался невообразимый скандал: как так, опаснейшая личность проживает рядом со столицей, в шикарной вилле, и никто об этом понятия не имел? Явился местный прокурор. Убедившись, что на паспорте Троцкого стояла отметка Сюрте генераль, он умерил свой пыл.

Напуганная центральной прессой провинция смертельно боялась "русского кровопийцу". Троцкого нигде не принимали. Почти три месяца, как перекачиполе, скитались они с женой из отеля в отель, из пансионата в пансионат. Пока, наконец, в июле не осели в Домене, близ Гренобля. В память об этом событии в 70-е годы в Гренобле был создан Институт Л. Троцкого. Супруги поселились в доме учителя Бо. Здесь они пробыли 11 месяцев, до июня 1935 г.

Пора было снова отправляться в путь. Через своего поклонника, известного художника Диего Риверу, Троцкий обратился к президенту страны Ласаро Карденасу. Почему Мексика? В памяти мексиканцев ещё

были свежи воспоминания о буржуазно-демократической революции 1910-1917 гг., которая вылилась в подлинно антиимпериалистическую, антиамериканскую, с одной стороны, а с другой - в крестьянскую войну за свободу и национальную независимость. Карденас был одним из активных руководителей революции, ярким представителем мексиканского либерализма. В 30-40-е годы он занимал в правительстве Мексики ряд министерских постов. Президентом стал в 1934 г. и оставался им до 1940 г. После второй мировой войны, в 1955 г., был награжден международной Ленинской премией мира. С 1969 г. до своей смерти в 1970 г. Карденас являлся почетным президентом Всемирного Совета Мира.

В канун 1937 г. Троцкий отплыл из Норвегии. Организацию его переезда взяли на себя норвежские власти. Они предоставили ему танкер "Руфь", который следовал без пассажиров. Отплытие держалось в строгой тайне.

В пути Троцкий обдумывал свое будущее. Он отойдет от политики. Познакомится с Мексикой, Латинской Америкой вообще, продолжит изучение испанского языка, которым начал заниматься 20 лет назад в мадридской тюрьме. Наконец-то закончит прерванную работу над книгой "Жизнь Ленина".

Скитаниям Троцкого пришел конец. Он обретал долгожданное постоянство, правда, не в желанной для него Европе. Однако на душе у Троцкого по-прежнему было беспокойно. "Я покидал Европу, раздираемую ужасающими противоречиями и потрясаемую предчувствием новой войны, - писал он. - Этой всеобщей тревожностью объясняется возникновение бесчисленных политических и ложных слухов, распространяющихся по разным поводам, в том числе и по поводу меня. Мои враги искусно пользуются против

меня этой атмосферой общей тревоги. Они продолжают, несомненно, свои усилия и в Новом Свете".

СЛАДКИЙ ГРЕХ ТРОЦКОГО

Троцкий в Мексике поселился в Койоакане, бывшей тогда окраиной Мехико - столицы страны, - и ставшей знаменитой благодаря проживанию там Троцкого.

В мексиканском порту Тампико Троцкого и Седову ждал сюрприз. На палубу танкера поднялась группа встречавших во главе с лидером троцкистской Социалистической рабочей партии США М. Шахтманом. Вместо приболевшего Риверы чету приветствовала его жена Фрида Кало (которая вскоре станет причиной одного из самых острых за более чем тридцатилетнюю совместную жизнь Троцкого и Седовой семейного конфликта). От имени президента Карденаса Троцкого приветствовал генерал Бельтран в сопровождении журналистов. "Идальго", личный поезд президента, отвез их в Мехико. Они поселились в подготовленном Риверой "голубом доме"

Троцкий и Седова были ошеломлены резко контрастировавшим с их скромным бытом в Норвегии сердечным приемом, условиями жизни и отношением к ним властей. Они восприняли новый дом, как неизвестную планету. Он был окружен деревьями, диковинными тропическими растениями. Громадные комнаты, украшенные фресками и картинами, напоминали залы художественной галереи. Прекрасное питание, овощи и фрукты, которые вызвали особенное удовольствие Троцкого. Было от чего прийти в приподнятое настроение

Когда он познакомился с Фридой Кало, она обращала на себя взоры мужчин куда моложе и энергичнее стареющего Троцкого. Как и её муж, Фрида была художницей, обладала тонким чутьем, прекрасными манерами, образованием. Семья Риверы жила рядом с "голубым домом" и почти ежедневно

навещала его обитателей. При встречах от ударившегося в галантность Троцкого все чаще можно было услышать в виде приветствия слова "лав", "май лав". Пошел обмен записочками. Делалось это в незатейливой, с расчетом на невинную шуточку манере полуфлирта. Троцкий вкладывал записочку в книгу, которую предлагал Фриде почитать. Та отвечала ему тем же способом, возвращая очередной роман. Происходило это нередко в присутствии Диего и Натальи.

Переписка обернулась встречей на фазенде Сан Мигель Регла в 130 километрах от Мехико, которую снял для дорогих гостей Ривера. 7 июля 1937 г., сославшись на необходимость отдохнуть, поохотиться в горах, Троцкий уехал на фазенду, оставив Наталью одну. 11 июля к нему присоединилась Фрида. Узнав об этом, Седова в письме Троцкому потребовала объяснений. Между ними началась, как всегда бывает в таких ситуациях, нелепая переписка.

Наталья стеснялась даже написать полностью имя Фриды, ограничившись инициалом "Ф". Хотя внешне она оставалась спокойной, переживала чрезвычайно. Подобно Крупской, узнавшей о связи Ленина с И. Арманд, предложила Троцкому свой уход, не желая мешать его счастью.

Тогда Троцкий ударился в самобичевание. "Умоляю, перестань соревноваться с женщиной, которая значит так мало", - писал он. Значила "мало" для него, тогда как Наталья по-прежнему оставалась "всем". Троцкий писал, что "полон стыда и ненависти к себе", подписывал письма с непривычным для себя самоуничижением: "Твоя старая верная собака". Изливал душу: "Как я люблю тебя, Ната, моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь, моя жертва". Несколько раз он даже пытался сравнить себя

с Л. Толстым, который писал в дневниках, что прогулки верхом на лошади возрождают в нем мужские желания.

Кончилась любовная история довольно скоро. В середине июля Троцкий вернулся в Койоакан. 17 июля в госпитале Мехико ему сделали операцию аппендицита. Наталья смирилась, простив мужу его очередную измену.

Как отнесся к роману Диего Ривера, муж Фриды Кало? Он боготворил Троцкого. Изобразил фигуры Ленина и Троцкого на главной фреске в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке.

Ривера не выгнал их из "голубого дома", как, наверное, поступил бы любой обманутый муж. Троцкий и Седова прожили там ещё два года, пока не разразился открытый скандал по самому ничтожному поводу: появление в американском журнале "Партизан ревью" манифеста Троцкого о свободе искусства, с которым не согласился Ривера. Не в манифесте дело. Действительной причиной разрыва отношений стал флирт Троцкого с Фридой. Ривера не простил ему подлости.

Ну а сама Фрида как повела себя в столь щекотливой ситуации? Да никак. По крайней мере трагедии не сделала. Не в последнюю очередь потому, что сблизилась с Троцким не из-за любовных чувств. Сказалось обычное женское любопытство. К тому же не забудем - мексиканка, темпераментная, горячая, как солнце в тех краях. Впервые увидела самого организатора Октября! У кого не закружится голова и кому не захочется поближе узнать, что это за "диковинка"?

Фрида Кало и Диего Ривера - были своеобразной парой талантливых художников и любовная связь Фриды с Троцким не простая случайность.

Диего Ривера трижды обзаводился семьей. Первый раз он женился на русской женщине Ангелине Беловой

в Париже. Жили они нищенски, в основном на заработки супруги. У них родился мертвый ребенок.

Уезжая из Парижа в Мексику, Диего бросил свою русскую подругу и учел свой первый семейный опыт: в дальнейшем он женится только на состоятельных женщинах. Второй женой его стала Гвадалупе Марин, обладательница большого доходного дома, она была красива, но фригидна. Между супругами часто происходили ссоры, как правило, заканчивавшие свирепыми драками.

Третьей женой Диего стала Фрида Кало, богатая женщина, унаследовавшая от своих родителей хорошее состояние. Она была нимфоманкой, ни в грош в постели не ставила своего мужа, а изменяла ему направо и налево. "Голубой дом", где жили Троцкие, принадлежал ей. У неё было загородное поместье, в котором и произошло её любовное свидание с Троцким.

Для Фриды Кало, убежденной троцкистки, Троцкий был кумиром - идейным и кумиром живым, во плоти. Сказать, что она его любила - нет, она с ним развлекалась. И этого развлечения ей хватило не на долго. Она была маленького роста, на две головы ниже своего мужа Диего и умерла от рака на 50 году своей жизни.

Летом 1939 г., разойдясь с Риверой, Троцкий покинул "голубой дом". Но уехал недалеко. Переселился с улицы Лондона на улицу Вены, в том же районе. За сносную цену Троцкий снял отдельный дом с садом, обнесенный кирпичным забором. Здание старое, нуждалось в ремонте, но за неимением средств сгодилось.

Правда, возникла новая сложность. Прошел слух, что ГПУ собиралось выкупить дом. Возможно, эти слухи распространяла коммунистическая и профсоюзная печать, которая постоянно вела кампании против Троцкого. Он менял страны, в которых к руководству

приходили новые люди, а антитроцкистские выпады продолжались. Поэтому за долгие годы он почти привык к ним.

Он вынужден был принять контрмеры, попытаться самому перекупить дом. Сделать это оказалось непросто. Троцкому едва удавалось сводить концы с концами. Он, как и в первые месяцы на Принкипо, залез в долги. Начались поиски издательств и журналов для публикации новых произведений. Троцкий возобновил переговоры с разными институтами и библиотеками о продаже архивов. В марте 1940 г. Гарвардский университет предложил Троцкому 6 тыс. долларов за весь архив. Троцкий отказался. После непродолжительного торга он уступил за 15 тыс. долларов. Через 50 лет, в марте 1990 г., на аукционе фирмы "Суонн Гэллериз" в Нью-Йорке владелец книжного магазина "Наследие" из Лос-Анджелеса Лу Уайнстин приобрел единственное письмо Троцкого, направленное им с посыльным из Брест-Литовска Ленину, за 27 500 долларов.

Троцкий занял деньги и купил дом. Спасаясь от постоянных угроз сталинистов, местных и московских, укрепил стены и ворота, установил сигнализацию. Позднее построили надвратную вышку для часового. Дом превратился в подобие крепости. Сходство усилилось ещё более, когда установили круглосуточное дежурство. Его несли пять мексиканских полицейских снаружи и от восьми до десяти троцкистских охранников внутри. Отдежурив смену, они превращались в личных секретарей Троцкого.

Поскольку существование Троцкого все более походило на жизнь политзаключенного (каждый выезд за пределы крепости представлял чрезвычайную сложность), Троцкий должен был прятаться чуть ли не на дно машины, чтоб прохожие не видели его и не смогли узнать), у него появилось новое хобби: кактусы и

кролики. Троцкий в редкие выезды за город увлеченно собирал кактусы, привозил их домой и пересаживал в кадки. Кроликами занимался в дни вынужденного затворничества. Сам кормил их, чистил клетки, словом, делал все, что полагалось.

В конце 1937 г. Троцкий узнал о том, что в Испании исчез тридцатичетырехлетний чешский гражданин Эрвин Вольф, который работал личным секретарем Троцкого. По всей видимости, в Испании он оказался с целью налаживания контактов с организациями троцкистов - ПОУМ.

Еще более ужасно для Троцкого начался 1938 г. 16 февраля вечерние мексиканские газеты поместили краткую телеграмму о смерти Льва Седова в результате хирургической операции. Троцкому об этом сообщил Диего Ривера, который самостоятельно проверил информацию. Через час Троцкий страшную весть сообщил Наталье. "Так закончился для нас день 16-го февраля, - писал Троцкий, - самый черный день в нашей личной жизни".

Смерть Льва Седова наступила неожиданно. С конца 1937 г. он чувствовал себя все хуже: бессонница, которой раньше не знал, боли в сердце и желудке, лихорадка. Возможно, это было вызвано аппендицитом. Лев со дня на день откладывал операцию. 8 февраля последовал острейший приступ. Он написал письмо, вручил жене, сказав, что его можно распечатать, если с ним что-то случится. По его просьбе Этьен, бывший при нем неотлучно (который окажется Марком (Мордкой) Зборовским, польским евреем, агентом ОГПУ), вызвал скорую помощь и отвез Леву в частную клинику, где работали русские врачи-эмигранты.

В тот же вечер его положили на стол. Операция прошла успешно, и он стал быстро поправляться. Кроме Этьена, с ним никто не общался, так как Лева категорически запретил сообщать свое

местонахождение, видимо, из конспиративных целей. Так прошли четыре дня. Абсцесс возник внезапно. Лева почувствовал страшные боли в животе, потерял сознание. Его срочно прооперировали вторично. Но, не приходя в сознание, больной скончался. По этому поводу в заявлении Международного секретариата IV Интернационала сообщалось: "Лев Седов, наш товарищ Седов, сын Льва Троцкого, умер в среду 16 февраля в 11 час. 30 мин. утра. Перевезенный за несколько дней до этого в больницу, где его подвергли операции ("заворот кишок"), наш несчастный товарищ скончался от инфекции. Такова версия врачей". Похороны состоялись на кладбище Пер-Лашез в присутствии почти 2 тыс. человек.

Ни Троцкий, ни близкие Седову люди не приняли версию врачей. Вдова покойного Жанна заявила, что это дело рук ОГПУ. По некоторым косвенным данным, клиника принадлежала Обществу репатриации русских эмигрантов, все доктора и обслуживающий персонал вплоть до поваров и швейцаров также были выходцами из России. Естественно предположить, что они не испытывали добрых чувств к сыну человека, которого по праву считали главным виновником своих бед.

Троцкому стало ясно, что круг замкнулся. Он всерьез стал задумываться о самоубийстве. Каждый день начинался им с фразы: "Они нас не убили этой ночью. Они подарили нам ещё один день".

27 февраля 1940 г. Троцкий записал первые строки своего так и не законченного "завещания". Были среди них и такие: "Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтоб воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу ярко-зеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят её от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне".

20 августа 1940 г. около шести часов вечера Н. И. Седова в саду их виллы в Койоакане увидела мужа с молодым человеком. Впервые он побывал здесь три месяца назад, 24 мая, как раз в тот самый злополучный день, ранним утром которого группа лиц, переодетых в форму полицейских и офицеров мексиканской армии, совершила покушение на Троцкого.

Седова поежилась, вспомнив то ужасное происшествие. В ушах все ещё слышалась беспорядочная стрельба: по стенам комнат, в которых проживала семья Троцкого, выпустили свыше 300 пуль, в окна бросили несколько зажигательных гранат. Седова получила незначительные ожоги. Троцкий и его внук оказались легко ранеными.

Ответственность за покушение взял на себя знаменитый художник-монументалист Давид Альфаро Сикейрос. Когда он узнал о неудаче, то в сердцах воскликнул: "Все впустую!" Команде Сикейроса помог охранник Шилдон. Он открыл ворота, а после обстрела дома уехал с нападавшими. Вскоре за городом обнаружили его труп. Троцкий отказался поверить в причастность Шилдона к покушению. По его указанию тело предателя похоронили в саду дома Троцкого.

Одному из авторов книги удалось в 1960 году встретиться в Мехико столице Мексике, - с организатором первого покушения на Троцкого мексиканским художником Хосе Давидом Альфаро Сикейросом. Он был одним из трех великих мексиканских художников муралистов, занимавшихся фресковой живописью - нанесение красок на влажную штукатурку - фреску. Помимо Сикейроса этими художниками были: Диего Ривера и Хосе Клементе Ороско.

Когда мы встретились, Сикейрос работал над монументальным циклом "Марш человечества" - Полифорум на здании Мексиканского университета.

Сикейрос воевал в Испании на стороне республиканцев против фашизма в 1937-38 годах, командовал одной из интербригад, сражался под Теруэлем, где были одни из самых ожесточенных боев, получил чин полковника испанской республиканской армии.

Рассказ Д. А. Сикейроса:

"Все началось ещё в Испании, когда мы узнали, что генерал Карденас президент Мексики, уступив просьбам Диего Риверы и Фриды Кало, особенно Фриды, в то время убежденной троцкистки, согласился предоставить убежище Льву Троцкому в Мексике. Это вызвало страшное возмущение, что непосредственно сказалось на отношении к нам, мексиканцам, сражавшимся против фашизма в Испании на самих различных постах - от командиров бригад до командиров рот.

Мы, оставшиеся в живых мексиканцы, впервые собрались вместе на испанской земле. Мы задавали друг другу один и тот же вопрос: "Можем ли мы позволить, чтобы Троцкий сидел в Мексике под опекой правительства? Будь что будет, - сказали мы, - но штаб-квартира Троцкого в Мексике должна быть уничтожена, даже если бы пришлось прибегнуть к насилию. Мы должны сделать это во имя испанского народа, с кровью которого смешалась пролитая нами кровь, во имя жизненных интересов Мексики.

Приехав в Мексику, мы сами убедились в том, о чем знали из доходивших до нас сведений. Диего Ривера приютил Троцкого в своем доме и превратил этот дом в настоящую крепость. Там свободно собирались члены так называемого IV Интернационала, приезжавших со всех концов света.

Все участники войны в Испании, добивавшиеся ликвидации штаб-квартиры Троцкого в Мексике, понимали, что наши действия в любом случае будут

считаться противозаконными. Наша главная цель, или глобальная задача всей операции, состояла в следующем: захватить по возможности все документы, но любой ценой избежать кровопролития. Мы считали, что смерть Троцкого или кого-либо из его сообщников не остановит развития троцкизма, как международного движения.

Первая задача состояла в том, чтобы разоружить мексиканскую полицию, без чего мы не смогли бы проникнуть в убежище Троцкого, который превратил свой дом действительно в крепость, возведя вокруг него высокую ограду и осветив все подступы к нему. Для мексиканских полицейских построили небольшое помещение возле восточного угла ограды, откуда была проведена сигнализация на случай тревоги, и четыре - у каждого угла дома - будки, которые также были оборудованы сигнальными устройствами. Внутри дома находились баррикады, сложенные из небольших мешков с песком, имелась секретная система, с помощью которой охранники открывали дверь и устанавливали личность посетителей.

В отношении моего личного участия в этой операции скажу лишь то, что, что в мою задачу входило блокирование внешней охраны дома Троцкого, состоявшей из 35 вооруженных маузерами мексиканских полицейских, и что эту задачу я должным образом выполнил.

Я никогда не отрицал и не отрицаю того, что формально, если исходить из действующего законодательства, мое участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 года является преступлением. За это я пробыл долгое время в тюрьме, свыше трех лет в изгнании, потерял большую сумму денег, внесенную в качестве залога, и подвергся оскорбительным нападкам во внешнем мире".

Покушавшийся в душный августовский вечер, в отличие от группы Сикейроса, был один. Действовал не торопясь, взвешивая каждый шаг. Согласно записям секретарей Троцкого в журнале посещений виллы, он побывал там 12 раз. Подсчитано и общее количество времени, проведенного им на вилле: 4 часа 27 минут.

Убийца Троцкого за 12 дней до покушения общался с ним. Причем рекордное, пожалуй, время за все визиты - около часа. К тому же впервые наедине.

Позже Седова не без оснований рассматривала этот визит как своего рода генеральную репетицию убийства. Ей бросилось в глаза то, что обычно спокойный, невозмутимый молодой человек на этот раз явно нервничал. Несмотря на жару, в руках у него был плащ. Видимо, уже в это предпоследнее посещение убийца имел при себе ледоруб.

Формальным поводом для визита послужила просьба к Троцкому отредактировать статью, в которой критиковались американские троцкисты М. Шахтман и Дж. Бернхейм за отступничество от "движения". В кабинете хозяина виллы убийца устроился позади Троцкого, читавшего его статью. Это особенно не понравилось Троцкому, о чем он в тот же вечер сказал жене. Вообще вся затея со статьей и посещением весьма насторожила Троцкого. Но никаких мер предосторожности принято не было.

Удар был нанесен ледорубом в затылок. Он оказался настолько сильным, что вмятина в голове составила почти 7 сантиметров.

Троцкий издал истошный крик, вцепился в пиджак убийцы, норовя укусить его. Тот пытался увернуться. После мгновенной схватки ему это удалось. Троцкий упал, поднялся и, держась за залитую кровью голову, шатаясь побрел к выходу. Тут его подхватили охранники, которые принялись избивать находившегося в шоке убийцу. От смерти его спас Троцкий, который,

прежде чем потерять сознание, успел прохрипеть: "Не трогать! Он должен говорить!"

Вскоре Троцкий пришел в себя, стал обмениваться репликами с женой и секретарями. Прибывший врач заявил, что не видит "ничего серьезного". Тем не менее раненый и покушавшийся были госпитализированы, получив всю возможную в ту пору и в тех условиях медицинскую помощь.

Утром 21 августа Троцкий сказал, что ему лучше, попросил показать статистические данные по экономике Франции. Но затем его состояние резко ухудшилось. Попытки хирурга Г. База и пяти ассистентов спасти Троцкого оказались тщетными. В 19 часов 25 минут Троцкий скончался.

Похороны состоялись через несколько дней. Люди разных политических взглядов и убеждений пришли проститься с Троцким. Он был кремирован и похоронен в саду своей виллы.

Убийцу судили и по мексиканскому уголовному кодексу приговорили к высшей мере наказания - двадцати годам тюремного заключения. Им оказался бельгийский подданный Жак Морнар, прибывший в Мексику из США в октябре 1939 г. с целью туристической поездки. В ходе расследования выяснилось, что указанные имя, фамилия и гражданство фальшивые. Под ними скрывался испанец Рамон дель Рио Меркадер.

Он родился 7 февраля 1913 г. в Барселоне в довольно состоятельной семье. Кроме него было ещё четверо детей - трое сыновей и дочь. Родители Меркадера разошлись. Мать Каридад с детьми переехала в Париж, где вела полубогемный образ жизни. Биография Рамона типична для детей круга его родителей - учеба в лицее, армия. В 1935 г. уже находясь в Испании, он участвовал в молодежном движении. Был арестован, но вскоре освобожден

пришедшим к власти правительством Народного фронта.

Летом 1938 г. в Париже Меркадера познакомили с гражданкой США, русской по происхождению, Сильвией Агеловой-Масловой, яркой троцкисткой. Агелова как раз участвовала в подготовке учредительной конференции IV Интернационала. С невыразительной внешностью, не избалованная вниманием мужчин и к тому же старше Меркадера на несколько лет, Сильвия увлеклась им не на шутку. Тем более что он старательно изображал из себя приверженца троцкизма и главное - обещал Сильвии на ней жениться. Агелова познакомила Меркадера с родной сестрой, секретарем Троцкого, курсировавшей между Парижем и Мехико. На сестру огромное впечатление произвели внешность Меркадера и безукоризненные манеры. Через сестер Меркадер вошел в доверие к чете Росмеров. Они-то и ввели его в дом Троцкого.

Прибывшие на место преступления агенты секретней полиции во главе с генералом Санчесом Салазаром обнаружили в кармане плаща Меркадера несколько страниц машинописного текста. Под ними стояли подпись убийцы и дата 20. 8. 1940. В материалах следствия этот текст фигурировал под названием "письмо Джексона-Морнара".

В нем подробно изложены мотивы убийства. Они сводились к трем положениям: разочарование в Троцком как "великом пролетарском революционере"; протест Меркадера против попытки Троцкого завербовать его для отправки в СССР для совершения террористических и диверсионных актов; возражения Троцкого против женитьбы Меркадера на Агеловой.

В письме делалась попытка всю полноту ответственности за покушение возложить на Меркадера, представить его убийцей-одиночкой,

пошедшим на преступление не только по идейно-политическим, но и личным соображениям.

Этот набор мотивов убийства в разных сочетаниях, с разными вариациями деталей повторялся затем Меркадером в ходе следствия, состоявшегося через три года в Мехико суда, а также в опубликованной во время судебного разбирательства его статье "Почему я убил Троцкого".

В одиночку, без квалифицированной помощи, Меркадеру было бы не по силам осуществить такое дело. Подлинным организатором убийства был полковник НКВД Леонид Эйтингон, известный под псевдонимами Леонтьев, Котов, Рабинович. Эйтингон завербовал мать Меркадера - Каридад, сделав её своей любовницей, а через неё вовлек в дело сына. В 1939 г. в Париже Эйтингон оказался тем "незнакомцем", который, по показаниям Меркадера, вручил ему паспорт на имя канадца Джексона. Паспорт действительно принадлежал гражданину Канады, но югославу по происхождению Бабичу, погибшему в Испании бойцу интербригад.

Через Каридад Эйтингон передал Меркадеру 5 тыс. долларов для поездки за океан. Он был автором найденного у Меркадера при аресте "письма Джексона-Морнара". В день убийства Троцкого Эйтингон и Каридад ждали его неподалеку от виллы в Койоакане, чтобы вывезти по отработанному заранее маршруту. Но они не оставили Меркадера на произвол судьбы. Сперва помогли с адвокатами, а после суда облегчали отбывание срока.

Отсидев весь срок, Меркадер в 1960 г. вышел из тюрьмы. С женой, Ракель Мендоса, индианкой, на которой он женился в тюрьме, оказался на Кубе. Выехал в Прагу, потом в Советский Союз. В 1961 г. ему присвоили звание Героя Советского Союза, дали пенсию (400 рублей), квартиру на Соколе и дачу в Малаховке.

Работал он в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Был одним из авторов истории Испанской коммунистической партии.

Меркадер с женой жили в Москве, но их изматывала непростая бытовая сторона жизни. Рамон написал письмо Ф. Кастро с просьбой разрешить переехать в Гавану. Последние годы жизни Меркадер провел на Кубе. Умер он в 1978 г., по его желанию прах похоронен в Москве, на Кунцевском кладбище. В 1987 г. на могиле появилась гранитная плита, на которой золотыми буквами выгравировано: "Лопес Рамон Иванович, Герой Советского Союза". Такая же надпись есть на почетной доске у входа в КГБ.

Один из авторов книги встретился с убийцей Троцкого Рамоном Меркадером в Москве в 1972 г. Встреча произошла на старом Арбате, в небольшом двухэтажном старинном здании, постройки XIX века. Здесь на втором этаже располагалась испанская редакция журнала "Общественные науки и современность". Этажом ниже находились редакции этого же издания - русская, английская и немецкая.

Главным редактором всех изданий был Иосиф Р. Григулевич, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии Наук СССР, специализировавшийся по истории стран Латинской Америки.

Во время убийства Троцкого в 1940 году Иосиф Григулевич был резидентом советской разведки в Мексике и, в случае провала второй попытки убийства противника Сталина, должен был организовать и провести новое покушение на Троцкого.

За прошедшие 32 года Рамон Меркадер сильно изменился. Это уже не был худощавый и стройный юноша. Передо мной сидел на стуле плотный, среднего роста человек с седеющей шевелюрой. У него был высокий лоб, чуть заметные скулы и твердый

подбородок, глаза внимательные, но со скучающим взглядом. В нем, мне показалось был вопрос: "Чем бы заняться интересным?". Мы предложили ему стилистическую работу над испанским переводом. Он без слов отказался.

В ходе беседы удалось его немного разговорить. Русский язык он знал неважно, - понимал хорошо, но говорил плохо, поэтому беседа велась на испанском языке.

Запись беседы с Р. Меркадером:

"- Вы не сразу сумели убить Троцкого, почему?

- Троцкий всегда был настороже, у него было какое-то внутреннее чувство опасности ко всему окружающему. Опыта бить человека ледорубом по голове у меня не было. Я нанес первый удар и мне показалось, что он был довольно сильным. Но неистовства, исступления, чувства злобы у меня в этот момент не было, поэтому удар получился не сокрушительный... Я собирался нанести второй удар, но Троцкий вскочил со стула и обеими руками ухватился за мой пиджак, при этом он что-то кричал. Отбросив ледоруб, я выхватил пистолет и попытался его пристрелить, но не успел: прибежала охрана...

- Как получилось, что вы остались живы?

- Троцкий получив от меня смертельный удар, спас мне жизнь, он кричал, чтобы меня не убивали, видимо, хотел узнать, кто меня нанял; звал жену, но не дергался, стоял возле стула, с которого вскочил. Тихо раскачиваясь, он пытался дотронуться до места удара на голове... Его руку отводила жена, смертельно бледная с расширенными глазами.

- Вы не пробовали убежать? Ведь на улице вас ждала машина?

- Нет. В машине сидела моя мать с одним сотрудником НКВД. Утром, когда мы собирались на "дело", она сказала, отчетливо выговаривая слова: "В

Мексике нет смертной казни, в Мексике нет смертной казни" и многозначительно посмотрела мне в глаза. Я понял, что мне лучше остаться в Мексике, ибо меня могут ликвидировать свои, чтобы не осталось главного свидетеля "дела".

- Расскажите о тюрьме, в которой вы так долго просидели?

- После суда и вынесения приговора меня поместили в огромной федеральной тюрьме, в секторе "И". Сектора - это длинные коридоры, разбитые на камеры. Выход из камер днем свободный, ночью они запирались, в тюрьме имелся дворик для прогулок. В отдельном строении были расположены различные мастерские - столярные, переплетные, пошивочные и др., имелся медицинский пункт. Сектор возглавлял староста из числа заключенных. В тюрьме случились и убийства. Один арестант мог убить другого всего лишь за пакетик марихуаны. Члены семьи заключенного могут посещать его в тюрьме по воскресеньям с девяти утра до половины пятого вечера. Время с двух до четырех было отведено в тюрьме для обеда. Как правило, заключенные объединялись втроем или вчетвером и готовили обед в одной из камер. В общий котел шли полученные передачи с воли и составлялось коллективное "меню". Самые неимущие заключенные просто подогревали тюремный обед. В тюрьме разрешались свидания с женой или подругой в специально отведенной для этого комнате. Иосиф Григулевич, который поставлял мне продукты и деньги, сосватал мне в жены местную индианскую девушку, он и сам был женат на местной женщине для прикрытия. В тюрьме никто не знал, что я Рамон Меркадер. С женой я встречался также, как и остальные заключенные, работал в столярной мастерской. За время моего заключения так и никто не узнал, какой я

национальности, помимо испанского, я мог изъясняться на нескольких языках: английском, французском".

Мать Меркадера после совершения убийства Троцкого вернулась в Москву. Она была убежденная сталинистка. В 1941-м перед началом войны Калинин вручил ей орден Ленина. В годы войны она была в эвакуации в Уфе, жила в лучшей гостинице города "Башкирия". В 1944 г. уехала во Францию. Умерла в Париже в возрасте восьмидесяти двух лет под портретом Сталина.

Смерть Троцкого не означала конца основанному им идейно-политическому течению.

Перед смертью Троцкий произнес одну из последних фраз: "Я верю в триумф IV Интернационала!" Он даже попытался выкрикнуть: "Вперед!". Мучительно умиравший человек выразил свою идею-фикс, которая владела им последнее десятилетие жизни. Перед кончиной он не вспомнил ни о своих любимых женщинах, ни о своих детях.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЛЕНИН В. И.

Ленин. Сибирская ссылка. По воспоминаниям современников и документам. Составитель А. И. Иванский. М., 1975

Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1972

Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965

Елизавета Драпкина. Зимний перевал. М., 1988

А. Г. Латышев. Рассекреченный Ленин, М., 1996

Бронислава Орса-Койдановская. Интимная жизнь Ленина. Минск, 1994

Лариса Васильева. Кремлевские жены. М., 1992

Н. А. Зенькович. Тайны кремлевских смертей. М., 1995

2. СТАЛИН И. В.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993

Александр Колесник. Мифы и правда о семье Сталина. М., 1991

Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. М., 1990

Светлана Аллилуева. Далекая музыка. М., 1992

Т. Енко. И. В. Сталин. Штрихи к биографии. М., 1995

Леонард Гендлин. Исповедь любовницы Сталина. Минск., 1994

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969

Борис Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990

А. Т. Рыбин. Рядом со Сталиным. М., 1992

Неизвестный Сталин. М., 1994

Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. М., 1990

З. ТРОЦКИЙ Л.Д.

Лев Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. 2-х т. М., 1990

Лев Троцкий. Дневники и письма. Эрмитаж. 1996

Л. Рейснер. Избранное. М., 1965

Н. А. Васецкий. Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992

Г. А. Зив. Троцкий. Характеристика (по личным воспоминаниям). Нью-Йорк, 1921